

Институт языкознания РАН
Институт перевода Библии

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences
Institute for Bible Translation

Родной язык

Лингвистический журнал

Rodnoy Yazyk

Linguistic Journal

№2 2025

Москва, 2025

ISSN 2313-5816
DOI 10.37892/2313-5816-2025-2
УДК Беляев 811.223.2

Виноградова 811.22

Иванов, Додыхудоева 811.222.1; 811.222.7; 811.222.8

Коган 811.371

Варбот 811.161.1

Трофимов 811.222.1; 811.222.8

Арманд, Бадеев 811.221.3

Дзицойты 811.221.18

Оранская 811.222.8

Симс-Уильямс 811.222.1

Челышева 811.13

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

В. М. Алпатов, М. Беерле-Моор, А. В. Дыбо,

А. А. Кибрик, Г. Ц. Пюрбеев, М. З. Улаков

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Т. Б. Агранат (главный редактор), А. Н. Биткеева, П. Бокале, Т. Виер, А. Вио,

В. Ю. Войнов, К. Т. Гадилля, К. Д. Гаррисон, Т. А. Майсак, О. А. Мудрак,

Ю. В. Псянчин, М. Рисслер, Е. Л. Рудницкая, Л. Уэйли, М. Ш. Халилов, Д. Эршлер

Приглашенный редактор Л. Р. Додыхудоева

Редактор *Т. О. Майская* Верстка *А. А. Маженова*

Адрес редакции: Москва, 119334, Андреевская наб. 2,

Институт перевода Библии

Тел.: (495) 956-64-46

Интернет-сайт журнала: <https://rodyaz.ru>

email: rodyaz@iling-ran.ru

EDITORIAL COUNCIL

V. M. Alpatov, M. Beerle-Moor, A. V. Dybo,

A. A. Kibrik, G. Ts. Pyurbeev, M. Z. Ulakov

EDITORIAL BOARD

T. B. Agranat (editor-in-chief), A. N. Bitkeeva, P. Bocale, D. Erschler, K. T. Gadilia,

K. D. Harrison, M. Sh. Khalilov, T. A. Maisak, O. A. Mudrak, Yu. V. Psyanchin,

M. Rießler, E. L. Rudnitskaya, A. Viaut, V. Voinov, L. Whaley, T. Wier

Guest Editor L. R. Dodykhudoeva

Editor *T. O. Mayskaya* Typesetting *A. A. Mazhenova*

Address: Institute for Bible Translation, Andreevskaya nab. 2,

Moscow 119334

Tel.: (495) 956-64-46

Internet: <https://rodyaz.ru>,

email: rodyaz@iling-ran.ru

***Специальный выпуск,
посвященный 95-летнему юбилею
Джой Иосифовны Эдельман.
Исследования коллег, друзей, учеников***

***Special issue celebrating
the 95th birthday of Joy Edelman
with articles written by her colleagues,
friends and former students***

СОДЕРЖАНИЕ

TABLE OF CONTENTS

Предисловие

<i>Preface</i>	7
----------------------	---

Проблемы грамматики ***Issues in grammar***

О. И. Беляев. К развитию цели из образа действия:
показатель *vari* в джалганском татском

<i>O. I. Belyaev. Getting "purpose" from "manner": The marker vari in Jalqan Tat</i>	8
--	---

С. П. Виноградова. О некоторых особенностях
синтаксиса речи Заратуштры в аспекте прагматики
(на примере авестийских Гат)

<i>S. P. Vinogradova. On the syntax of Zarathushtra's Gathas in terms of pragmatics</i>	57
---	----

V. B. Ivanov, L. R. Dodykhudoeva. The information
structure of phraseology: Mazanderani
in correlation with Persian and Tajik

<i>В. Б. Иванов, Л. Р. Додыхудоева. Информационная структура мазандеранской фразеологии в соотношении с персидским и таджикским материалом</i>	87
--	----

Языковые контакты**Language contact**

А. И. Коган. Арийская заимствованная лексика
языка бурушаски в свете недавних
этимологических исследований

*A. I. Kogan. Aryan borrowings in Burushaski
in light of recent etymological research 115*

Из истории слов. Этимология**From the history of words. Etymology**

Ж. Ж. Варбот. Русск. диал. ры́д- ‘рвать, рыть’
и спорыда́ть

*Zh. Zh. Varbot. Russian dialectal rýd- ‘to tear, dig’
and sporydát’ 132*

А. А. Трофимов. К проблеме этимологии кл. перс.
sumb, совр. перс. *som(b)*, тадж. сум ‘копыто’

*A. A. Trofimov. On the Etymology of Classical Persian sumb,
Modern Persian som(b), Tajik sum ‘hoof’ 138*

Е. Е. Арманд, А. О. Бадеев. Базисная лексика
шугнанского и бартангского языков

*E. Ye. Armand, A. O. Badeev. A basic vocabulary list
of the Shughni and Bartangi languages 153*

Ю. А. Дзиццойты. К этимологии ойконима *Дæргъæвс*

*Yu. A. Dzitsoity. On the Etymology
of the Ossetian oikonym Dærg’ævs 176*

Т. И. Оранская. Этимологии четырех слов аргосиссарских джуги

- T. I. Oranskaia. Etymologies of four words
in the Hissar Jugi argot* 182

**N. Sims-Williams. Middle Persian *tanwār* ‘body’
and its cognates**

- Н. Симс-Уильямс. Среднеперсидское *tanwār*
«тело» и его когнаты* 205

**Язык и социум
*Language and society***

**И. И. Чельшева. О «последствиях» труднодоступности
в истории миноритарных языков и диалектов**

- I. I. Chelysheva. The “after-effects” of inaccessibility
in the history of minority languages and dialects* 213

Предисловие

Этот выпуск журнала посвящен 95-летию юбилею Джой Иосифовны Эдельман — выдающегося ученого с широким кругом научных интересов, автора целого ряда основополагающих работ по индоиранской проблематике и в смежных направлениях языкознания, которые имеют непреходящее значение.

В течение многих десятилетий профессор Д. И. Эдельман активно ведет деятельность по сохранению и ревitalизации малоресурсных памирских языков, создавая для них алфавиты и развивая основы их письменной традиции.

Сегодня многолетнее служение Джой Иосифовны науке увенчалось монументальным трудом — «Этимологическим словарем иранских языков», начатым совместно с Верой Сергеевной Расторгуевой. Последние три тома (IV — 2011, V — 2015, VI — 2020) были подготовлены единолично Джой Иосифовной Эдельман. За этот титанический труд Президиумом Российской академии наук Джой Иосифовне Эдельман в 2024 году была присвоена золотая медаль имени В. И. Даля. В 2025 году профессор Джой Иосифовна Эдельман стала почетным членом Societas Iranologica Europaea.

В нашем выпуске журнала «Родной язык» собраны работы друзей, коллег и учеников Джой Иосифовны. И все они желают Джой Иосифовне здоровья и многих лет плодотворной работы.

Л. Р. Додыхудоева

К развитию цели из образа действия: показатель *vari* в джалганском татском

Олег Игоревич Беляев

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
Институт языкознания РАН
Москва, Россия
belyaev@ossetic-studies.org

В статье рассматривается функционирование показателя *vari* в джалганском — одном из диалектов татской подгруппы юго-западных иранских языков. Этот показатель практически не зафиксирован в других татских идиомах; в джалганском он широко используется в сравнительных конструкциях со значением подобия. В этой функции он конкурирует с предлогом *oqoste*, имеющим значительно более ограниченную дистрибуцию. В статье описывается дистрибуция этих двух показателей, а также семантические и морфосинтаксические особенности употребления *vari*. Особый интерес представляет развитие у показателя *vari* клаузуальных употреблений, прежде всего особого типа целевого значения — т. н. цели образа действия, — схожего с семантикой русского коннектора *так, чтобы*. Наличие столь схожих конструкций в структурно различных и географически отдаленных языках может говорить о типологической релевантности этого вида цели. Также в статье на основании сопоставительных иранских данных показано, что значение цели в джалганском развилось непосредственно из значения образа действия. Несмотря на то что подобная полисемия отмечалась в литературе, случаи, когда данные однозначно говорят о непосредственной связи двух значений, засвидетельствованы сравнительно редко.

Ключевые слова: иранские языки, татский, джалганский, сравнительные конструкции, сложное предложение, придаточные цели, придаточные образа действия

Благодарности: Я благодарен Т. А. Майсаку, Ю. В. Синицыной, А. Б. Летучему, А. А. Осиповой и Н. В. Сердобольской за ценные комментарии к языковым данным; Д. И. Эдельман, Д. Б. Буянеру, А. П. Выдрину, В. Б. Иванову, С. И. Каверину, А. Корн, Е. К. Молча-

новой, Д. Пастору, М. Сулейманову и А. А. Трофимову за примеры из татских и других иранских языков и этимологические комментарии; анонимному рецензенту за ценные замечания и исправления; носителям митаги-джалганского языка, в особенности Нажбетдину Керимуллаевичу Асланову и Галсуну Джангировичу Салахову, за перевод предложений и грамматические суждения.

Это исследование было бы невозможно без опоры на предшествующие работы отечественной школы иранистики и на историко-типологическую традицию, заложенную в огромной мере в трудах Джой Иосифовны, чей юбилей мы сейчас празднуем. Все ошибки — на моей совести.

Для цитирования: Беляев О. И. К развитию цели из образа действия: показатель *vari* в джалганском татском. *Родной язык. Лингвистический журнал*, 2025, 2: 8–56.

DOI: 10.37892/2313-5816-2025-2-8-56

Getting “purpose” from “manner”: The marker *vari* in Jalqan Tat

Oleg Igorevich Belyaev

*Lomonosov Moscow State University,
Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia
belyaev@ossetic-studies.org*

In the present article I analyze the functioning of the marker *vari* in Jalqan, a variety of Caucasian Tat (Southwestern Iranian). This marker is barely attested in other Caucasian Tat varieties; in Jalqan, however, it is widely used in comparative constructions indicating similarity. In this function it competes with the preposition *oqostä*, which has a much narrower distribution. I describe the distribution of these two markers, as well as semantic and morphosyntactic aspects of the use of *vari*. One remarkable trait is the development of clausal functions of *vari*, in particular a special kind of purpose – the so-called purpose of manner – which is similar to the semantics of Russian *tak*, *čtoby* (“so that”). The existence of such similar constructions in structurally distinct and geographically remote languages may suggest the typological relevance of this type of purpose. Furthermore, based on comparative Iranian data

I demonstrate that the meaning of purpose in Jalqan has developed directly from manner. Even though such polysemy is previously attested in the literature, cases where the data unequivocally suggest a direct connection between the two meanings are very scarce.

Keywords: Iranian languages, Caucasian Tat, Jalqan, comparative constructions, clause linkage, purpose clauses, manner clauses

For citation: Belyaev O. I. Getting “purpose” from “manner”: The marker *vari* in Jalqan Tat. *Rodnoy yazyk. Linguistic Journal*, 2025, 2: 8–56. DOI: 10.37892/2313-5816-2025-2-8-56

1. Введение

Полисемия показателей целевых придаточных и придаточных образа действия (в свою очередь, связанных со сравнительным/симилятивным значением ‘как’) в языках мира встречается сравнительно редко [Schmidtke-Bode 2009: 152] и во многих языках является частью более общей интерпретации соответствующего показателя как подчинительного, вводящего различные типы клауз, см. [Treis 2017; Kuteva et al. 2019: 400–401].¹ В литературе зафиксированы лишь единичные случаи, когда можно с уверенностью говорить о непосредственном развитии значения цели из образа действия. В настоящей статье будет показано, что к числу таких случаев, по-видимому, следует добавить джалганский — один из диалектов татской группы (юго-западные иранские < индоевропейские), распространенный в Дербентском районе Республики Дагестан. В джалганском показатель *vari*, основным значением которого является эквативно-симилятивное, может присоединяться также к нефинитным клаузам со значением образа действия или цели. При этом в це-

¹ Работа над разделами 2, 3.1 и 4.2 выполнена в рамках темы НИР 125032004235-9 «Интегративное изучение индоевропейских языков в диахронии и синхронии: филология и лингвистика». Работа над разделами 3.2, 3.3 и 4.1 выполнена при поддержке РНФ, проект № 22-18-00528-П «Связь пропозициональных единиц в предложении и в тексте: семантика и пути грамматикализации».

левой функции этот показатель маркирует особый подтип этого значения, который А. Б. Летучий [2017] назвал целью образа действия и который отчасти соответствует значению русского составного коннектора *так, чтобы*. В других иранских языках, в которых зафиксированы похожие показатели, они имеют только эквативно-симилятивную семантику и не употребляются с клаузами. Таким образом, в джалганском языке мы имеем дело с прямым развитием семантики цели из семантики образа действия.

Статья имеет следующую структуру. В разделе 2 дается обзор основных сведений о митаги-джалганском языке, одним из двух диалектов которого является джалганский; в том числе, даются базовые сведения о синтаксическом строе и глагольной морфологии. В разделе 3 обсуждаются функции показателя *vari* в джалганском, при этом особое внимание уделяется его употреблению в качестве целевого показателя. В разделе 4 представлен типологический обзор связи семантики цели и образа действия, а также рассматриваются похожие на *vari* показатели в других иранских языках. В разделе 5 даются основные выводы статьи и перспективы для дальнейших исследований.

2. Основные сведения о митаги-джалганском языке

2.1. Языки татской группы: социолингвистическая ситуация

Татским языком принято называть совокупность близкородственных иранских идиомов, распространенных на территории Северного Азербайджана и Южного Дагестана. Начиная с исследований А. Л. Грюнберга [1963], надежно установлено, что татские диалекты находятся в близком родстве с персидским и, таким образом, относятся к т. н. юго-западной группе иранских языков. Предполагается, что эта группа идиомов была ранее распространена в указанном ареале намного шире, но на протяжении веков была постепенно вытеснена азербайджанским языком [Suleymanov

2020: 24]. Как указывает М. Сулейманов, термин *tat* изначально является экзонимом, который использовался тюркскими племенами для обозначения оседлого (как правило, ираноязычного) населения на всем пространстве исламского мира. Часть носителей татских идиомов переняла это слово в качестве лингвонима (*tati* ‘татский’), но используют и другие термины: *parsi* («персидский»), *dayli* («горский») и некоторые другие [Там же: 25]; горские евреи используют этнорелигиозное обозначение *juhuri* ‘еврейский (язык)’. Таким образом, сложно говорить о понятии *tat* как единой этнической самоидентификации. На сегодняшний день официальная письменная кодификация и своя литературная традиция имеются только у горско-еврейского языка Дагестана, который в советское время принято было называть собственно «татским».

Большинство работ о татском было посвящено либо горско-еврейскому языку (в том числе, наиболее полная и недавняя грамматика [Authier 2012]), либо мусульманским диалектам Азербайджана [Миллер 1906; Миллер 1929; Грюнберг 1963; Mammadova 2017; Suleymanov 2020]. Принято считать, что в Дагестане мусульманские татские идиомы в основном вытеснены азербайджанским языком. Однако, как указывают многочисленные свидетельства этнографов и лингвистов [Магомедов и др. 2012; Викторин 2015; Кусаева и др. 2016], иранский язык сохранился в трех селах Дербентского района: Джалган (включая Нижний Джалган вблизи Дербента), Митаги и Митаги-Казмаляр. Проведенная в 2022 г. экспедиция сотрудников Института языкознания РАН в Дагестан подтвердила сохранность митагинского и джалганского диалектов [Koryakov 2022]; текущее распространение татских идиомов в Южном Дагестане представлено на Рис. 1. Настоящее исследование основано на данных, собранных в ходе экспедиции 2023 г. в с. Джалган; я благодарен моим консультантам за их грамматические суждения и прошу у них прощения за ошибки в фиксации языкового материала.

Рис. 1. Языки татской группы в Дагестане в 2010 г. (карта Ю. Б. Корякова)

Вопрос о классификации татских идиомов и о статусе отдельных диалектов пока до конца не прояснен. Традиционно используется термин «татский язык», однако Ж. Отье указывает, что на основании лингвистических характеристик можно говорить о нескольких татских языках [Authier 2016: 3179]. Лексические подсчеты, выполненные Ю. Б. Коряковым [Коряков 2022], указывают на то, что внутри татской группы можно выделить как минимум три отдельных языка: джуури, собственно татский и отдельно от последнего — ширванский татский. Митагинский и джалганский в этой схеме относятся к «собственно татскому», при этом доля соответствий в базовой лексике между митагинским и джалганским составляет 96 %, а между митаги-джалганским и

другими «собственно татскими» идиомами — 91 %. Последняя цифра соответствует пограничному статусу между языком и диалектом; учитывая обособленность носителей митагинского и джалганского и отсутствие у них татской идентичности,² представляется оправданным рассматривать митаги-джалганский как самостоятельный язык. При этом грамматические различия между митагинским и джалганским весьма существенны, так что представленные в настоящей статье джалганские данные нельзя автоматически переносить на митагинский.

2.2. Основные черты джалганской грамматики

Основные грамматические особенности джалганского в целом соответствуют другим идиомам татской группы. Как и в других иранских языках, порядок слов на уровне клаузы в татском — SOV. Актанты кодируются по аккузативному типу: подлежащее не маркируется, прямое дополнение как правило, кодируется показателем *=re* (который также кодирует внешних посессоров и реципиентов). В именной группе порядок смешанный: Det – Adj – N – Poss. Прилагательные в приименной позиции получают атрибутивный показатель *-(y)e*; в предикативной позиции они не маркируются. Посессоры могут быть немаркированными или оформляться зависимостным показателем *än* (*xune*³ (*än*) *amir* ‘дом Амира’); последний в ряде случаев является обязательным. Посессор может быть также выражен местоименными клитика-

² В советское время митагинцы и джалганцы официально рассматривались как азербайджанцы. Сегодня часть из них сохраняет эту идентичность, часть не имеет четкой этнической самоидентификации, используя обозначение соответствующих населенных пунктов («джалганцы», «митагинцы»). Свой язык многие носители называют *farsi*.

³ Анонимный рецензент указывает, что в других татских идиомах (например, в ширванском) в этой позиции сохраняются следы изафета (*xunä* → *xune* или *xune*y). В джалганском, как будет сказано ниже, *e* и *ä* в конечной позиции нейтрализуются. Появление конечного *-u* перед посессором не зафиксировано (Т. И. Давидюк, л. с.).

ми, которые в большинстве своем сегментно совпадают с соответствующими полными местоимениями (*me* ‘я’, *xune=me* ‘мой дом’), за исключением третьего лица (*u* ‘он(а), тот’, но *xune=uŷ* ‘его/ее дом’; *unoŋo* ‘они, те’, но *xunä=ŷu* ‘их дом’); последний тип можно считать случаем своего рода вершинного маркирования. Возможно также двойное маркирование, когда посессор выражен именной группой с послелогом *=re*, дублируемой посессивной энклитикой: *äli=re xune=uŷ* (A.=OVL дом=POSS.3SG) ‘дом Али’, букв ‘у Али его дом’.

Падежные противопоставления в джалганском полностью утрачены; существительные изменяются только по числу. Для зависимостного маркирования ИГ используются как предлоги, так и послелог; некоторые послелог, особенно «общекошвенный» показатель *=re* и инструменталис *=oz*, возможно, в некоторой степени подверглись морфологизации. Данный вопрос требует дополнительного изучения.

Глагольная система джалганского, как и других татских языков, строится на базе двух основ, образование которых в общем случае нерегулярно и которые соответствуют основам «настоящего» и «прошедшего» времени в других иранских языках, но полностью утратили какую-либо связь с соответствующей семантикой. Следуя М. Сулейманову, я буду называть эти основы «первой» и «второй» основой соответственно и обозначать соответствующими цифрами в нижнем индексе возле их перевода (_{1 2}). От первой основы образуются формы конъюнктива (*bu-ray-ŷm* ‘я бы пошел’ от глагола *rafte* ‘идти’, первая основа *ray-*) и т. н. эвентуалис (*éventuel*) [Authier 2012] — форму с неясной футурально-модальной семантикой⁴ (*tu-ray-ŷm* ‘я, вероятно, пойду’). Все остальные аспектуально-темпорально-модальные категории (презенс, аорист, имперфект, перфект, плюсквамперфект; «эвентуалис в прошлом», будущее, будущее в прошлом) образуются от второй основы. Поскольку описание глагольной морфологии не входит в задачи настоящего ис-

⁴ По форме эта категория соответствует настоящему времени новоперсидского языка (ср. *mi-rav-am* ‘я иду’) и может считаться примером т. н. «старого презенса» [Haspelmath 1998].

следования, я приведу лишь парадигмы презенса, аориста⁵ и перфекта, т. к. именно эти формы будут чаще всего встречаться в рассматриваемых примерах. Все указанные парадигмы образуются от второй основы.

Таблица 1. Парадигма презенса глагола *rafte* ‘идти’

лицо	ед. ч.	мн. ч.
1	<i>mú-raft-am</i>	<i>mú-raft-en-im</i>
2	<i>mú-raft-en-i</i>	<i>mú-raft-en-it</i>
3	<i>mú-raft-e</i>	<i>mú-raft-en-ut</i>

Таблица 2. Парадигма аориста глагола *rafte* ‘идти’

лицо	ед. ч.	мн. ч.
1	<i>ráft-um</i>	<i>ráft-im</i>
2	<i>ráft-i</i>	<i>ráft-it</i>
3	<i>raft</i>	<i>ráft-ut</i>

Таблица 3. Парадигма перфекта глагола *rafte* ‘идти’

лицо	ед. ч.	мн. ч.
1	<i>raft-ám</i>	<i>raft-éy-im</i>
2	<i>raft-éy-i</i>	<i>raft-éy-it</i>
3	<i>raft-éy</i>	<i>raft-éy-ut</i>

Среди нефинитных форм в джалганском выделяется общеподчинительная форма, которая образуется от второй основы при помощи показателя *-e*⁶ (*raft-e* ‘идти’). Функционал

⁵ Я использую этот термин в его общепринятом типологическом значении, т. е. как простое перфективное прошедшее время. Формы, которые в иранистике традиционно называют «аористом» [Головизнин 2025], я называю конъюнктивом (subjunctive).

⁶ С исторической точки зрения появление этой формы связано с утратой конечного согласного в общеперсидском окончании инфинитива *-ān*, в результате чего оно совпало с окончанием причастия прошедшего времени *-ā*, которое в джалганском на

этой формы чрезвычайно широк: она используется в приименных относительных придаточных (1), сентенциальных актантах⁷ (2) и сирконстантах⁸ (3).

- (1) [*tü der-e*] *kitob=e* *xund-am*
ты дать₂-SUBD книга=OBL читать₂-PRF:1SG
'Я прочел книгу, которую ты дал'.
- (2) *men=e* *xuř* *mu-mor-e*
я=OBL хороший IPFV-прийти₂-PRS[3SG]
[*futbol (bey)=säxt-e*]
футбол BEN=делать₂-SUBD
'Мне нравится играть в футбол'.
- (3) [*äli be šäh ba=raft-e*]
A. LOC город LOC=идти₂-SUBD
be=ü=roz *vegüft-eni* *fuad=e*
LOC=тот=INS брать₂-FUT[3SG] Ф.=OBL
'Когда Али поедет в город, он возьмет Фуада с собой'.

В транскрипции джалганских примеров я следую системе, используемой в грамматике ширванского татского [Suleymanov 2020]. При рассмотрении примеров важно учитывать, что в джалганском, как и в других татских идиомах, представлены элементы гармонии гласных: вокализм может быть весьма нестабилен и подвержен влиянию со-

конце слов сужается до *-e*. Несмотря на то что утрата конечного *-n* в той или иной степени характерна для всех татских идиомов, в некоторых из них эти формы продолжают дифференцироваться, ср. окончание *-än* в азербайджанских диалектах [Грюнберг 1963: 66]; в джалганском процесс их слияния достиг своего окончательного завершения.

⁷ В конструкциях с сентенциальными актантами подчинительная форма может сопровождаться бенефактивным предлогом *beu*; в некоторых случаях — обязательно. Правила употребления этого предлога в инфинитивных конструкциях пока неясны; ср. обсуждение М. Сулейманова для ширванского татского [Suleymanov 2020: 317–318].

⁸ Часто — в сочетании с пространственным предлогом *ba*. Его статус и дистрибуция, как и для предлога *beu*, пока неясны.

седних слогов. Однако, в отличие от тюркских языков, это явление в татском несистемно, и одно и то же слово, даже в нескольких его произнесениях одним носителем, может различаться составом гласных. Кроме того, фонемный состав джалганского пока не до конца установлен; в частности неясно, являются ли /ä/ и /e/ разными фонемами. В ряде позиций эти звуки, по-видимому, являются взаимозаменяемыми, или же выбор реализации определяется гласными в соседних слогах. В частности, /ä/ и /e/ нейтрализуются на конце фонетического слова, так что, например, подчинительная форма от глагола ‘идти’ может произноситься и ближе к *raftē*, и ближе к *raftä*. Поскольку не всегда можно определить на слух, какой именной гласный был произнесен, для конечной позиции я буду условно использовать символ /e/, при этом в остальных позициях я буду, насколько это возможно, различать эти звуки на основании произнесений, зафиксированных в конкретных примерах.

3. Показатель *vari* в джалганском

3.1. Употребление с ИГ

Сравнительные конструкции в митаги-джалганском языке ранее описывались в докладе [Винклер, Сеницына 2024], однако синтаксические свойства эквасимильятивных конструкций в этой работе подробно не обсуждались. В связи с этим я дам краткий обзор свойств показателя *vari* в его основных употреблениях, прежде чем перейти к обсуждению его полипредикативных функций.

Основной функцией постпозитивного показателя *vari* (также используется свободный вариант *varne*) в джалганском является обозначение стандарта сравнения в конструкциях со значением равенства. В типологической литературе принято различать эквативную и симильятивную функции [Haspelmath 2017; Сеницына 2025a]: в первом случае речь идет о равной степени обладания градуируемым признаком (*Петя такой же высокий, как Вася*); во втором — о сравнении двух ситуации по образу действия, который

представляет собой неградуируемую характеристику ситуации (*Петя поет как Карузо*). В джалганском татском в обоих случаях может использоваться как *vari*, так и препозитивный эквативно-симилятивный показатель *oqoste* ‘как’:

(4) эквативная функция

u bir-eu quwot-i oqoste päläng / päläng=vari
 тот быть₂-PRF[3SG] сила-ADJ как леопард леопард=SIM
 ‘Он был сильный как лев’.⁹

(5) симилятивная функция

u mu-xund-e oqoste quš / quš=vari
 тот IPFV-петь₂-PRS[3SG] как соловей соловей=SIM
 ‘Он поет как соловей’.

Несмотря на то что в (4)–(5) эти два показателя взаимозаменяемы, они имеют различную дистрибуцию. Показатель *vari* доступен для всех структурных позиций; он может присоединяться не только к вершине ИГ, но и к предложным и послеложным группам, причем сохранение исходного зависимостного маркирования обязательно: так, замена (7a) на (7б) приводит к недопустимой интерпретации симилятивной группы как относящейся к субъекту, а не к инструменту. Показатель *oqoste* присоединяется только к именным группам и не может использоваться ни в каких позициях, кроме субъектной, как видно из (6б) и (7в).

(6) а. *solmaz mōhi=re gušt(=e)=wari mu-bur-e*

С. рыба=OBL мясо=OBL=SIM IPFV-резать₂-PRS[3SG]
 ‘Солмаз режет рыбу, как мясо’.¹⁰

⁹ С этимологической точки зрения *päläng* означает ‘тигр’ или ‘леопард’; ‘лев’ же обозначается словом *šir*. Однако носители джалганского часто смешивают оба эти слова. Как указывает анонимный рецензент, в диалектах к югу *päläng* обозначает тигра, тогда как леопард обозначается словом *bābir*. Последняя лексема в моих записях не встретилась.

¹⁰ Необязательность показателя *=(r)e* на слове ‘мясо’ связано с тем, что маркирование объекта этого типа в джалганском не является обязательным.

б. **solmaz* *mohi=re* ***oqoste***

С. рыба=OVL как

gušt(=e) *tu-bur-e*

мясо(=OVL) IPFV-резать₂-PRS[3SG]

(‘Солмаз режет рыбу, как мясо’.)

Комментарий носителя: «Мясо само себя не режет».

(7) а. *bä=därbänd* *garm=ü* ***ba=afrika=warne***

LOC=Д. теплый=3SG LOC=A.=SIM

‘В Дербенте жарко, как в Африке’.

б. **bä=därbänd* *garm=ü* ***afrika=warne***

LOC=Д. теплый=3SG A.=SIM

(*«В Дербенте жарко, как Африка».)

в. **bä=därbänd* *garm=ü* ***oqoste*** ***(ba=)afrika***

LOC=Д. теплый=3SG как LOC=A.

(*«В Дербенте жарко, как Африка».)

В терминах М. Хаспельмата и О. Бухгольца [Haspelmath, Buchholz 1998: 306–308] конструкция с *vari* является конструкцией с прозрачным падежом (case-transparent), т. е. «копирует» маркирование того участника, которым отличаются сравниваемые ситуации. Если же пользоваться терминологией, разработанной Л. Стассеном для компаративных конструкций [Stassen 2013], то джалганскую конструкцию с показателем *vari* можно назвать конструкцией с *производным падежом*¹¹ (derived-case), в противовес конструкциям с *фиксированным падежом* (fixed-case), в которых маркирование стандарта не зависит от синтаксической позиции. В рамках этой классификации *oqoste* можно назвать показателем с фиксированным падежом.

С синтаксической точки зрения *oqoste* можно рассматривать как предлог, и в этом случае естественно, что он не может сочетаться с другими предлогами или послелогами. О *-vari*, напротив, можно предположить, что он не является

¹¹ Применительно к джалганскому под «падежом» здесь следует понимать не морфологический падеж (который в этом языке отсутствует), но предложное или послеложное маркирование участника.

ся послелогом и присоединяется не к ИГ или предложной/послеложной группе, но к клаузе, ср. похожее рассуждение Ю. В. Сеницыной применительно к горномарийскому языку [Сеницына 2023: 667]. Действительно, как мы увидим ниже, *-vari* может присоединяться и к нефинитным глагольным формам, так что в (9а) можно предполагать эллипсис глагола; некоторым препятствием, впрочем, является тот факт, что глагол здесь может быть только нефинитным. Разработка синтаксического анализа джалганских эквативных и симилятивных конструкций требует обращения к дополнительным данным и выходит за рамки настоящего исследования.

Другое синтаксическое различие между двумя показателями состоит в том, что только *vari*, но не *oqoste*, может употребляться в приименной позиции:

- (8) *päläng=vari* / **oqoste* *päläng*
 лев=SIM как лев
quwot-i *edemi=re* *dir-am*
 сила-ADJ человек=OBL видеть₂-PRF:1SG
 ‘Я видел сильного как лев человека’.
- (9) *me* *gädä=varne* / **oqoste* *gäde*
 я мальчик=SIM как мальчик
duxtä=re *dir-am*
 девочка=OBL видеть₂-PRF:1SG
 ‘Я видел девочку, похожую на мальчика’.

Здесь следует отметить одну необычную особенность приименного употребления *vari*, которая пока не имеет удовлетворительного объяснения. Как видно из (9), при использовании с нереферентными стандартами сравнения в позиции подлежащего *=varne* присоединяется непосредственно к существительному, что ожидаемо для показателя с «зависимым падежом». Однако, если стандарт сравнения в приименной позиции является референтным, существительное должно дополнительно маркироваться косвенным падежным послелогом *=re*:

- (10) *äli=re=warne* / *men=e=warne* *edemi*
 A.=OBL=SIM я=OBL=SIM человек

<i>i</i>	<i>kor=e</i>	<i>ne-mi-s-ü</i>
этот	работа	NEG-IPFV-делать ₂ [EVT]-3SG
‘Такой человек, как Али / я, не может этого сделать’.		

Неясно, как объяснить эту синтаксическую модель. Возможно, она связана с ролью *=re* как показателя дифференцированного маркирования прямого дополнения, однако факторы, определяющие это маркирование, пока не изучены. Можно также предположить, что особое маркирование в (10) связано с тем, что семантика таких примеров отличается от семантики классических эквативных и симилиативных конструкций, представленных в (6)–(9): в этих примерах признак сравнения либо явно выражен (7)–(8), либо неявно подразумевается: образ действия в (6), внешний вид или совокупность признаков, отличающих мальчиков от девочек, в (9). В то же время в (10) описывается человек, который в чем-то сопоставляется со мной или Али, но, поскольку не существует какого-либо конкретного, независимо известного набора свойств, характерных для меня или Али, признак сравнения здесь оказывается принципиально невозстановимым.¹² Кроме того, в контекстах типа (10) часто подразумевается, что речь идет о самом Али («Али разбил окно. — Нет, такой человек, как Али, не мог этого сделать»). Об особенностях таких конструкций в русском языке, с примерами их употреблений, см. [Летучий 2015: раздел 3.4, подтип А].

Между показателями *vari* и *oqoste* имеются и семантические различия. Оба показателя являются эквативно-симилиативными, но в функции соответствия носители используют показатель *vari*, но не *oqoste*:

(11) <i>adät=mu=wari</i>	<i>hürmät</i> ¹³
обычай=POSS.1PL=SIM	уважение

¹² Я благодарен за это наблюдение анонимному рецензенту.

¹³ Фонологический статус *h* (в противоположность *h*) неясен и требует отдельного изучения. Аналогичным образом, в некоторых словах (прежде всего, арабского происхождения: *ṣadät*, *ṣäli*, *ṣähmäd*) может произноситься начальный *ṣ*, однако это делается непоследовательно и не всеми носителями, поэтому этот звук в настоящей работе не отмечается.

<i>mi-st-en-im</i>	<i>bo</i>	<i>qunaq-u</i>
IPFV-делать ₂ -PRS-1PL	LOC	гость-PL
‘По нашему обычаю, мы уважаем гостей’.		

Напротив, в ролевой функции [Haspelmath, Buchholz 1998: 280] может употребляться только *oqoste* (12); *vari* в таких контекстах имеет симулятивное значение (‘как будто X’), ср (13), в котором использование *vari* предполагает то, что говорящий не является отцом ребенка.

- (12) а. *u* *guftir-ey* ***mellim=varne***
 тот сказать₂-PRF[3SG] учитель=SIM
 ‘Он сказал, как будто / *как учитель’.
- б. *u* *guftir-ey* ***oqoste*** ***mellim***
 тот сказать₂-PRF[3SG] как учитель
 ‘Он сказал, как учитель (= будучи учителем)’.

- (13) # ***piyä=wari*** *me* *fikir*
 отец=SIM я мысль
 me-kešir-am *eseb* *äyäl=me*
 IPFV-тянуть₂-PRS:1SG о ребенок=POSS.1SG
 #‘Как будто отец, я переживаю за своего ребенка’.

Из этого можно было бы заключить, что *oqoste* имеет скорее эквативное значение, а *vari* — собственно симулятивное (подобие, но не совпадение). Однако в прототипических контекстах противопоставить эти два значения не удастся. Так, в (14) значение совпадения, согласно суждениям носителей, усиливается аддитивной частицей *=iš*, при этом в равной степени возможно использование обоих показателей. Оба варианта также предполагают, что оба сравниваемых индивида являются высокими:

- (14) ***ähmäd=iš*** *turaz=u* ***oqoste*** ***äli*** /
 A.=ADD длинный=3SG как A.
 äli=varne, (# *amma* *äli* *sära=yu*)
 A.=SIM но A. короткий=3SG
 ‘Ахмед такой же высокий, как Али (#, но Али низкий)’.

Это противоречит критерию Дж. Ретт для эксплицитных эквативных конструкций, согласно которому они не

предполагают оценочной семантики (^{OK}*Jane is as tall as Bill, but she's short*); так называемые имплицитные эквативы собственно скалярной интерпретации не имеют и фактически утверждают наличие параметра сравнения у обоих индивидов (*# Jane is tall like Bill, but she's short*) [Rett 2020: 181]. В соответствии с этим критерием, ни *vari*, ни *oqoste* не являются эквативными показателями в собственном смысле этого слова; оба обладают симилиативной семантикой, и эквативное употребление возникает у них лишь имплицитно (если Ахмед высок подобно Али, то это предполагает совпадение или близость их роста).

Таким образом, контраст в (12)–(13) объясняется не противопоставлением эквативной и симилиативной семантики, но тем, что *vari*, по всей видимости, обладает модальным компонентом («как будто»), отсутствующим у *oqoste*. Основные же различия между этими показателями лежат в синтаксической плоскости: *oqoste* является предлогом с «фиксированным падежом», который может быть связан только с подлежащим и не может оформлять приименной модификатор; *vari* является постпозитивной частицей или послелогом с производным падежом, который может относиться к любому актанту предложения и выступать как на уровне клаузы, так и в приименной позиции.

3.2. Употребление с глаголами

В отличие от препозитивного показателя *oqoste*, показатель *vari* может присоединяться к клаузам. В этом случае глагол должен стоять в общеподчинительной форме на *-e*. При этом сравнительное значение сохраняется, ср. (15) и (16), являющийся «развернутой» версией (6). Предлог *oqoste* к клаузам не присоединяется.

(15) <i>e</i>	<i>oyri</i>	<i>hükümet</i>	<i>omor-e=wari</i>
AVL	другой	страна	прийти ₂ -SUBD=SIM
<i>u</i>	<i>çıq</i>		<i>doşt-ey</i>
тот	разговор	держат ₂ -PRF[3SG]	
- ‘Он разговаривал так, будто приехал из другой страны’.

- (16) *solmaz* *mohi=re* *mu-bur-e*
 С. рыба=OBL IPFV-резать₂-PRS[3SG]
gušt=e ***burir-e=wari***
 мясо=OBL резать₂-SUBD=SIM
 ‘Солмаз режет рыбу, как (она) режет мясо’.

Этот показатель может также употребляться в значении образа действия в смысле равенства, а не подобия. Например, в (17) способ выполнения действия в главной клаузе равен способу действия, о котором говорил субъект зависимой клаузы. Такие предложения следует отличать от т. н. клауз соответствия (accord clauses) — иллокутивных конструкций, модифицирующих высказывание, а не образ действия в главной клаузе. Так, в (18) говорящий утверждает, что его поведение соответствует ранее сказанному им, но не сообщает никакой информации об образе действия. В таких конструкциях ни *vari*, ни другие симилиативные показатели в джалганском не используются; вместо них используется вопросительное слово *čenem* ‘как’.¹⁴

- (17) *u* ***guftir-e=wari*** *me* *säxt-am*
 тот говорить₂-SUBD=SIM я делать₂-PRF:1SG
 ‘Я сделал так, как он сказал’.
- (18) а. *čenem* *me* *be* *tü* *guftir-am*,
 как я LOC ты говорить₂-PRF:1SG
 me *unje* *nä-mu-raft-am*
 я там NEG-IPFV-идти₂-DUR:1SG
 б. * *me* *be* *tü* ***guftir-e=wari***,
 я LOC ты говорить₂-SUBD=SIM

¹⁴ При этом *čenem* является вопросительным словом и в общем случае не имеет эквативно-симилиативной функции ни с ИГ, ни с клаузами. По-видимому, в (18а) мы имеем дело со своего рода безвершинным относительным придаточным или коррелятивом с опущенным коррелятом («Как я тебе сказал, так я туда не пойду»). По замечанию анонимного рецензента, такое употребление может также быть результатом калькирования русской конструкции.

<i>me</i>	<i>unje</i>	<i>nä-mu-raft-am</i>
я	там	NEG-IPFV-идти ₂ -PRS:1SG

‘Как я тебе сказал, я туда не пойду’.

При этом широкая симулятивная семантика *vari* позволяет ему употребляться и в тех случаях, когда сравнение производится не по образу действия, а по другому параметру, например по количеству:

(19) *vegi* *pul=e* *tü* *xast-e=warne*
 брать.IMP[2SG] деньги=OBL ты хотеть₂-SUBD=SIM
 ‘Бери деньги, сколько хочешь (букв. «как хочешь»)’.

В качестве типичной для симулятивных показателей модели полисемии (ср. хотя бы рус. *как только*) *vari* используется для обозначения мгновенного предшествования:

(20) *fuad tülki dir-e=wari* *tufäng šund*
 Ф. лиса видеть₂-SUBD=SIM ружье бросать₂[AOR.3SG]
 ‘Как только Фуад увидел лису, он выстрелил’.

Подчинительная форма с показателем *vari* может выступать в предикативной позиции вместе с клитикой-связкой. В этом случае она получает симулятивное (21) или эпистемическое (22) значение.

(21) *ähmäd* *učmiš* *bir-e=warne=yü*
 А. полет быть₂-SUBD=SIM=3SG
 ‘Ахмед как будто летит’ (о быстро бегущем человеке).

(22) *dust-o=mu* *omor-e=wari=yut*
 друг-PL=1PL.POSS прийти₂-SUBD=SIM=3PL
 ‘Наши друзья, кажется, пришли’.

3.3. Целевое значение

Центральный интерес для настоящей статьи представляет использование показателя *vari* с глаголами для обозначения цели. При том что нейтральным способом маркирования целевых придаточных в джалганском является сочетание подчинительной формы с бенефактивным предлогом *beu* ‘для’, в контексте (23) предпочтительным явля-

ется именно использование *vari* (в данном случае в поствокальной позиции выступающего в варианте *-wari*).

- (23) *me* *pana* *bir-am*, *men=e*
 я укрытие быть₂-PRF.1SG я=OBL
ne-dir-e=wari / ^{OK} *bey=ne-dir-e*
 NEG-видеть₂-SUBD=SIM BEN=NEG-видеть₂-SUBD
 ‘Я спрятался, чтобы меня не увидели’.

Однако такое употребление возможно лишь в ограниченном числе целевых контекстов. В большинстве придаточных этого типа использование *vari* оказывается недопустимым или малопринимлемым, как в следующих примерах:

- (24) *be* *tukun* *raft-am* *nu*
 LOC магазин идти₂-PRF.1SG хлеб
bey=xir-e / * *xir-e=wari*
 BEN=купить₂-SUBD купить₂-SUBD=SIM
 ‘Я пошел в магазин, чтобы купить хлеб’.

- (25) *me* *be* *kino* *raft-am*, *kino*
 я LOC кино идти₂-PRF.1SG кино
bey=deyşir-e / * *deyşir-e=wari*
 BEN=смотреть₂-SUBD смотреть₂-SUBD=SIM
 ‘Я пошел в кинотеатр смотреть кино’.

- (26) *me* *dirwärd-am* *kard=e* *nu*
 я вынуть₂-PRF.1SG нож=OBL хлеб
bey=bur-e / * *bur-e=wari*
 BEN=резать₂-SUBD резать₂-SUBD=SIM
 ‘Я достал нож, чтобы порезать хлеб’.

- (27) *me* *murad=e* *gal* *zor-um*, *televizor=e*
 я M.=OBL речь бить₂[AOR]-1SG телевизор=OBL
remont ***bey=säxt-e*** / * *säxt-e=wari*
 ремонт BEN=делать₂-SUBD делать₂-SUBD=SIM
 ‘Я позвал Мурада, чтобы он починил телевизор’.

- (28) *paraх* *tü=re* *degi*, *kefsüz*
 шапка ты=OBL надеть.IMP[2SG] больной

bey=ne-bir-e /BEN=NEG-быть₂-SUBD

‘Надень шапку, чтобы не заболеть’.

??ne-bir-e=wariNEG-быть₂-SUBD=SIM

- (29) *be xünük-i me-düro, kefsüz*
 LOC холодный-NMLZ PRON-выйти.IMP[2SG] больной

bey=ne-bir-e /BEN=NEG-быть₂-SUBD

‘Не выходи на холод, чтобы не заболеть’.

***ne-bir-e=wari**NEG-быть₂-SUBD=SIM

Исходя из известных из типологической литературы семантических и структурных ограничений на целевые конструкции [Schmidtke-Bode 2009] различие между (23) и (24)–(29) объяснить затруднительно. Как видно из (23), клауза с *vari* может свободно использоваться в разносубъектных контекстах. Из (24)–(25) можно было бы предположить, что *vari* не используется с глаголами движения, однако (26)–(29) показывают, что этот показатель запрещается и при глаголах других классов. Наконец, поскольку в (23) представлено отрицание, *vari* можно было рассматривать как специализированный показатель для отрицательной цели (англ. *lest*), однако (28)–(29) показывают, что и в отрицательных клаузах этот показатель не всегда оказывается приемлемым. Кроме того, в (28)–(29) мы имеем дело с т. н. директивным употреблением, в котором можно ожидать особых ограничений на маркирование целевых придаточных [Schmidtke-Bode 2009: 145–146]; однако, как видно из (28) и особенно из (30) ниже, *vari* в таких придаточных также может употребляться.

Более внимательное рассмотрение джалганских данных показывает, что релевантным параметром, противопоставляющим две целевые конструкции, является наличие в конструкции дополнительной семантики образа действия, близкой по значению к русскому составному коннектору *так, чтобы*. В (23) использование *vari* допустимо, поскольку цель (‘чтобы меня не нашли’) может достигаться не самим фактом того, что говорящий спрятался, но тем или иным способом выполнения этого действия (выбор укрытия, отсутствие лишних движений и т. д.); ср. рус. *Я спрятался так, чтобы меня не нашли*. В (24)–(27) такая интерпретация не-

возможна: покупка хлеба, просмотр кино, резка хлеба или починка телевизора не могут быть связаны с каким-то особым способом похода в магазин, посещения кинотеатра, внимания ножа и приглашения знакомого мастера соответственно; ср.: *Я пошел в магазин **так, чтобы** купить хлеб; *Я пошел в кинотеатр **так, чтобы** посмотреть кино, *Я достал нож **так, чтобы** порезать хлеб; *Я позвал Мурада **так, чтобы** он починил телевизор. В (28) использование *vari* оказывается более допустимым, поскольку можно себе представить, что некоторый способ надевания шапки (например, с более плотным прилеганием ее к голове) способствует меньшей вероятности простудиться, хотя эта интерпретация и не является самой естественной; опять же, ср. ⁷²Надень шапку **так, чтобы** не заболеть. При этом в (29), с той же зависимой клаузой, использование *vari* оказывается недопустимым, т. к. в главной клаузе речь идет о полном отказе от выхода на улицу, т. е. об отрицательной пропозиции, для которой нельзя говорить о каком-либо способе совершения.

Фактически, несмотря на целевую семантику, такие конструкции с *vari* сохраняют значение образа действия в главной клаузе. В качестве диагностического критерия, определяющего возможность использования *vari* (а также, вероятно, русского так, чтобы) для маркирования цели, может служить возможность использовать клаузы с ним в качестве ответ на вопрос «как?»: Как ты спрятался? — Так, чтобы меня не нашли; но: *Как ты пошел в магазин? — Так, чтобы купить хлеб.

Такое объяснение использования *vari* в целевых конструкциях подтверждается существованием примеров, в которых возможно использование только *vari*, но не других целевых показателей. Так, в (30) использование формы с *beu-*означало бы, что употребление чая само по себе препятствует обжиганию, что, очевидно, неверно фактически, так что такое предложение не является прагматически допустимым пожеланием. Использование же *vari* означает, что говорящий просит слушающего пить чай определенным образом.

- (30) *çoy=e* *xan,* *duhu=tü=re*
чай=OBL есть.IMP[2SG] пот=2SG.POSS=OBL
nä-zuzund-e=wari / *bey=ne-zuzund-e
NEG-обжечь₂-SUBD=SIM BEN=NEG-обжечь₂-SUBD
‘Пей чай *(так), чтобы не обжечься’.

Ср. также (31), где предполагается, что говорящий спря-
тал деньги определенным образом для того, чтобы слушаю-
щий мог их найти. Использование обычного целевого пока-
зателя меняет интерпретацию предложения: в этом случае
сам факт укрытия ключа преследует цель его нахождения
слушающим, что может быть приемлемым разве что в кон-
тексте некоей игры.

- (31) *me* *burmä=re* *pana* *säxt-am*
я ключ=OBL укрытие делать₂-PRF:1SG
tü ***oft-o=warne***
ты найти₂-SUBD=SIM
‘Я спрятал ключ, чтобы ты (его) нашел’.

Важно заметить, что клаузы с *vari* необязательно явля-
ются единственным выражением образа действия в главном
предложении: они могут употребляться совместно с наре-
чием, как, например, *käm* ‘мало’ в (32)–(33), *aste* ‘тихо’ в (34):

- (32) *xünük-e* *ow=e* *käm* *xan,*
холодный-ATTR вода=OBL мало есть.IMP[2SG]
kefsüz ***ne-bir-e=wari***
больной NEG-быть₂-SUBD=SIM
‘Пей холодную воду по чуть-чуть, (так) чтобы не заболеть’.
- (33) *araq=e* *käm* *xan,*
водка=OBL мало есть.IMP[2SG]
ryan ***ne-bir-e=wari***
пьяный NEG-быть₂-SUBD=SIM
‘Пей мало водки, (так) чтобы не опьянеть’.

- (34) *äyäl* *aste* *be* *därs* *deşi,* *bo*
ребенок тихо LOC урок войти₂[AOR.3SG] LOC

<i>oyrisi-ho</i>	<i>mařat</i>	<i>ne-bir-e=wari</i>
другой-PL	мешать	NEG-быть ₂ -SUBD=SIM
‘Ребенок тихо вошел на урок, (так) чтобы не мешать другим’.		

Такие примеры показывают, что обсуждаемое в этом разделе значение у клауз с *vari* обособлено от значения образа действия. Для уточнения специфики целевого значения у этих придаточных обратимся к определению К. Шмидтке-Бодде: «Целевые клаузы — компоненты сложных предложений, которые обозначают, что одна глагольная ситуация (описываемая матричной клаузой) совершается с намерением способствовать осуществлению другой ситуации (описываемой целевой клаузой)» („Purpose clauses are part of complex sentences which encode that one verbal situation, that of the matrix clause, is performed with the intention of bringing about another situation, that of the purpose clause.“) [Schmidtke-Bode 2009: 20]. Как видно из (30), джалганские конструкции с *vari* этому определению не соответствуют: неверно, что действие в матричной клаузе (пить чай) осуществляется с намерением вызвать ситуацию в зависимой клаузе (не обжечься). Точно так же, в (32)–(33) речь идет не о том, что употребление холодной воды или водки в малых количествах предотвращает заболевание и опьянение соответственно. В (34) цель входа ребенка в класс — это, вероятно, присутствие на уроке, а не спокойствие его одноклассников. Осуществление целевой ситуации в таких предложениях связывается не с самим действием в главной клаузе, а с способом его выполнения.

Как уже указывалось выше, целевые придаточные с *vari* в джалганском по своей семантике близки к русским конструкциям с составным коннектором *так, чтобы*. Такие конструкции Н. Р. Добрушина [2016: 313–318] относит к классу придаточных «гипотетического следствия», куда также включаются предложения с сочетаниями *такой, чтобы; таким образом, чтобы; в такой степени, чтобы* и некоторые другие. А. Б. Летучий [2017] называет предложения с *так, чтобы* ПРИДАТОЧНЫМИ ЦЕЛИ ОБРАЗА ДЕЙСТВИЯ, что пред-

ставляется весьма удачным обозначением и для придаточных с показателем *vari*. Как указывает А. Б. Летучий, такие придаточные выражают цель того, что некоторое действие осуществляется определенным образом. Этот вывод в целом совпадает с предложенным здесь обобщением о семантике целевых конструкций с *vari* и позволяет предположить, что придаточные цели образа действия являются типологически распространенным явлением. В качестве рабочего описания их значения можно предложить следующую модификацию определения К. Шмидтке-Боде:

- (35) ПРИДАТОЧНЫЕ ЦЕЛИ ОБРАЗА ДЕЙСТВИЯ — компоненты сложных предложений, которые обозначают, что способ совершения одной глагольной ситуации (описываемой матричной клаузой) связан с намерением способствовать осуществлению другой ситуации (описываемой целевой клаузой)

Как и соответствующие придаточные в русском языке, придаточные с *vari* в джалганском являются наиболее типичными в контексте предикатов ‘легко’ и ‘трудно’, в примерах типа (36). Как указывает А. Б. Летучий [2017], в таких контекстах нельзя говорить о том, что придаточное выражает цель действия в собственном смысле слова (крышку открывают не для того, чтобы ее не сломать); поэтому обычная целевая конструкция здесь запрещается. Однако оно выражает намерение говорящего, связанное со способом выполнения этого действия, и поэтому (36) полностью соответствует семантике, сформулированной в (35).

- (36) *četün=ü* *kriškā=re* *bey=vokord-e*
 трудный=3SG крышка=OBL BEN=открыть₂-SUBD=SIM
xürd ***ne-säxt-e=wari*** / ****bey=ne-sæxt-e***
 сломанный NEG-делать₂-SUBD=SIM BEN=NEG-делать₂-SUBD
 ‘Трудно открыть крышку так, чтобы (ее) не сломать’.

В следующем разделе я рассмотрю вопрос о том, насколько такое совмещение значений цели и образа действия распространено типологически, а также о пути развития целевого значения у показателя *vari*.

4. Типологическая перспектива

4.1. Связь между целью и образом действия

Полисемия показателей цели и сравнения или образа действия встречается в языках мира, хотя и не является самой частотной моделью, см. [Schmidtke-Bode 2009: 152], где среди выборки из 80 языков ее демонстрируют три. Следует, впрочем, отметить, что зачастую при таком совмещении значений показатель имеет также общеподчинительную функцию, ср. обсуждение в [Treis 2017] о языках Эфиопии и в [Kuteva et al. 2019: 400–401]. В истории русского языка, как указывают Н. В. Сердобольская и И. М. Кобозева [Serdobolskaya, Kobozeva 2024], союз *как(о)* развил целевую функцию (впоследствии утраченную) лишь на фоне развития у него ряда других подчинительных функций, прежде всего в конструкциях с сентенциальными актантами. Мне известно о следующих случаях, когда целевой показатель связан именно с образом действия или сравнением, не развив общеподчинительной функции: северносаамский (саамские > уральские) *láhkaï* [Ylikoski 2017], (старо)польский (славянские > индоевропейские) *jakoby* [Wiemer 2024], осетинский (иранские > индоевропейские) *куьд... афтæ* [Осипова 2024], лезгинский (лезгинские > нахско-дагестанские) *-wal* [Haspelmath 1993: 105–106, 392–393, 400], агульский (лезгинские > нахско-дагестанские) *-χildi / -hala* [Майсак 2014: 409, 437–438], кавказско-албанский (лезгинские > нахско-дагестанские) *-anqe* [Gipert et al. 2008: II-41], хваршинский (цезские > нахско-дагестанские) *-ohol* [Полякова 2024: 53], суппире (сенуфо > нигер-конго) *bà... mɛ* [Carlson 1994: 587–588], мон (австроазиатские) *лóŋ... kɜ?* [Bauer 1982: 444–445].¹⁵

¹⁵ Многие из указанных здесь языков взяты из откликов на запрос И. Трейс в рассылке Lingtyp (<https://listserv.linguistlist.org/pipermail/lingtyp/2011-August/003362.html>, дата доступа 25.11.2025). Я благодарен Т. А. Майсаку за указание на эту ветку сообщений.

Кроме того, анонимный рецензент приводит в пример французские конструкции вида *de façon à* + инфинитив (букв. «таким образом, чтобы»), а также турецкие клаузы, маркирован-

К этому ряду следует добавить и джалганский татский: в этом языке *vari* обладает лишь обсуждавшимися выше функциями (сравнение, образ действия, мгновенное предшествование, цель). В конструкциях с сентенциальными актантами он может употребляться только в функции маркера неуверенности, вместе с глаголом-связкой — ср. (21)–(22) выше — но не как комплементаризер:

- (37) *men=e be fikir=men=ü [u men=e*
 я=OBL LOC мысль=1SG.POSS=3SG тот я=OBL
fürmund-e=wari=yü /
 обмануть₂-SUBD=SIM=3SG
*mü-fürmund-e / *fürmund-e=wari]*
 IPFV-обмануть₂-PRS[3SG] обмануть₂-SUBD=SIM
 ‘Мне кажется, он (как будто) меня обманывает’.

Вопрос о происхождении *vari* и, соответственно, пути развития у него целевой семантики подробнее обсуждается в разделе 4.2 ниже.

Теперь рассмотрим семантические свойства конструкций с *vari*. Для большинства языков, в которых отмечает-

ные показателем *diye*, который обладает также семантикой образа действия. Французскую конструкцию, по всей видимости, можно отнести к обсуждаемому здесь типу, ср. *Conduisez-vous de façon à vous faire aimer* ‘Ведите себя так, чтобы вас полюбили’ https://fr.wiktionary.org/wiki/de_façon_à, дата доступа 25.11.2025); работы с подробным анализом семантики этой конструкции мне неизвестны. Можно отметить, что целевое значение у нее можно связывать с использованием предлога *à* и инфинитива. Что касается турецкой конструкции, то *diye* представляет собой показатель, производный от глагола речи [Gündoğdu 2017], и в этом смысле скорее может быть сопоставлен с использованием в джалганском *guftire* ‘говоря’ с придаточными цели, причины, прямой речью и т. д.; ср.: *me kitob=e nohr-am tū dir-i guftir-e* (я книга=OBL класть₂-PRF:1SG ты видеть₁[SVJVL]-2SG говорить₂-SUBD) ‘Я положил книгу, чтобы ты увидел’ (букв. «Я положил книгу, мол, ты бы увидел»); в этом контексте может использоваться и *vari*). Последнее явление несомненно представляет собой результат тюркского влияния на татские языки.

ся полисемия показателей цели и образа действия, вопрос о специфике целевого значения с этими показателями не обсуждается. Так, Ю. Юликоски [Ylikoski 2016: 278] прямо указывает на «истинно целевое» (true purposive), не связанное с образом действия значение придаточных с северносаамским симилятивным показателем *láhkaí*. Б. Вимер [Wiemer 2024: 743] приводит лишь один пример на целевое значение польского *jakoby*, на основании которого трудно судить о компоненте образа действия. Один из примеров, который приводит И. Трейс на целевое значение симилятивного *-g* в языке камбаата (кушитские), как кажется, несовместим со значением образа действия: ‘Он позвал соседских детей (***так**), **чтобы** поиграть’ (‘He called the children of the neighbourhood in order to play’) [Treis 2017: 112]. Для суппире грамматика приводит недостаточно данных для понимания точной семантики конструкции [Carlson 1994: 587–588]. Судя по примерам в грамматике мон [Bauer 1982], показатель *lóŋ... kəʔ*, несмотря на связь со значением образа действия, маркирует обычные целевые клаузы: ‘чтобы сделать фото, мне надо было бы достать пленку’ (‘in order to take a photograph, I would have to get a film’) [Там же: 445].

Целевые показатели в языках лезгинской группы (нахско-дагестанские) — лезгинском, агульском и кавказско-албанском — обнаруживают больше сходств с джалганскими данными. В лезгинском языке имеется показатель *-wal*, основная функция которого — образование абстрактных имен от существительных и прилагательных [Haspelmath 1993: 105]. Он также образует деепричастные формы, основная функция которых — маркирование значения образа действия и сравнения [Там же: 400]. Он также используется в целевой функции [Там же: 392–393]; несмотря на то что особенности целевой семантики автором грамматики не обсуждаются, из примеров видно, что она близка к семантике *vari*:

(38) лезгинский (лезгинские < нахско-дагестанские)

[Haspelmath 1993: 393]

<i>Stxa.di</i>	<i>jawaš-diz</i> ,	<i>Nadja.di</i>	<i>q’at’u-n</i>
брат(ERG)	тихий-ADV	Н.(ERG)	ощущать-PER

t-iji-da-j-wal, žužu-na: *Im* *wuž ja?*
 NEG-делать-FUT-PTCP-PURP спросить-AOR этот: ABS кто COP
 ‘Мой брат спросил, тихо, так чтобы Надя его не услышала: Кто это?’

Несколько более подробно описан целевой конверб на *-xildi* / *-hala* в агульском языке [Майсак 2014: 409]. Т. А. Майсак отмечает, что эта форма используется в целевом значении (39), однако «целевое значение здесь скорее отражает более общее значение данной формы — соответствие определенному положению дел (‘согласно тому, как’, ‘в соответствии с тем, как’)» [Там же: 437–438]. Более того, Т. А. Майсак также отмечает наличие у этого показателя значения мгновенного предшествования, что еще больше сближает его с джалганским *vari*.

(39) агульский (лезгинские > нахско-дагестанские)

[Майсак 2014: 437]

sünürči-s *ge* *k'i-či=ra*
 волшебник-DAT DEMG умирать.PFV-COND=ADD
da-žik'e-xildi

NEG-находить.IPFV-MNR

‘(попросил так его спрятать,) чтобы волшебница ни за что (букв. хоть умрет) его не нашла’

В исторически засвидетельствованном кавказско-албанском языке, также относящемся к лезгинской группе, существовал показатель *-anqe* с похожей моделью полисемии: образ действия, время и цель [Gippert et al. 2008: II-42]. В самом грамматическом очерке каких-либо примеров на этот показатель не содержится, однако один из контекстов в Евангелии от Иоанна указывает на обычное целевое значение:¹⁶

(40) кавказско-албанский (лезгинские > нахско-дагестанские) [Gippert et al. 2008: V-72]

Bow-ne *eŋe-o'om* *žin-owx* *hetanos-owx*
 быть-3SG там-тот.же люди-PL язычник-PL

¹⁶ Выбор примера и глоссы — из поста В. Шульце в рассылке Lingtyp (<https://listserv.linguistlist.org/pipermail/lingtyp/2011-August/003372.html>; дата доступа 25.11.2025).

ar-i-he-y *ā~aχoš*
 прийти:PST-PST-LV:PST-PST они-COM
kak-owk-al-anke-ā~n-al
 поклоняться-говорить:PRS-PTCP-FINAL-3PL:ERG-FOC
müwχen-ax
 праздник-DAT2
 'Из пришедших на поклонение в праздник были неко-
 торые Еллины' (Ин. 12:20).

Таким образом, всё указывает на то, что указанные формы в лезгинских языках, за вероятным исключением кавказско-албанской, функционируют схоже с глагольными конструкциями с показателем *vari* в джалганском. Учитывая ареальную близость лезгинских языков и митагиджалганского, формальное и функциональное сходство рассматриваемых показателей, а также отсутствие похожих конструкций в других татских языках (см. ниже), можно предположить, что данная изоглосса носит ареальный характер.

Единственными известными мне исследованиями, в которых целевая семантика образа действия обсуждается специально и достаточно подробно, являются упомянутые выше работы Н. Р. Добрушиной [2014] и А. Б. Летучего [2017] на материале русского языка, а также исследование А. А. Осиповой [2024], в котором в числе других целевых показателей обсуждается осетинский составной коннектор *куыд... афтæ* 'как... так', ограничения на целевое употребление которого в целом совпадает с тем, что мы видим для джалганского *vari* и русского *так, чтобы*.¹⁷

(41) осетинский (иранские < индоевропейские) [Осипова 2024: 46]

Оля	<i>æp-цауыгът-а</i>	хуыссæн-ы	<i>цъæр-ттæ,</i>
О.	pv-вешать-PST.3SG	кровать-GEN	слой-PL

¹⁷ Здесь и далее транскрипция и глоссы примеров соответствуют цитируемым источникам, за исключением тривиальной унификации (напр., перс. *ā* → *ā*).

[хур-мæ куыд ба-хус у-ой], *афтæ*.
 солнце-ALL как PV-сухой быть-SBJV.3PL так
 ‘Оля развесила белье (так), чтобы оно высохло на солнце’.

(42) осетинский (иранские < индоевропейские) [Там же]

*Æз а-цъд-тæн дукани-мæ,
 я PV-идти-PST.1SG магазин-ALL
 [дзул *куыд* ба-лхæн-он], *афтæ*.
 хлеб как PV-купить-SBJV.1SG так
 (‘Я пошел в магазин, чтобы купить хлеб’.)

При этом между русскими, осетинскими и джалганскими конструкциями этого типа имеются существенные различия. Русские конструкции с *так, чтобы* можно считать в известной степени композиционными: за семантику образа действия в главной клаузе отвечает коррелят *так*, а за целевое значение — союз *чтобы*. На регулярность семантической деривации указывает и отмеченная Н. Р. Добрушиной принадлежность этих придаточных к более широкому классу конструкций «гипотетического следствия», о чем упоминалось в предыдущем разделе.

Осетинская и джалганская конструкции этим типом композиционности не обладают: в осетинском и союз *куыд* ‘как’ в зависимой клаузе, и коррелят *афтæ* ‘так’ в главной соответствуют семантике образа действия и не имеют вне этой конструкции целевых употреблений. При этом, возможно, целевая семантика в осетинском языке связана с наличием в зависимой клаузе сослагательного наклонения. С этим может быть связана также возможность употребления осетинских придаточных с *куыд... афтæ* при помещении всей конструкции под предикат с волитивной семантикой (43); в этом случае, как отмечает А. А. Осипова, никакой связи со значением образа действия не просматривается.

(43) осетинский (иранские < индоевропейские)

[Осипова 2024: 46]

Фæлтау=ын дидиндж-ытæ куы ба-лхæн-ис,
 лучше=3SG.DAT цветок-PL если PV-купить-OPT.2SG

[куыд	ба-цин	каен-а],	афтæ!
как	rv-радость	делать-SBJV.3SG	так
‘Лучше бы / вот бы ты купил ей цветы, чтобы она порадовалась!’			

В джалганском такого расширения семантики не наблюдается: *vari* можно использовать только в связи с образом действия, и в примерах, соответствующих (40), этот показатель неграмматичен. Кроме того, в джалганском, в отличие от русского и осетинского, отсутствует какой-либо формальный элемент, который мог бы указывать на целевой компонент или более широкую модальную / ирреальную семантику конструкции. Таким образом, если значение сравнения для *vari* является исходным, то в джалганском мы имеем редкий случай прямого развития целевого значения у показателя симилиатива / образа действия с сохранением последнего компонента в его семантике.

Если же говорить о самом процессе развития семантики цели из образа действия, то можно наметить следующий приблизительный сценарий такой семантической эволюции. В (31) нефинитная клауза обозначает пропозицию «найти ключ». Присоединение показателя *vari* реферирует к параметру образа действия для этой клаузы: «способ найти ключ». Очевидно, что это не подходит для значения образа действия: (31) не означает #‘Я спрятал ключ так / тем способом, как ты их найдешь’. Представляется, что для получения целевой семантики достаточно предположить некоторое расширение понятия образа действия, его смещение в область пропозиции, а не события: «способ найти деньги» → «та совокупность обстоятельств, при которой деньги будут найдены». Это объясняет, почему показатель, изначально маркирующий образ действия, сочетается с отрицательными клаузами (23), (30), (32)–(33). Впрочем, остается неясным, каким мог бы быть переходный контекст (bridging context по [Heine 2002]), приводящий к реанализу придаточного образа действия как целевого.¹⁸

¹⁸ Как указывает анонимный рецензент, на развитие целевого значения могла повлиять и рестриктивность показателя *vari*.

4.2. Показатели-когнаты в других иранских языках

Для того чтобы определить путь развития *vari* в джалганском татском, нужно рассмотреть вопрос о его происхождении и о семантике когнатов этого показателя в других иранских языках. Показатели, схожие по форме с *vari*, встречаются в различных иранских языках, но являются довольно периферийными и редко обсуждаются в грамматиках или обобщающих работах. В татских языках *vari* зафиксирован в близкородственном митагинском идиоме, где он, по моим полевым данным, имеет форму *varik* (некоторые носители используют также форму *vari*; вариант *varne*, в отличие от джалганского, не засвидетельствован). В других татских идиомах показатель не зафиксирован, за исключением единственного примера на показатель *-vorī* в значении соотвeтствия в ширванском татском [Suleymanov 2020: 331], которое, между прочим, отсутствует в джалганском, ср. (14). Какие-либо другие примеры на этот показатель автору грамматики неизвестны (М. Сулейманов, л. с.).

Похожие показатели, однако, встречаются в других юго-западных иранских языках. Так, в разговорном персидском фиксируется показатель *-vār* (44); впрочем, в персидском этот показатель может скорее рассматриваться как образующий наречия от прилагательных, ср. (45) и такие примеры, как *otomātik-vār* ‘автоматически’ (В. Б. Иванов, л. с.), не предполагающие какого-либо сравнительного значения.

(44) разговорный тегеранский персидский (иранские > индоевропейские) [Pastor 2025: 370]

age be-xā-y

haftād-haštād-i-vār

если IRR-хотеть.PRS-2SG семьдесят-восемьдесят-ADJ-SIM

Действительно, все примеры на его собственно сравнительные употребления (4)–(11), (14) обладают этим признаком, тогда как в нерестриктивных контекстах (12)–(13) используется только *oqoste*. Рестриктивностью обладает и цель образа действия: *Он так спрятал ключ, чтобы ты его нашел* предполагает, что «чтобы ты его нашел» — цель не просто прятанья ключа, а именно такого способа прятанья ключа.

fekr *kon-i...*
мысль (IRR)делать.PRS-2SG
'Если ты хочешь думать, как в 70–80-е годы...'

- (45) персидский (иранские > индоевропейские)
[Ghavami, Najafi 2023]

دیوانه وار فریاد می زد
divāne-vār *faryād* *mi-zad*
безумный-SIM крик IPFV-бить.PST[3SG]
'Он безумно кричал' (или: 'кричал как безумный').

Более схожие с джалганским *vari* по форме и функции показатели имеются в языках Афганистана. Так, для кабульского дари в [Farhâdi 1955: 113] описывается «суффикс сходства с обстоятельственным значением» ("Suf[fixe] de ressemblance à valeur adverbiale") *-wâre* / *-wârê*: *yočči-wâre* 'как ласточка', *gol-wâre* 'как цветок', *mâ-wâre* 'как мы', *ami-wâre* 'как это', *xub-wâre* 'почти хорошо; неплохо', *kam-wârê* 'немного', *čiz-ê wârê* 'чуть-чуть'. Последний пример указывает на то, что, как и в джалганском, *wârê* присоединяется не к основам, но к целым составляющим: *čiz-ê* представляет собой неопределенное местоимение 'что-то', образованное от *čiz* 'вещь; что?' при помощи показателя неопределенности *-ê* (перс. *-i*). Для гератского дари Ю. А. Иоаннесян отмечает послелог *-wari* / *-wâri* в таких примерах, как (46)–(47).¹⁹ Тот же суффикс встречается в хазарейском языке (Д. Пастор, л. с.): *xar-wari* 'ослоподобный', *âdam-wari* 'человекоподобный'.

- (46) гератский дари (иранские > индоевропейские)
[Ioannesyan 2009: 14]

mess-e *ami* *miz-wâri* *amitô* *por-e*
образ-EZ этот стол-SIM так полный-3SG
'[стол] так, как этот стол, полон [еды]'

¹⁹ Примечательно, что в обоих примерах значение образа действия получает двойное маркирование предлогом *mess-e* / *mesâl-e* 'как'. Об употреблении этого показателя ср. [Синицына 2025b].

- (47) гератский дари (иранские > индоевропейские) [Там же]
mesâl-e *âteš-vari* *mi-suz-e*
 образ-EZ огонь-SIM IPFV-гореть.PRS-3SG
 ‘горит как огонь’

В таджикском языке имеется послелог *барин* ‘как’ (48), который является единственным послелогом в литературном языке. С функциональной точки зрения он соответствует показателям типа *vari* и схож с ними как структурно (послелог), так и фонетически, однако с точки зрения фонетических соответствий внутри иранских языков их приравнивание друг к другу затруднительно.

- (48) таджикский (иранские > индоевропейские)
 [Perry 2005: 101]
 Аҳмад **барин** *шатранчбоз-ро* *ман*
 А. как шахматист-ACC я
то *ҳол* *на-дид-ам*
 до сейчас NEG-видеть.PST-1SG
 ‘Я никогда не видел (такого) шахматиста, как Ахмед’.

В иранских языках за пределами юго-западной группы показатели этого типа встречаются лишь спорадически и с высокой вероятностью представляют собой заимствования. Так, в грамматиках пушту такой показатель не фиксируется, но в словаре [Асланов 1983] встретился единственный пример *ستا وار کسان* *stā vār kasān* (ты SIM человек.PL) ‘подобные тебе люди’ — в данном случае можно предполагать влияние дари. В шамерзади — одном из мазандеранских диалектов, относящихся к северо-западной подгруппе иранских языков — фиксируется послелог *-vorī*, «указывающий на подобие» [Расторгуева, Эдельман 1982: 548]; при этом в других диалектах этой группы такой послелог не используется. Наконец, схожий по форме и функции показатель *war-â* (где *-â* — суффикс косвенного падежа) имеется в белуджском [Jahani 2019: 111]; этимология этого показателя неясна. Наличие ретрофлексного согласного может указывать на индоарийское заимствование (А. Корн, л. с.).

Дальнейший источник развития этой группы показателей остается неясным. Наличие у джалганского *vari* варианта *varne* может указывать на то, что *-i* здесь восходит к суффиксу **-in*; конечное *-n* на конце слов в джалганском, как и в других татских, выпадает, но восстанавливается в приименной позиции перед атрибутивным суффиксом *-e*: *varf* ‘снег’ — *varf-i* ‘снежный’ — *varf-in-e ruz* (снег-ADJ-АТТР день) ‘снежный день’. Однако деривационный суффикс *-var* в джалганском отсутствует: *päläng=vari* ‘как леопард’, **päläng-var*. Кроме того, все когнаты в других иранских языках (кроме, возможно, тадж. *барин*, если считать его когнатом) оканчиваются на *-i*, а не *-in*. В связи с этим можно предположить, что, если вариант *varne* и свидетельствует о глубинной форме аффикса **varin*, то эта форма стала результатом реанализа конечного *-i*, либо, как указывает анонимный рецензент, — следствием стяжения *vari* и депрециативного суффикса *-inä*, существующего в ширванском татском [Suleymanov 2020: 91].

Можно предположить связь этого показателя со средне- и новоперсидскими адъективными суффиксами *-var* и *-vār*. Первый из них образует прилагательные со значением ‘имеющий X’, напр. *bahrvar* ‘обладающей долей (имущества, наследства)»; второй — более широкий класс прилагательных, в том числе со сравнительным значением: ср.-перс., перс. *šāhvār* ‘царственный, подобающий царю’ [Расторгуева, Молчанова 1981: 74]. В. С. Расторгуева и Е. К. Молчанова [Там же] возводят оба показателя к корню **bar-* ‘нести’, однако путь развития сравнительного значения в этом случае остается неясным.²⁰ П. Хорн [Horn 1901: 191] разводит эти два суффикса и сравнивает ср.-перс., перс. *-vār* с санскр. *vāra-* ‘предназначенный для чего-л. момент, место’ (“der für etwas

²⁰ Е. К. Молчанова (л. с.) указывает на то, что изолированность *vari* в митаги-джалганском может говорить о его заимствованном характере. Однако источник такого предполагаемого заимствования неясен, если только не предполагать перенос из каких-либо других иранских языков, бытовавших ранее на территории южного Дагестана и Азербайджана.

bestimmte Augenblick, Platz”), относя сюда же перс. *bār* ‘раз’. При такой этимологизации путь развития значений сравнения и образа действия также остается не вполне ясным.

По мнению Д. И. Эдельман, высказанном в личном сообщении (письмо от 29.04.2024), *-vār(i)* в значении сходства также следует отличать от вышеуказанного проприетивного *-var* / *-vār*. По ее мнению, этот показатель следует связывать с корнем **var-* ‘выбирать; убеждать; верить’ [Cheung 2007: 420–421]. В таком случае семантическое развитие аналогично эволюции основы глагола **tan-* ‘думать’ в показатель сходства [Эдельман 2015: 190], ср. н.-перс. *šērmān* ‘подобный льву’ (‘löwengleich’) [Horn 1893: 215]. Впрочем, слова со значением сходства могут также быть связаны с глаголом **mā-* ‘мерить’ [Эдельман 2015: 330].²¹

Следует также учитывать, что во всех рассмотренных выше случаях показатели типа *vari* допускают групповое оформление. Признание для них суффиксального происхождения предполагает, что они подверглись деграмматизации, т. е. переходу из класса аффиксов в класс клитик (послелогов).

Несмотря на то что этимология *vari* пока не установлена, приведенные выше данные позволяют с высокой степенью уверенности утверждать, что показатель **vārī* или **vārē* с эквативно-симилятивным значением возник как инновация в юго-западно-иранских языках; его сравнительно большее распространение в отдельных географических областях (таких как Афганистан) может говорить об отчасти ареальном характере этой инновации. Для целей настоящей статьи существенно, что ни в одном из языков, кроме джалганского татского, у этого показателя не фиксируется

²¹ В последнем случае можно также усмотреть параллель с семантическим развитием вышеупомянутого корня **var-* ‘нести’ в ос. *барын* ‘взвешивать; мерить; сравнивать’ [Абаев 1958: 238], возможно, через **bāra* ‘груз’ [Расторгуева, Эдельман 2003: 105]. Однако в таком случае для показателей типа **vārī* придется предположить дополнительный, не засвидетельствованный в юго-западных иранских языках шаг семантического развития.

целевого значения (хотя упомянутый выше пример из ширванского татского [Suleymanov 2020: 331] показывает, что там этот показатель как минимум в некоторых говорах развив клаузальные употребления). Это, на мой взгляд, однозначно свидетельствует о том, что в джалганском татском, во-первых, произошла экспансия именного показателя в область маркирования нефинитных клауз; во-вторых, целевое значение развилось непосредственно из значения образа действия.

5. Заключение

В настоящей статье было представлено описание симилиативного показателя *vari* в джалганском татском с особым вниманием к его целевым употреблениям. Показано, что в своем базовом значении этот показатель является эквативно-симилиативным, однако может присоединяться и к нефинитным клаузам. В этом случае, помимо типологически ожидаемых значений сравнения, образа действия и мгновенного предшествования, он также может маркировать целевые придаточные. При этом значение цели относится не к самой ситуации в главной клаузе, а к способу ее выполнения, что позволяет называть такие конструкции *придаточными цели образа действия*, сближающимися с русскими конструкциями с составным коннектором *так, чтобы* [Добрушина 2016; Летучий 2017]. Кроме русского, этот тип целевого значения отмечался ранее в осетинском [Осипова 2024], лезгинском [Haspelmath 1993] и агульском [Майсак 2014], что может говорить о его более широкой типологической релевантности.

При этом джалганские данные, а также данные других иранских языков, свидетельствуют о том, что показатели типа **vari* являются чертой, характерной для юго-западных иранских языков, и их исходным значением несомненно было эквативно-симилиативное. Таким образом, в джалганском мы имеем дело, во-первых, с расширением именного показателя на клаузы; во-вторых, с развитием целевого зна-

чения непосредственно из значения образа действия. Первую из этих инноваций можно связать с общей для татских языков тенденцией замены финитных стратегий полипредикации на нефинитные, что может объясняться влиянием соседних языков. Вторая, на первый взгляд, представляется исключительно локальным семантическим переходом; однако, учитывая, что эквасимильятивно-целевая полисемия засвидетельствована в нахско-дагестанских языках, особенно в лезгинской группе, контакты с этими языками также могли повлиять на развитие у показателя *vari* специфической модели полисемии.

Открытым остается вопрос о существовании схожих показателей в иранских языках, за пределами рассмотренных в настоящей статье, — прежде всего, в других татских идиомах. Кроме того, неясно изначальное происхождение *vari* и источник развития у него эквативно-симильятивного значения. Наконец, более подробного описания — как в рамках джалганского, так и в типологической перспективе — требует компонент образа действия в целевых конструкциях, а также другие возможные пути развития у конструкций сравнения и образа действия целевого значения.

Список глосс

ABL: аблатив; ABS: абсолютив; ADD: аддитив; ADJ: адъективизатор; ADV: адвербиализатор; ALL: аллатив; AOR: аорист; ATTR: атрибутивный показатель; BEN: бенефактив; COM: комитатив; COND: кондиционалис; COP: связка; DAT: датив; DEMG: демонстратив G-серии (агульский); ERG: эргатив; EZ: изафет; FINAL: финальный показатель; FOC: фокус; FUT: будущее время; GEN: генитив; IMP: императив; INS: инструменталис; IMPV: имперфектив; IRR: ирреалис; LOC: локатив; LV: легкий глагол; MNR: образ действия; NEG: отрицание; NMLZ: номинализатор; OBL: косвенный падежный показатель; OPT: оптатив; PER: перифрастическая форма; PL: множественное число; POSS: посессив; PRF: перфект; PRS: настоящее время; PST: прошедшее время; PTCP: причастие; PURP: цель;

pv: преверб; svjv: конъюнктив; sg: единственное число; sim: симилиатив (подобие); subd: подчинение.

Литература

Абаев 1958 — Абаев В. И. *Историко-этимологический словарь осетинского языка*. Т. 1. А–К. Москва; Ленинград, 1958.

Асланов 1983 — Асланов М. Г. *Афганско-русский словарь*. Москва, 1983.

Викторин 2015 — Викторин В. М. Этнолингвистический татский массив: три религии монотеизма в селениях вокруг Дербента (XVII–XIX вв.) — исходная общность и новые встречи. *Дербент — город трех религий (К большому Юбилею). Доклады и сообщения*. Махачкала, 2015, 189–198.

Винклер, Сеницына 2024 — Винклер М. Э. А., Сеницына Ю. В. Сравнительные конструкции в джалганском диалекте митаги-джалганского языка. Олишевская В. С., Кузнецова О. В. (ред.). *Двадцать первая Конференция по типологии и грамматике и грамматике для молодых исследователей. Тезисы докладов (Санкт-Петербург, 21–23 ноября 2024 г.)*. Санкт-Петербург, 2024, 39–42.

Головизнин 2025 — Головизнин М. В. Метаморфозы персидского «аориста» в русской востоковедческой школе: путь длиной в два столетия. *Индо-иранские языки*, 2025, 1 (2): 130–146.

Грюнберг 1963 — Грюнберг А. Л. *Язык североазербайджанских татов*. Ленинград, 1963.

Добрушина 2016 — Добрушина Н. Р. *Сослагательное наклонение в русском языке: опыт исследования грамматической семантики*. Прага, 2016.

Кусаева и др. 2016 — Кусаева З. К., Сатцаев Э. Б., Таказов Ф. М. Джалган и джалганцы: синтез персидского и аланского компонентов (по материалам фольклорно-этнографической и лингвистической экспедиции 14–18 июня 2016 г.). *Известия СОИГСИ*, 2016, 21 (60): 96–103.

Летучий 2017 — Летучий А. Б. Целевое придаточное. Рукопись к *Корпусной грамматике русского языка* (<http://rusgram.ru>, дата доступа 20.10.2025).

Магомедов и др. 2012 — Магомедов А. М., Оруджев Ф. Н., Магарамова З. А. Этногенез дагестанского этноса — митагинцев. *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*, 2012, 11 (25), ч. II: 131–134.

Майсак 2014 — Майсак Т. А. *Агульские тексты 1900–1960-х годов*. Москва, 2014.

Миллеръ 1906 — Миллеръ В. Ø. *Татские этюды*. Ч. II. *Опытъ грамматики татскаго языка*. Москва, 1907.

Миллер 1929 — Миллер Б. В. *Таты, их расселение и говоры (материалы и вопросы)*. Баку, 1929.

Осипова 2024 — Осипова А. А. Этюд о целевых конструкциях в осетинском языке. Алексеев Д. А., Хомченкова И. А. (ред.). *ПрОЛЕГомены ко всякой будущей лингвистике, могущей возникнуть в смысле науки*. Москва, 2024, 39–52.

Полякова 2024 — Полякова Е. Е. Такие же, как вокруг: эквасимилативные конструкции в хваршинском языке. *Rhema. Рема*, 2024, 3: 28–60.

Расторгуева, Молчанова 1981 — Расторгуева В. С., Молчанова Е. К. Среднеперсидский язык. Расторгуева В. С., Абаев В. И., Боголюбов М. Н. (ред.). *Основы иранского языкознания. Среднеиранские языки*. Москва, 1981, 6–146.

Расторгуева, Эдельман 1982 — Расторгуева В. С., Эдельман Д. И. Гилянский, мазандеранский (с диалектами шамерзади и велатру). Расторгуева В. С., Абаев В. И., Боголюбов М. Н. (ред.). *Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: западная группа, прикаспийские языки*. Москва, 1982, 447–554.

Расторгуева, Эдельман 2003 — Расторгуева В. С., Эдельман Д. И. *Этимологический словарь иранских языков*. Т. 2: *b–d*. Москва, 2003.

Синицына 2023 — Синицына Ю. В. Сравнительные конструкции. Кашкин Е. В., Винклер М.-Э. А., Давидюк Т. И., Дьячков В. В., Иванов В. А., Мордашова Д. Д., Плешак П. С.,

Хомченкова И. А. (ред.). *Элементы горномарийского языка в типологическом освещении*. Москва, 2023, 648–681.

Синицына 2025а — Синицына Ю. В. *Эквативные конструкции в типологической перспективе*. Дисс. на соиск. уч. степени канд. филол. наук. МГУ имени М. В. Ломоносова, 2025.

Синицына 2025б — Синицына Ю. В. Семантические оппозиции в сравнительных конструкциях равенства в отдельных иранских языках. *Вестник Московского университета. Серия 9: Филология*, 2023, 4: 62–71.

Эдельман 2015 — Эдельман Д. И. *Этимологический словарь иранских языков*. Т. 5. I–n. Москва, 2015.

Authier 2012 — Authier G. *Grammaire juhuri, ou judéo-tat, langue iranienne des Juifs du Caucase de l'est*. Wiesbaden, 2012.

Authier 2016 — Authier G. Tat. Müller P. O., Ohnheiser I., Olsen S., Rainer F. (eds.). *Word-Formation: An International Handbook of the Languages of Europe*. Berlin, 2016, 3179–3196.

Bauer 1982 — Bauer Chr. H. R. *Morphology and syntax of spoken Mon*. Doctoral dissertation, School of Oriental and African Studies, University of London, 1982.

Carlson 1994 — Carlson R. *A Grammar of Supyire*. Berlin, 1994.

Cheung 2007 — Cheung J. *Etymological Dictionary of the Iranian Verb*. Leiden, 2007.

Farhâdi 1955 — Farhâdi A. *Le persan parlé en Afghanistan*. Paris, 1955.

Ghavami, Najafi 2023 — Ghavami A., Najafi P. Similitative constructions in Persian language. *Journal of Iranian Dialects and Linguistics*, 2023, 8 (1): 191–209.

Gippert et al. 2008 — Gippert J., Schulze W., Aleksidze Z., Mahé J.-P. (eds.). *The Caucasian Albanian Palimpsests of Mt. Sinai*. 2 vols. Turnhout, 2008.

Gündoğdu 2017 — Gündoğdu H. Y. *The structure of diye clauses in Turkish*. MA thesis, Boğaziçi University, 2017.

Haspelmath 1993 — Haspelmath M. *A Grammar of Lezgian*. Berlin, 1993.

Haspelmath 1998 — Haspelmath M. The semantic development of old presents. *Diachronica*, 1998, 15 (1): 29–62.

Haspelmath 2017 — Haspelmath M. Equative constructions in world-wide perspective. Treis Y., Vanhove M. *Similative and equative constructions: A cross-linguistic perspective*. Amsterdam, 2017, 9–32.

Haspelmath, Buchholz 1998 — Haspelmath M., Buchholz O. Equative and similative constructions in the languages of Europe. Van der Auwera J. (ed.). *Adverbial constructions in the languages of Europe*. Berlin, 1998, 277–334.

Heine 2002 — Heine B. On the role of context in grammaticalization. Wischer I., Diewald G. *New Reflections on Grammaticalization*. Amsterdam, 2002, 83–101.

Horn 1893 — Horn P. *Grundriss der neupersischen Etymologie*. Straßburg, 1893.

Horn 1901 — Horn P. Neupersische Schriftsprache. Geiger W., Kuhn E. (Hg.). *Grundriss der iranischen Philologie*. Erster Band, 2. Abteilung. Straßburg, 1901, 1–200.

Ioannesian 2009 — Ioannesian Y. *Afghan folktales from Herat: Persian texts in transcription and translation*. New York, 2009.

Jahani 2019 — Jahani C. *A Grammar of Modern Standard Balochi*. Uppsala, 2019.

Koryakov 2022 — Koryakov Yu. B. Derbent-area Tatic: sociolinguistics and affiliation. *HSE ConLab seminar*, 04.10.2022.

Kuteva et al. 2019 — Kuteva T., Heine B., Hong B., Long H., Narrog H., Rhee S. *World Lexicon of Grammaticalization*. Second, extensively revised and updated edition. Cambridge, 2019.

Mammadova 2017 — Mammadova N. *Éléments de description et documentation du tat de l'Apshéron, langue iranienne d'Azerbaïdjan*. Thèse de doctorat, INALCO. Paris, 2017.

Pastor 2025 — Pastor D. *Le persan du XXIe siècle: Études de la langue vernaculaire*. Thèse de doctorat, École Normale Supérieure. Paris, 2025.

Perry 2005 — Perry J. R. *A Tajik Persian Reference Grammar*. Leiden, 2005.

Rett 2020 — Rett J. Separate but Equal: A Typology of Equative Constructions. Hallman P. (ed.). *Interactions of Degree and Quantificatoin*. Leiden, 2020, 163–204.

Schmidtke-Bode 2009 — Schmidtke-Bode K. *A Typology of Purpose Clauses*. Amsterdam, 2009.

Serdobolskaya, Kobozeva 2024 — Serdobolskaya N., Kobozeva I. Diachronic evolution of the subordinator *kak* in Russian. *Linguistics*, 2024, 62 (3): 691–728.

Stassen 2013 — Stassen L. Comparative Constructions. Dryer M. S., Haspelmath M. (eds.). *WALS Online* (v 2020.4). Zenodo. <https://doi.org/10.5281/zenodo.13950591> (URL: <http://wals.info/chapter/121>, дата доступа 21.10.2025.)

Suleymanov 2020 — Suleymanov M. *A grammar of Şirvan Tat*. Wiesbaden, 2020.

Treis 2017 — Treis Y. Similative morphemes as purpose clause markers in Ethiopia and beyond. Treis Y., Vanhove M. (eds.). *Similative and equative constructions*. Amsterdam, 2017, 91–142.

Wiemer 2024 — Wiemer B. Polish *jakoby*: an exotic similative-reportive doughnut? Tracing the pathway and conditions of its rise. *Linguistics*, 2023, 62 (3):729–767.

Ylikoski 2017 — Ylikoski J. Similarity, equality and the like in North Saami. Treis Y., Vanhove M. *Similative and Equative Constructions: A cross-linguistic perspective*. Amsterdam, 2017, 259–290.

References

Abaev V. I. *Istoriko-etimologicheskii slovar' osetinskogo yazyka* [Historical-Etymological Dictionary of Ossetic]. Vol. 1. A–K'. Moskva; Leningrad, 1958. (In Russ.)

Aslanov M. G. *Afgansko-russkii slovar'* [Pashto-Russian dictionary]. Moskva, 1983. (In Russ.)

Authier G. *Grammaire juhuri, ou judéo-tat, langue iranienne des Juifs du Caucase de l'est*. Wiesbaden, 2012.

Authier G. Tat. Müller P. O., Ohnheiser I., Olsen S., Rainer F. (eds.). *Word-Formation: An International Handbook of the Languages of Europe*. Berlin, 2016, 3179–3196.

Bauer Chr. H. R. *Morphology and syntax of spoken Mon*. Doctoral dissertation, School of Oriental and African Studies, University of London, 1982.

Carlson R. *A Grammar of Supyire*. Berlin, 1994.

Cheung J. *Etymological Dictionary of the Iranian Verb*. Leiden, 2007.

Dobrushina N. R. *Soslagatel'noye nakloneniye v russkom yazyke: opyt issledovaniya grammaticheskoy semantiki* [The subjunctive in Russian: A study in grammatical semantics]. Prague, 2016. (In Russ.)

Edel'man D. I. *Etimologicheskii slovar' iranskikh yazykov* [Etymological dictionary of the Iranian languages]. Vol. 5. 1–n. Moskva, 2015.

Farhâdi A. *Le persan parlé en Afghanistan*. Paris, 1955.

Ghavami A., Najafi P. Similitative constructions in Persian language. *Journal of Iranian Dialects and Linguistics*, 2023, 8 (1): 191–209.

Gippert J., Schulze W., Aleksidze Z., Mahé J.-P. (eds.). *The Caucasian Albanian Palimpsests of Mt. Sinai*. 2 vols. Turnhout, 2008.

Goloviznin M. V. Metamorfozy persidskogo «aorista» v russkoy vostokovedcheskoy shkole: put' dlinoy v dva stoletiya [Two hundred years of metamorphoses of the Persian “aorist” in the Russian school of Oriental studies]. *Indo-Iranian Languages*, 2025, 1 (2): 130–146. (In Russ.)

Gryunberg A. L. *Yazyk severoazerbaydzhanskikh tatov* [The language of the Tats of North Azerbaijan]. Leningrad, 1963. (In Russ.)

Gündoğdu H. Y. *The structure of diye clauses in Turkish*. MA thesis, Boğaziçi University, 2017.

Haspelmath M. *A Grammar of Lezgian*. Berlin, 1993.

Haspelmath M. The semantic development of old presents. *Diachronica*, 1998, 15 (1): 29–62.

Haspelmath M. Equative constructions in world-wide perspective. Treis Y., Vanhove M. *Similative and equative constructions: A cross-linguistic perspective*. Amsterdam, 2017, 9–32.

Haspelmath M., Buchholz O. Equative and similative constructions in the languages of Europe. Van der Auwera J. (ed.). *Adverbial constructions in the languages of Europe*. Berlin, 1998, 277–334.

Heine B. On the role of context in grammaticalization. Wischer I., Diewald G. *New Reflections on Grammaticalization*. Amsterdam, 2002, 83–101.

Horn P. *Grundriss der neupersischen Etymologie*. Straßburg, 1893.

Horn P. Neupersische Schriftsprache. Geiger W., Kuhn E. (Hg.). *Grundriss der iranischen Philologie*. Erster Band, 2. Abteilung. Straßburg, 1901, 1–200.

Ioannesyan Y. *Afghan folktales from Herat: Persian texts in transcription and translation*. New York, 2009.

Jahani C. *A Grammar of Modern Standard Balochi*. Uppsala, 2019.

Koryakov Yu. B. Derbent-area Tatic: sociolinguistics and affiliation. *HSE ConLab seminar*, 04.10.2022.

Kusayeva Z. K., Sattsayev E. B., Takazov F. M. Dzhalgan i dzhalgantsy: sintez persidskogo i alanskogo komponentov (po materialam fol'klorno-etnograficheskoy i lingvisticheskoy ekspeditsii 14–18 iyunya 2016 g.) [Jalqan and its people: A synthesis of the Persian and Alan components (based on the data of the folklore-ethnographic and linguistic field trip of 14–18 June 2016)]. *Izvestiya SOIGSI*, 2016, 21 (60): 96–103. (In Russ.)

Kuteva T., Heine B., Hong B., Long H., Narrog H., Rhee S. *World Lexicon of Grammaticalization*. Second, extensively revised and updated edition. Cambridge, 2019.

Letuchiy A. B. Tselevoye pridatochnoye [Purpose clauses]. Manuscript for the *Corpus Grammar of Russian* (<http://rusgram.ru>, accessed 20.10.2025). (In Russ.)

Magomedov A. M., Orudzhev F. N., Magaramova Z. A. Etnogenez dagestanskogo etnosa — mitagintsev [The ethnogenesis of a Daghestanian ethnic group, the Mitahi]. *Istoricheskiye, filosofsk-*

kiye, politicheskiye i yuridicheskiye nauki, kul'turologiya i iskusstvovedeniye. *Voprosy teorii i praktiki*, 2012, 11 (25), part II: 131–134. (In Russ.)

Maisak T. A. *Agul'skiye teksty 1900–1960-kh godov* [Agul texts of the 1900–1960s]. Moskva, 2014. (In Russ.)

Mammadova N. *Eléments de description et documentation du tat de l'Apshéron, langue iranienne d'Azerbaïdjan*. Thèse de doctorat, INALCO. Paris, 2017.

Miller B. V. *Taty, ikh rasseleniye i govory (materialy i voprosy)* [The Tats, their area of settlement and dialects (materials and problems)]. Baku, 1929. (In Russ.)

Miller V. F. *Tatskie etyudy* [Tat studies]. Part II. *Opyt grammatiki tatskago yazyka* [An essay in Tat grammar]. Moskva, 1907. (In Russ.)

Osipova A. A. *Etyud o tselevykh konstruktsiyakh v osetinskom yazyke* [A study on Ossetic purpose clauses]. Alekseev D. A., Khomchenkova I. A. (ed.). *ProLEGomeny ko vsyakoy budushchey lingvistike, mogushchey vozniknut' v smysle nauki*. Moskva, 2024, 39–52. (In Russ.)

Pastor D. *Le persan du XXIe siècle: Études de la langue vernaculaire*. Thèse de doctorat, École Normale Supérieure. Paris, 2025.

Perry J. R. *A Tajik Persian Reference Grammar*. Leiden, 2005.

Polyakova E. E. *Takiye zhe, kak vokrug: ekvasimilyativnyye konstruktsii v khvarshinskom yazyke* [Just like the ones around here: Equasimilative constructions in Khwarshi and beyond]. *Rhema*, 2024, 3: 28–60. (In Russ.)

Rastorgueva V. S., Edel'man D. I. *Gilyanskiy, mazanderanskiy (s dialektami shamerzadi i velatru)* [Gilaki and Mazanderani (with Shamerzadi and Velatru dialects)]. Rastorgueva V. S., Abaev V. I., Bogolyubov M. N. (eds.). *Osnovy iranskogo yazykoznaniiya. Novoiranskiye yazyki: zapadnaya gruppа, prikaspiyskiye yazyki*. Moskva, 1982, 447–554. (In Russ.)

Rastorgueva V. S., Molchanova E. K. *Srednepersidskiy yazyk* [Middle Persian]. Rastorgueva V. S., Abaev V. I., Bogolyubov M. N. (eds.). *Osnovy iranskogo yazykoznaniiya. Sredneiranskiye yazyki*. Moskva, 1981, 6–146. (In Russ.)

Rastorgueva V. S., Edel'man D. I. *Etimologicheskii slovar' iranskikh yazykov* [Etymological dictionary of the Iranian languages]. Vol. 2: *b–d*. Moskva, 2003. (In Russ.)

Rett J. Separate but Equal: A Typology of Equative Constructions. Hallman P. (ed.). *Interactions of Degree and Quantificatoin*. Leiden, 2020, 163–204.

Schmidtke-Bode K. *A Typology of Purpose Clauses*. Amsterdam, 2009.

Serdobolskaya N., Kobozeva I. Diachronic evolution of the subordinator *kak* in Russian. *Linguistics*, 2024, 62 (3): 691–728.

SinitSYna J. V. *Ekvativnyye konstruksii v tipologicheskoy perspektive* [Equative constructions in typological perspective]. Kandidat thesis, Lomonosov MSU, 2025. (In Russ.)

SinitSYna J. V. Semanticheskiye oppozitsii v sravnitel'nykh konstruksiyakh ravenstva v otdel'nykh iranskikh yazykakh [Semantic opposiitons in comparative constructions of equality in select Iranian languages]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya*, 2023, 4: 62–71. (In Russ.)

SinitSYna J. V. Sravnitel'nyye konstruksii [Comparative clauses]. Kashkin E. V., Vinkler M.-E. A., Davidyuk T. I., D'yachkov V. V., Ivanov V. A., Mordashova D. D., Pleshak P. S., Khomchenkova I. A. (eds.). *Elementy gornomariyskogo yazyka v tipologicheskoy osveshchenii*. Moskva, 2023, 648–681. (In Russ.)

Stassen L. Comparative Constructions. Dryer M. S., Haspelmath M. (eds.). *WALS Online* (v 2020.4). Zenodo. <https://doi.org/10.5281/zenodo.13950591> (URL: <http://wals.info/chapter/121>, дата доступа 21.10.2025.)

Suleymanov M. *A grammar of Şirvan Tat*. Wiesbaden, 2020.

Treis Y. Similative morphemes as purpose clause markers in Ethiopia and beyond. Treis Y., Vanhove M. (eds.). *Similative and equative constructions*. Amsterdam, 2017, 91–142.

Viktorin V. M. Etnolingvisticheskiy tatskiy massiv: tri religii monoteizma v seleniyakh vokrug Derbenta (XVII–XIX vv.) — iskhodnaya obshchnost' i novyye vstrechi [The ethnolinguistic landscape of Tat: Three monotheistic religions around Derbent (17th–19th cc.)]. *Derbent — gorod trekh religiy (K bol'shому Yubi-*

leyu). *Doklady i soobshcheniya*. Makhachkala, 2015, 189–198. (In Russ.)

Wiemer B. Polish *jakoby*: an exotic similitive-reportive doughnut? Tracing the pathway and conditions of its rise. *Linguistics*, 2023, 62 (3):729–767.

Winkler M. E. A., Sinitsyna Ju. V. Sravnitel'nye konstruksii v dzhalganskom dialekte mitagi-dzhalganskogo yazyka [Comparative constructions in the Jalqan dialect of the Mitahi-Jalqan language]. Olishevskaya V. S., Kuznetsova O. V. (eds.). *Dvadtsat' pervaya konferentsiya po tipologii i grammatike dlya molodykh issledovateley. Tezisy dokladov (Sankt-Peterburg, 21–23 noyabrya 2024 g.)*. Saint Petersburg, 2024, 39–42. (In Russ.)

Ylikoski J. Similarity, equality and the like in North Saami. Treis Y., Vanhove M. *Similitive and Equative Constructions: A cross-linguistic perspective*. Amsterdam, 2017, 259–290.

О некоторых особенностях синтаксиса речи Заратуштры в аспекте прагматики (на примере авестийских Гат)

Софья Петровна Виноградова

*Институт языкознания РАН
Москва, Россия
sophiapv@yahoo.com*

Статья основывается на материалах одного из древнеиранских языков, авестийского диалекта Гат, в прагматическом аспекте с отсылкой к данным живых иранских языков, в том числе представленных на территории стран СНГ (разговорный таджикский, памирские (шугнанский), осетинский и др.).

Прослеживаются отдельные структурно-типологические параллели между ними. Рассматриваются конкретные вопросы: препозитивная коррелятивная конструкция с анлаутным *уа*- 'который' в семантической роли субъекта (и/или коннектора-союзного слова полипредикации) в Гатах в сопоставлении с ее структурно-семантическими параллелями в западно- и восточноиранских языках; особенности тема-рематического членения в Гатах с привлечением материала по конструкциям с вынесенной составляющей в разговорных формах отдельных иранских языков; обзор функционирования *уа*-конструкции в Гатах в коммуникативном плане. Параллельно затрагиваются вопросы лексики Гат в ее специфическом употреблении.

При сопоставлении с другими индоевропейскими, включая иранские языки (на территории России и шире СНГ), выявляется ретроспектива историко-типологической эволюции рассматриваемых явлений и копится база знаний о возможности близкородственных связей языка Гат с древними и живыми иранскими языками.

Аллюзии, отсылки в Гатах к Ригведе дают основание рассматривать цикл гимнов, посвященных Индре, как отправную точку рефлексии Заратуштры, ревизии им архаичного религиозного сознания эпохи индоиранской общности, приведшей к формированию модели инкультурации кардинально нового типа.

Ключевые слова: иранские языки, Авеста, Гаты, таджикский, шугнанский, осетинский, Заратуштра, лексика, семантика, синтаксические структуры, *ya-* ‘который’

Для цитирования: Виноградова С. П. О некоторых особенностях синтаксиса речи Заратуштры в аспекте прагматики (на примере авестийских Гат). *Родной язык. Лингвистический журнал*, 2025, 2: 57–86.

DOI: 10.37892/2313-5816-2025-2-57-86

On the syntax of Zarathushtra's Gathas in terms of pragmatics

Sophia Petrovna Vinogradova

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences

Moscow, Russia

sophiapv@yahoo.com

The present article focuses on one of the ancient Iranian languages, the Avestan dialect used in the Gathas. It draws on the language's pragmatic aspects and provides a comparative historical perspective with data from modern Iranian languages, including those represented in the countries of the CIS (colloquial Tajik, Pamir (Shughnani), Ossetian, and others).

Certain structural and typological parallels are traced between these languages and the following issues are considered: the prepositive correlative construction with the anlautic *ya-* ‘which’ in the semantic role of the subject in the Gathas, compared with its structural and semantic parallels in Western and Eastern Iranian languages; the specific features of theme-rheme division in the Gathas, drawing on constructions with a remote component in the colloquial forms of individual Iranian languages; an overview of the communicative function of the *ya*-construction in the Gathas.

Comparison with other Indo-European languages, including Iranian languages (in Russia and the wider CIS area) reveals a retrospective of the historical and typological evolution of the phenomena under consideration and helps to accumulate a knowledge base regarding the possible close ties of the Gathas with both ancient and modern Iranian languages.

Allusions and references in the Gathas to the Rigveda provide grounds for considering the cycle of hymns dedicated to Indra as the starting point of Zoroaster's reflection and his revision of the archaic religious consciousness of the Indo-Iranian community.

Keywords: Iranian languages, Avesta, Gathas, Tajik, Ossetian, Shughnani, Zoroaster, vocabulary, semantics, syntactic structures, *ya*-‘which’

For citation: Vinogradova S. P. On the syntax of Zarathushtra's Gathas in terms of pragmatics. *Rodnoy yazyk. Linguistic Journal*, 2025, 2: 57–86.

DOI: 10.37892/2313-5816-2025-2-57-86

1. Введение: о предмете и материале исследования

Синтаксис иранских языков в коммуникативном, или прагматическом, аспекте к настоящему моменту изучен недостаточно. Особенно это верно в отношении языков вымерших. В данной статье выносятся на рассмотрение коммуникативный аспект полипредикативных конструкций с зависимой частью, находящейся в препозиции к главной клаузе и вводимой относительным местоимением *ya*-, стоящим в начале зависимой части, а, следовательно, в начале всего сложноподчиненного предложения, т. е. как бы открывающим полипредикацию. Аналогичные конструкции на русском языке, типа *которые в красных галстуках, они пионеры*, встречаются исключительно в разговорной речи. Сложносочиненные предложения такой структуры чрезвычайно широко представлены в речи Заратуштры, и трактовка их значения в коммуникативном или ином плане может быть неоднозначной и представляет интерес для исследования. Кроме того, некоторые характеристики устного дискурса Заратуштры могут найти продолжение — в типологическом или ином плане — в иранских языках, представленных на территории России или в сопредельных странах СНГ. Обнаруженные особенности этого малоизученного языкового материала дают более широкую историко-типологи-

скую ретроспективу для других иранских языков, копится база знаний о возможности их близкородственных связей. Опорой для историко-типологических параллелей являются работы Джой Иосифовны Эдельман. И, конечно, надо принимать во внимание, что идиом Заратуштры, или авестийский диалект Гат в составе Авесты, — это устный разговорный дискурс, это живая речь, содержательно — речь пастыря и первоучителя, — и поэтому особый интерес представляют именно разговорные формы иранских языков.

Авеста — священное писание зороастрийцев, а зороастризм — одна из древнейших религий откровения. Ее основатель и первоучитель — Заратуштра, греческая форма имени — Зороастр. По утвердившемуся мнению, он является историческим лицом. Время и место его жизни остаются дискуссионными. По этому поводу можно сказать следующее. Общее мнение склоняется к тому, что родиной его были восточные окраины ираноязычного мира древности, районы современного Туркестана. Относительно датировок мнения расходятся на тысячу лет, от традиционной даты ок. 600 гг. до н. э. и до 1500 тыс. лет до н. э. (см. экстралингвистические факты, например, в [Стеблин-Каменский 2009]). Причем античные авторы были о нем слышаны, хотя их датировки еще более фантастичны (вплоть до нескольких тысячелетий до Платона). Что касается самого Платона, то в одном из его Диалогов, Алкивиаде Втором, упоминание о Зороастре вложены в уста Сократа.

Заратуштре приписывают авторство той части авестийских текстов, которая вошла в состав так называемой Ясны, богослужебного раздела Авесты, под названием «Гаты». Сложенные пророком Гаты «дошли до нас именно в таком виде, в каком он их произнес (не принимая во внимание, разумеется, искажений, сопутствовавших длительной сначала устной, а затем рукописной их передаче)» [Стеблин-Каменский 2009: 19].

Гаты, букв. ‘песни, песнопения’ (ав. *gāθā-f.* ‘песнь’ от и.-е. корня со значением ‘петь, взывать, кричать’, ср. рус. *гай* [Рас-торгуева, Эдельман 2007]). В древнеиндийском этот глагольный корень *gā-* входит в длинный ряд синонимов, передаю-

щих отношение/обращение адепта к богам в языке ведийских риши, его «почитание» божества, со значением 'воспевать' [Елизаренкова 1993: 13]. В. И. Абаев называл их на своих занятиях «тирадами» [Виноградова 2025]). Это ритмически организованные тексты. Их авторский характер несомненен, в отличие от текстов «поздней» Авесты, т. е. всех остальных текстов, которые отличаются по языку от Гат не только хронологически, но и постольку, поскольку тяготеют к наддиалектности [Виноградова 2012].

Таковы Яшты, исходно тексты мифологического содержания, претерпевшие редакцию жрецов-зороастрийцев. Язык же Гат доносит до нас в большей или меньшей степени идиом самого пророка Заратуштры.

Гаты принято — тенденция, усиливающаяся в среде западноевропейских иранистов, — рассматривать как чистейший образец древней индоевропейской иератической, т. е. «жреческой», поэзии (см., напр. [Humbach 2000; Insler 1975; Kellens 1987]). Однако российские ученые, напр. В. И. Абаев [Виноградова 2025], И. М. Стеблин-Каменский [2009], видят в Зороастре прежде всего первоучителя, зачинателя, пророка новой религии, слышат в его Гатах-песнопениях живое звучащее слово, в содержании его выдержанной в традициях древней индоевропейской поэтики речи актуальный смысл, имманентный конкретному историческому моменту в конкретном коммуникативном пространстве в координатах здесь и сейчас. Эта речь все еще протекает в русле веками устоявшейся поэтической традиции, базируется на общем индоиранском мировоззренческом фундаменте и изобилует многочисленными отсылками к общей коллективной памяти. Однако это уже новая речь, давшая жизнь новой религии нового времени — «осевого» (термин К. Ясперса).

Ярким свидетельством этого являются, как представляется, многочисленные ведийские аллюзии в речи Зороастра, отсылки к конкретным фрагментам ведийских гимнов, посвященных Индре. В них Заратуштра, используя конкретные фрагменты гимнов, вкладывает в старые структурные формы свое содержание, переиначивает смыслы, едва ли не иронизирует. См. [Виноградова 2013; 2014а; 2014б; 2017а]. Уже

самое приближенное сравнение позволяет сделать следующий вывод: «Формальные и содержательные расхождения на фоне общности широких контекстов, а зачастую и в составе идентичных морфосинтаксических структур, позволяют рассматривать весь цикл гимнов, посвященных Индре, как отправную точку рефлексии Заратуштры, ревизии им архаичного религиозного сознания эпохи индоиранской общности» [Виноградова 2017б: 189].

2. О некоторых особенностях тематического членения речи Заратуштры в общем плане

В данной статье рассматриваются некоторые лексико-грамматические характеристики устного дискурса Заратуштры, которые находят продолжение — в типологическом или ином плане — в иранских языках, представленных на территории России или в сопредельных странах СНГ.

За основу в статье взяты тексты Гат, на одном (из двух) диалектов языка «Авесты» [Виноградова 2012].

Опорой для историко-типологических параллелей являются работы Джой Иосифовны Эдельман.

Обнаруженные особенности этого языка дают ретроспективу, историко-типологическую, некоторых языковых феноменов в иранских языках. При этом копится база знаний о возможных близкородственных связях языка Гат с древнеиранскими языками.¹

Знаменательно, что язык Гат — идиом Заратуштры — есть, прежде всего, устный дискурс, это живая речь, содержательно — речь первоучителя. В силу этого для сопоставления особый интерес представляют разговорные формы иранских языков и особенно языков бесписьменных.

Следует отметить также, что учитывать приходится ряд междисциплинарных исследований в пределах гуманитар-

¹ Подробную библиографию работ, посвященных Авесте в лингвистическом и экстралингвистическом аспектах, см. в книге [Виноградова 2025].

ных наук и не только, учитывать терминологию с выходом в этимологию, а также сведения об ареале распространения лексико-грамматических явлений, времени и месте их фиксации и пр., что проливает свет на их формирование и этапы заимствования.

Ниже мы выделяем ряд таких сходных позиций в языке Авесты и живых иранских языках и даем их анализ.

Тексты авестийских Гат считаются одними из самых трудных для понимания, и этому есть много причин. В них заключено совершенно новое содержание, а лексика нигде более не засвидетельствована. Ее функционирование дано то ли в прямом, то ли в переносном значении. Например, концептуальная лексика, выраженная абстрактными существительными, вроде *мысль*, *власть*, *дух*, *вера*, *целостность*, *бессмертие* и т. п., выступает у пророка и первоучителя зороастризма то в своем исходном значении, то как имена собственные неких персонифицированных существностей нового своеобразного пантеона. Двусмысленность — вполне вероятно, что нарочитая, — усугубляется тем, что эта лексика часто выступает в инструментальном падеже, который, как известно, передает такие далекие друг от друга значения, как орудийность (т. е. «чем», неодушевленный объект), так и совместность (т. е. «с кем», одушевленный). Отсюда разнбой в переводах Гат, где в конкретных контекстах эта лексика может быть трактована по-разному. (Имеется в виду разнбой в ее написании: с маленькой буквы — если словоформа понимается как инструментальный орудийный, т. е. как абстрактное имя; и с большой буквы — если понимается как инструментальный совместный, т. е. как персонификация.)

Однако, дискурс Гат — это дискурс не просто первоучителя, но в первую очередь — пастыря. Из этого следует, что он, Заратуштра, очень сознательно и творчески подходил к выбору коммуникативной стратегии (ср. [Бергельсон, Кибрик 1987; прив. по: Тестелец 2001: 437 и сл.]). В его дискурсе использованы, задействованы всевозможные коммуникативные стратегии.

Нами рассмотрен один из самых специфических приемов рема-тематического членения речи, не представленный, насколько можно судить по исследованиям и текстам, в таком близком генетически и типологически к авестийскому Гат языке Вед.

Русскоязычная параллель уже приводилась выше. В иранских языках ближайшую по синтаксической структуре параллель удалось найти в персидском и таджикском. Так, в персидском, таджикском и в персидско-таджикских и даритаджикских говорах южных предгорий Таджикистана, в Бадахшане, и на территории Северного Афганистан, Бактрийской низине, говорят, например:

man=ke	xāne	biyāyām	hatman	be	šomā
я=который	дом	приходить.AOR.1SG	обязательно	в	вы

telefun	xāham	kard
телефон	хотеть.PRS.1SG	делать.INF.TR

Я как только домой приду, обязательно Вам позвоню
(man=ke xāne biyāyām hatman be šomā telefun xāham kard
(форма xāham kard – передает FUT.1SG), букв. ‘Я=который домой приду, обязательно Вам позвоню’).

man=ke	marīz	būdam	kārḥā=ye
Я=который	больной	быть.PST.1SG	работа.PL=IZ

xōd=rā	xalās	na-karde=am
свой=LAT	конец	NEG-делать.PRF=1SG

Я=ведь больной был, [поэтому/вот и] работы свои не закончил (man=ke marīz būdam kārḥā=ye xōd=rā xalās na-karde=a, букв. ‘Я=который больной был, работы свои не закончил’).

Найти в специальной литературе работ на этот предмет не удалось (в отличие от структур типа перс. *ān=ke šomā mikonid ...* ‘То, которое/что вы делаете...’, широко представленное и в письменной, литературной форме как персидского, так и таджикского языков).

Как в персидском, так и в таджикском языке, при формальном синтаксическом построении, очень близком к авестийскому Гат (с тем только отличием, что здесь личное местоимение 1 лица ед. числа, кодирующее референт всего высказывания, вынесен в его начало, предшествуя относительно, здесь, энклитическому =*ke* и образуя с последним единый интонационный комплекс; при ударении на личном местоимении), при аналогичном (приводимым ниже древним примерам) распределении темы и ремы и также препозиции атрибутивного предложения, выражающего тему, звучат — именно звучат! — совершенно иначе. Все дело здесь в референте!

В Гатах нередки случаи, когда инициальное относительное *уа*- тематической зависимой клаузы представляет субъект (он же актор) в 1-м лице и является формально субъектом при предикате (1SG.CON, служащим в Гатах средством передачи своего рода будущего категорического с перформативным оттенком, с привязкой к ситуации здесь+сейчас) — т. е. совпадает с говорящим, — а коррелятом в рематической части высказывания является личное местоимение в 1-ом лице в семантической роли бенефактива (в рассматриваемых ниже примерах в дательном падеже), т. е. и говорящий, и его референт в высказывании являются одним и тем же лицом. При этом создается «особая коммуникативная напряженность» (хотя это определение Янко, взятое из [Тестелец 2001: 445], относится у нее к совершенно другому случаю, более того сказано в отношении «сугубо литературной стратегии письменного текста» [Тестелец 2001: 446], но, кажется, очень сюда подходит).

Можно сказать, что в таких ситуациях говорящий прибегает к особой тактике активации данного знания у адресата (зд. соотносится с императивами рематической части) — через структуры «коммуникации событий» (термин А. Лурии).

При анализе таких построений в коммуникативной парадигме одной топиализацией здесь не обойтись.

Именно такие очень специфические (с типологической точки зрения тоже?) структуры, можно сказать, составляют

излюбленный прием в речи Заратуштры, и именно они составляют конкретный предмет (объект?) дальнейшего рассмотрения. См., например, в тексте первой же из пяти Гат: У. 28.2; У.28.3; У.28.4 и др.

Их построение схематично можно представить следующим образом.

В плане синтаксиса:

сложноподчиненное предложение = 1. Определительное придаточное + 2. Главное предложение.

В плане прагматики:

1. ТЕМА=зависимая клауза (определительное придаточное) + 2. РЕМА= главная часть.

Распределение темы/ремы — как у предложений с расщеплением, как в клефтовых построениях, ср. [Тестелец 2001: 446]. Однако в рассматриваемых авестийских построениях дело не только в топикализации. Как и в персидских примерах с *tap=ke*, приходится прибегать к такой категории как логическое ударение или, в иной терминологии, к контрастивному выделению, к фокусу контраста [Тестелец 2001: 458]. Более того, та самая «коммуникативная напряженность» усугубляется здесь еще и тем, что «фокус контраста», его выбор осуществляется говорящим (т. е. Заратуштрой) из релевантного множества, объем которого ограничивается — одним единственным — элементом, ведь референтом обеих частей высказывания является сам говорящий, 1-ое лицо. Таким образом, рассматриваемые специфические для авестийского диалекта Гат *уѣ*-конструкции могли бы рассматриваться как вариант, тип, исходный для историко-типологической эволюции способов топикализации во всех ее аспектах при сопоставлении с соответствующими вариантами в разговорной диалогической речи носителей некоторых иранских языков. (Теоретический аспект см. в [Тестелец 2001: 437–466].)

Завершая схематическую характеристику рассматриваемой конструкции в Гатах, следует добавить, что в рассматриваемых ниже языковых примерах анлаутное *уѣ* можно также рассматривать как коннектор-каузатор/мотиватор

и т. п. на иллокутивном уровне [Виноградова 2023]. В терминах этой парадигмы конкретным предметом рассмотрения в статье является: «препозитивная коррелятивная конструкция с анлаутным *уа-* ‘который’ в семантической роли субъекта (соотносимым с личным местоимением не-третьего лица в косвенном падеже второй части полипредикативного выражения) и с отсутствием — на уровне формального синтаксиса — согласования между этим субъектом и предикатом этой коррелятивной конструкции, который представлен личной глагольной формой в конъюнктиве и который семантически можно характеризовать (согласно рассуждениям О. Н. Селиверстовой) как «предикат действия» с субъектом в качестве инициатора и имплицитно выраженным объектным актантом.

Этот излюбленный прием в речи Заратуштры — использование формы 1 л. ед. ч. (зд. *pairi.ḡasāi*) в составе конструкции с вынесенной составляющей, т. е. в речи от первого лица, — и представляет собой особый интерес. Интересно, что, вопреки сложившимся представлениям (параллели см. в [Кравченко 1995]) о том, что наибольшим референциальным потенциалом обладает прямо-референтное местоимение «я». Заратуштра же в Гатах отдает предпочтение синтаксической конструкции, разводящей говорящего и наблюдателя, в том числе и в высказываниях «личного плана» от 1-го лица. (Об этом см. тж. [Виноградова 2014a].)

3. Разбор языкового материала из Гат

Примеры из Гат. Одни из самых интересных примеров из первой же по порядку гаты Y.28. Строфы 2,3,4 построены единообразно с точки зрения синтаксиса и информационной структуры.

Пример 1 (Y. 28.2)

уѣ vā mazdā ahurā #
maibiiō dāuuōi ahuuā #
āiaptā ašāt hacā #

pairi.ḡasāi vohū mananḡhā
astvatasčā hyaṭcā mananḡhō
yāiš rapantō daidīṭ xvāθrē

yə	vā	mazdā	ahurā
который.REL.NOM.SG.M	вы.ENC	Мазда.VOC	Ахура.VOC
pairī.jasāi	vohū	manaḥhā	
обихаживать.PRS.CON.1SG.MED	добрый.INS.SG.N	мысль.INS.SG.N	
maibiiō	dāuuōi	ahuuā	
я.DAT	дать.INF.DAT.SG	мир.GEN.DU.M	
astvatas=cā	hyaṭ=cā	manaḥhō	
земной.GEN.SG.M=и	так=и	духовный.GEN.SG.N	
āiiaptā	aśāṭ	haśā	
благо.ACC.PL.N	Аша.ABL.SG.N	от	
yāiš	rapantō		
который.INS.PL.N	сторонник.NOM.PL.M		
daidiṭ	xvāθrē		
ставить.OPT.PL.(MED)	блаженство.LOC.SG.N		

Который вас, (о) Мазда Ахура, обихаживаю с доброй мыслью, Мне (чтобы) *даны были обоих существований, материального так и духовного, Блага от Аши, которыми взыскующие ставились бы в блаженство.

В качестве примечания к переводу сказуемого придаточного предложения конъюнктивного *pairī.jasāi* как 'обихаживаю'. Это имеет значение и для понимания тех новых, по отношению к своему индоиранскому мировоззренческому прошлому, смыслов, которые несут в себе речи Заратуштры, понимания новых отношений с возведенным в ранг верховного и единственного божества Ахура Маздой.

Это значение, как представляется, уже можно включать в словарную статью (для *pairī.jasa-* еще и вариант перевода — 'обихаживать'. В таком переносном значении его производные отмечены нами в авестийском диалекте Гат. Русский глагол *обихаживать*, также букв. означающий 'ходить вокруг', подобно авестийскому, приобрел такое же переносное

значение. Такое семантическое развитие, в свою очередь, может послужить отсылкой к другой важной работе Джой Иосифовны Эдельман «Иранские и славянские языки. Исторические отношения» [Эдельман 2002].

Отметим, что префикс **pari-* в сочетании с производной основой от глагольного корня **¹gam-: gm-: ga-: jam-* отмечен в материалах словаря только в одном случае, у хотаносакского (см. [Расторгуева, Эдельман 2007: 126; Эдельман 2020: 177]: хс. *paljsem-* перех. ‘to go about, be engaged in’ < **pari-jāmayā-*, прич. прош. вр. **paljsaunda-*, 3-е л. ед.ч. наст. вр. *paljsemāte* [Emmerick 1968: 76]). Только здесь, в хотаносакском, он отмечен также в переносном значении, т. е. ‘заниматься чем-л.; ухаживать’ (а не только ‘ходить’).

Обихаживать, согласно «Большому толковому словарю русского языка», имеет следующие значения: иметь попечение о ком-либо или о чем-либо; заботиться, ухаживать; заниматься обработкой чего-либо; в переносном смысле — бить, колотить (см. обиходить [Кузнецов 2000]). Важно отметить, что по Далю, это ‘обиходить что’, сев. и вост. избыхаживать, охаживать, ухаживать около чего, ходить старательно за чем, присматривать и делать самому. И вот примеры: Садовник обихаживает яблони. Хозяйка обихаживает дом [Даль].

Именно в таком значении, ‘обихаживать’; а также нем. ‘*dienen*’, англ. ‘to attend, serve’, отмечен его структурный аналог в речи Заратуштры, в авестийском диалекте Гат. В них встречается несколько личных глагольных форм, производных от основы *pairi.jasa-*. Это три формы 1 л. ед. ч. *pairi.jasāi* в трех разных текстах Ясны (Y.28.2; Y.50.8; Y.51.22) (впрочем, ср. [Insler 1975: 119] и пять форм 3 л. ед. ч. *pairi.jasaṭ* (в тексте одной Ясны Y.43.7, 9, 11, 13, 15) [Insler 1975]). В Ведах в этом значении используется производная лексема с тем же префиксом, но от другого корня также с исходным значением ‘передвигаться’, *car-* [Insler 1975: 119].

В Гатах есть еще несколько глагольных лексем, характеризующих разные способы почитания божества, однако отсутствует главный, характерный для авестийских мифологических текстов Поздней Авесты глагол ав. п. *yaz-* (др.-перс.

yad-), родственный ведийскому *yaj-* ‘почитать, жертвовать’ [Елизаренкова 1993]. В предикативной функции в Гатах эта лексема с первичным значением ‘приносить жертву’ не засвидетельствована. Т. е. основа почитания Ахура Мазды у Заратуштры складывается из почитания, прославления, поклонения, служения.

Ср. также длинный ряд синонимов, передающих отношение/обращение адепта к богам в языке ведийских риши, его «почитание» божества: *dāṣ-* ‘почитать’, *namasy-* ‘почитать, поклоняться’, *sap-* ‘почитать, служить, уважать’, *sararyu-* ‘почитать, а также ряды «квазисинонимов», приобретающих значение почитать (божество) разными способами: *yaj-* ‘почитать, жертвовать’, *hu-* ‘возливать жертву, почитать’; *īḍ-* ‘молить, почитать, восхвалять’, *maḥ-* ‘радовать’, *saus-* ‘прославлять’; *vand-* ‘хвалить, славить, почитать’; *stu-* ‘хвалить, восхвалять’; *arc-* ‘сверкать, воспевать, почитать’; *gā-* ‘воспевать’; *gar-/gir-* ‘призывать, восхвалять’ [Елизаренкова 1993: 12–13]).

Когнат авестийского *pairi.jasa-* ‘оби-хаживать’ в этом древнеиндийском перечне отсутствует.

Пример 2 (Y. 28.3).

yē vā aśā ufiānī # manascā vohū apaourvīm # ā mōi rafəδrāi zauuəṅg jaśatā			
yē	vā	aśā	ufiānī
который.REL.NOM.SG.M	вы.ENC	Истина.VOC.N	воспевать.1SG.CON.ACT
manas=cā	Vohū	apaourvīm	
Мысль.NOM.SG.M=и	Добрый.NOM.SG.M	не_первый.ADV	
ā mōi	rafəδrāi	zauuəṅg	jaśatā
к мой.ENC.GEN	поддержка.SG.DAT.N	призыв.PL.ACC	идти.IMPR.2PL.ACT

Который вас, о Истина, буду воспевать, и с Мыслью Доброй, ... на **мои** для помощи призывы придите!

Очевидно, что подобные синтаксические конструкции служат вполне определенным коммуникативным целям, являясь способом обеспечения эмфатического фокуса на актуализированном в теме референте, на говорящем, который

задан, охарактеризован здесь не как «Сократ — человек», а как «Собака лает», т. е. не через структуру «коммуникации отношений», а через структуру «коммуникации событий» [Лурия 2006]. Таким способом говорящий апеллирует не к тому, что адресат знает или мог бы знать, а к тому, что он может непосредственно воспринимать, слышать, видеть и т. п. Высказывания подобной структуры ориентированы на «субъекта восприятия», на наблюдателя. В рассматриваемых речевых ситуациях, в Y.28 и в Y.47, таковым «субъектом восприятия» оказывается адресат, который, что очевидно, локализуется в одном с говорящим коммуникативном пространстве, в одной точке на оси «здесь и сейчас». Заратуштра, таким образом, в своих речах предстает как стихийный лингвист! (Это к вопросу, поднятому в начале о жанровой (?) специфике Гат Заратуштры.)

Кроме того, это способ создать «балансированные синтаксические структуры: придаточное относительное предложение — главное» (ср. [Елизаренкова 1993: 179]), причем референтом этих относительных местоимений, занимающих «отмеченное место в метрической схеме», начальную позицию в стихе [Елизаренкова 1993: 180], является говорящий, адресант, а не божество, как это имеет место в Ригведе.

Таков парадоксальный синтаксис речи Заратуштры. Следует отметить, что Ригведе неизвестны конструкции подобные *yā=vā ... pairī.jasāi ... maibiiō ...* ‘который вас обихаживаю ..., мне’; *yā=vā ... ufiiānī ... mōi ...* ‘который вас воспеваю ..., мне’. Что касается нарушения формального согласования, то оно встречается в конструкциях иного типа [Елизаренкова 1993: 203].

4. О уа-конструкциях Гат как прообразе конструкций с вынесенной составляющей в современных иранских языках

Следует указать, что Гаты изобилуют примерами пре- и постпозитивных коррелятивных конструкций с анлаутным уа-‘который’ в различных семантических ролях и коррелиру-

ющим с личным местоимением как второго, так и третьего лиц, а во второй части полипредикации, в которых авестийское относительное местоимение *уа*- выступает как средство актуального членения, где в качестве темы высказывания может выступать любой член предложения, имя и, соответственно, предшествующее ему относительное местоимение *уа*- в любой грамматической форме числа и падежа (см. подробнее [Виноградова 2023]).

Такие авестийские высказывания можно соотнести с конструкциями с вынесенной составляющей в разговорной форме речи у носителей ряда современных языков. Из засвидетельствованных примеров отметим эту конструкцию в таджикоязычной среде, где она пользуется большой популярностью. См. подробнее: [Керимова, Молчанова 1984]. Кроме того, Е. К. Молчанова выделяет соответствующую конструкцию в языке современных зороастрийцев-иранцев, в языке современных зороастрийцев — йезди (зороастрийский дари) [Молчанова 2008]. Причем на раннем этапе исследований ее описание под другим названием дано у Л. С. Пейсикова на материале персидского языка, например в [Пейсиков 1960]. Оно было сделано до введения в научный оборот соответствующего термина. (Теоретическую разработку см. [Шкапа 2013], а также [Barie 2009].)

5. О *уа*-конструкциях Гат и Поздней Авесты и становлении определенного артикля в ряде восточноиранских языков.

Анализируя становление как категории определенность/неопределенность, так и артикля в большинстве восточноиранских языков (куда входят и так называемые памирские языки), Д. И. Эдельман отмечает тесную взаимосвязь, но не тождественность этих содержательных категорий имени в иранских языках [Эдельман 1990: 171–175].

При том что материалом для определенного артикля в ряде иранских языков (среднего и периода и современных) послужили указательные местоимения древности («носи-

тели значений дейксиса, эмфазы, анафоры») и реже — как она допускает — относительные («со значением анафоры»), т. е. **уа*- [Эдельман 1990: 175]. К числу таких языков можно отнести согдийский, хорезмийский, бактрийский, из современных живых — осетинский и, с меньшей вероятностью, язгулямский. Одним из условий такого развития определенного артикля из указательных местоимений при их возможной контаминации с относительным **уа*-, по предположению Д. И. Эдельман, является их постоянное адъективное употребление [Эдельман 1990: 175].

В чередѣ синтаксических контекстов, характерных для функционирования лексемы ав. *уа*-, предполагающих «адъективное употребление» этого относительного местоимения, в Гатах с уверенностью можно выделить следующий ниже [Y.33.11].

Пример 3 (Y.33.11):

уə	səvištō	ahurō
который.REL.NOM.SG.M	сильнейший.SUP.NOM.SG.M	Господь.NOM.SG.M
mazdās=cā	ārmaitiš=cā ...	
Мудрый.NOM.SG.M=и	Здравомыслие.NOM.SG.F=и	
sraotā		
слушайте.IMP.2PL.ACT		
mōi	mərəždātā	mōi
мой.ENC.GEN	жалеть.IMP.2PL.ACT	мой.ENC.GEN
‘(О) сильнейший Господь и Мудрый, и Здравомыслие, и... выслушайте меня, помилуйте меня...’		

Здесь относительное *который* не имеет коррелята, а вся зависимая ИГ, будучи в номинативе, тем не менее выступает как аппеллятив, что задано императивной формой двух сказуемых [Y.33.11]. Конструкция *который* + ИГ в номинативе здесь формально является своего рода аппозитивом, приложением. Будучи помещена в абсолютное начало высказывания функционирует как вокатив (см., напр. [Humbach et

al. 1981: 101]). Такое понимание, как представляется, отсылает нас опять-таки к особенностям коммуникативных стратегий в Гатах.

В текстах на позднем авестийском примеры на конструкцию *который + ИГ в функции приложения* значительно более многочисленны и разнообразны.

См., например, также «Видэвдат»: *tüm yō AM...* ‘ты, Ахура Мазда...’, букв. ты, который АМ’ [V. 5.15]; *kō θwām yīm ahu gēt mazdām...* ‘кто тебя, Ахурамазду, ...букв. кто тебя, которого Ахурамазду...’ [V. 18.61]. Тж. V.2.2, 19.20 [Видэвдат 18.61].

Немало примеров на конструкцию *который + ИГ в функции приложения* и в «Яштах»: Yt.8.50, 8.44, 5.89, 10.103, 19.35. См. тж. позднеавестийские фрагменты «Ясны»: Y.1.1, 27.1, 19.6,7. Однако, ср. Y.2.16, где относительное местоимение + именная группа выступает как прообраз изафетной конструкции со значением посессивности.

6. Еще об одном способе логического или эмпатического ударения в Гатах

Помимо формы 1SG в Гатах представлена также глагольная форма *pairi.ṣaṣat*.3SG.PST.ACT того же глагола, но с первичным значением. Эта форма *pairi.ṣaṣat* рассматриваемого авестийского глагола представляет интерес не сама по себе, а своим контекстом. Пять строф гаты Y.43 (7,9,11,13,15) повторяют один и тот же зачин:

В ритмизованном переводе И. М. Стеблин-Каменского он звучит так:

Святым тебя, Ахура, мыслю, Мазда,

Когда меня Благой достиг ты Мыслью И спросил: ...

[Стеблин-Каменский 2009: 92–96].

Это отсылка к Ригведе, к гимну из цикла Индры, из серии текстов, где онтологические представления древних зашифрованы в виде вопросов. Так, в соответствующем гимне в Ригведе I 84.17а звучит вопрос вед. *ko máṁsate santam i*

ndraṁ ...? [RV I 84.17a] 'Кто будет думать, есть ли Индра? ...' [Елизаренкова 1993: 248].

Именно на этот вопрос своих предшественников Заратуштра отвечает по-своему, используя инверсивный порядок слов, передающим, как кажется накал эмоций: «Святым тебя, Ахура, мыслю, Мазда...», используя те же морфосинтаксические структуры. Ср. букв. перевод процитированного ведийского примера 'кто мыслит сущим Индру'.²

Ср. Пример 4 (Y.43.5):

spəntəm aṭ θwā #	mazdā mē nghī	ahurā
hyaṭ mā vohū #	pairi.ṣasaṭ manañhā	
spəntəm	aṭ	θwā
святой.ACC.SG.M	же.CN	ты.ENC.ACC
mazdā	mē nghī	ahurā
Мазда.VOC.SG.M	мыслить.PST.1SG	Ахура.VOC.M
hyaṭ	mā	vohū
когда	я.ENC.ACC	добрых.INS.SG.N
pairi.ṣasaṭ	manañhā	
приблизиться.PST.3SG.ACT	мысль.I.SG.N	
что соответствует «Святым же тебя # о Мазда мыслю Ахура		
Когда ко мне с Д/доброй # приблизился М/мыслю		
И спросил меня # что еси? Чей еси?		

Этот зачин «Святым же тебя, Ахура, мыслю, Мазда, когда ...» повторяется рефреном в этом тексте в каждой нечетной строфе, начиная с пятой и кончая пятнадцатой.

Ср. неинверсированный, прямой порядок слов, передающий близкий смысл, повествовательно, без выделения, в другом тексте Гат Y. 43,4 и др.

² Авестийский материал приводится по [Insler 1975; Geldner 1896], а ведийский по интернет-источнику — RV.

Ср. Пример 5 (Y.43.5):

aṭ θwā mē nghāi taxmēm cā spəntəm, mazdā | hyaṭ...

aṭ	θwā	mēnghāi		
же.CN	ты.ENC.ACC	мыслить.CON.1SG.ACT		
taxmēm=cā	spəntəm	mazdā	hyaṭ	
сильный.ACC.SG.M=и	святой.ACC.SG.M	Мазда.VOC.M	когда...	

‘Тогда тебя мыслю мужественным и святым, о Мазда, когда...’

Подробный разбор данного текста и их сопоставление даны в статье «О ведийских аллюзиях в авестийских Гатах: попытка реконструкции» [Виноградова 2017a].

Содержательно этот текст Y. 43 в целом и с его эмфазой, достигаемой благодаря инверсии порядка слов в главной части высказывания, с выносом на первое, т. е. маркированное место, сквозной для всего текста ремы в этих пяти строфах с повторяющимся зачином spəntəm aṭ θwā mazdā mē nghāi ahurā hyaṭ... «Святым же тебя, Ахура, мыслю, Мазда, когда ...» (Y. 43.5, 7, 9, 11, 15) может служить выразительной иллюстрацией к тому новому, что несла с собой проповедь Заратуштры [Виноградова 2013; 2014б; 2017б], а также иллюстрацией того, что он считал особенно важным и что он старался подчеркнуть, выделить и донести — прибегнув к эмфазе, одной из сильнейших в плане эмоционального воздействия, — коммуникативной стратегии. Истинным же адресатом для него была, конечно же, паства. (К вопросу о специфических концептах его вероучения, в первую очередь, о святости-spənta, в его трактовке [Топоров 1987] и чисто этимологически, не имевшей аналогов ни в прошлом, ни в последующем развитии иранских языков, вне рамок зороастрийского богослужения см. [Виноградова 2013; Д. И. Эдельман (устное сообщение)]. См. также разработку понятия Святой Дух (spənta mainyu) в древнеиранских языках [Виноградова, Додыхудоева 2018].

7. Заключение

В рамках заданной темы можно было бы рассмотреть в сопоставлении с древним материалом и такой способ топикализации, широко распространенный в ряде современных иранских языков. Из засвидетельствованных форм отметим эту конструкцию в таджикоязычной среде, где она пользуется большой популярностью [Керимова, Молчанова 1984]. Она хорошо описана в литературе по иранским языкам [Молчанова 2008: 318; Пейсилов 1960]. Совершенно иной, особый случай топикализации в шугнанском, одном из памирских языков, описан в [Barie 2009].

Таким образом, в иранских языках, живых и вымерших, из доступных нам материалов и специальных работ, можно выделить несколько структурно-синтаксических способов топикализации:

- 1) авестийский Гат *ya-* + 1SG предиката;
- 2) таджикско-персидский *man=ke*;
- 3) таджикско-персидский и йезди *ahmad zan=š*;
- 4) шугнанский «старый и новый клефт» [Barie 2009], причем, с этимологически мутным связующим элементом, помещающимся между темой, в препозиции, и ремой (старый: *-yi tu*; новый: *tu-yi*). В примерах, называемых Бари старым клефтом, можно попытаться поискать следы контаминации со считающимися изжитыми в шугнанском эргативообразными построениями [Эдельман 1987: 308–309].

В сокращенном виде представлены другие функциональные типы *ya*-структур в авестийских Гатах. Кроме того, рассматривается специфическая лексика Гат, входящая в приводимый языковой материал.

Сокращения

- ABL — аблатив
ACC — аккузатив
ACT — актив
AOR — аорист
CN — коннектор

CON — конъюнктив
DAT — датив
DU — дуалис
ENC — энклитика
FUT — футурум
GEN — генетив
IMP — императив
INF — инфинитив
INS — инструменталис
IZ — изафет
LAT — латив
LOC — локатив
M — муж. р.
MED — медиалис
N — ср. р.
NEG — частица отрицания
NOM — номинатив
OPT — оптатив
PL — мн. ч.
PRF — перфект
PRS — настоящее время
PST — прошедшее время (претерит)
TR — усеченный
SG — ед. ч.
SUP — суперлатив
VOC — вокатив

Литература

Виноградова 2012 — Виноградова С. П. К вопросу об относительной хронологии авестийских Гат (опыт сравнительной текстологии). *Тезисы конференции «Сравнительная текстология» к юбилею Елены Абрамовны Давидович*, декабрь 2012.

Виноградова 2013 — Виноградова С. П. Концепт святость. Общее наследие Ирана и Индии (на персидском языке). *Inter-*

national Seminar of Indo-Iranian Common Heritage, History of Knowledge and Culture, Qom, Iran, 26 сентября 2013.

Виноградова 2014а — Виноградова С. П. Об одном примере древнего метаморфизма «язык-ритуал» (К вопросу о переводе Гат). *Динамика культурно-исторической парадигмы: человек, слово, текст: сборник статей*. Под ред. И. И. Челышевой, В. З. Демьянкова, В. Я. Порхошовского. Москва; Калуга, 2014, 207–215.

Виноградова 2014б — Виноградова С. П. К вопросу о формировании религиозной идентичности (Гаты Заратуштры). *Текст и языковые процессы в переломные эпохи от древности до Нового времени*. Коллективная монография. Институт языкознания РАН. Под ред. И. И. Челышевой. Москва, 2014.

Виноградова 2017а — Виноградова С. П. О ведийских аллюзиях в авестийских Гатах: попытка реконструкции. *Проблемы ближней и дальней реконструкции Материалы конференции, посвященной 90-летию со дня рождения проф. Олега Сергеевича Широкова*. Под ред. В. К. Казаряна. Москва, 2017, 183–191.

Виноградова 2017б — Виноградова С. П. *Священные тексты и традиционные культурные практики (Авеста)*. Научная конференция, посвященная памяти Э. А. Грантовского и Д. С. Раевского «Иранский мир II–I тыс. до н. э.: модели инкультурации» 27–28 ноября 2017 г. в Отделе истории и культуры древнего Востока ИВ РАН.

Виноградова 2023 — Виноградова С. П. К вопросу о др.-ир. относительном местоимении *ya-* (и.-е. **i-o-*) и его функционировании в качестве коннектора/союза/союзного слова (на различных уровнях) в текстах на раннеавестийском диалекте. *Связь пропозициональных единиц в предложении и в тексте. Сборник тезисов*. Москва, 2023, 15–17.

Виноградова 2025 — Абаев В. И. *Древнеиранские языки и тексты по аудиозаписям 1982–1984 гг. (Часть I. Авестийский язык и тексты; Часть II. Древнеперсидский язык и тексты). С анализом и комментариями*. Под ред. С. П. Виноградовой. Цхинвал; Москва, 2025.

Виноградова, Додыхудоева 2018 — Виноградова С. П., Додыхудоева Л. Р. О некоторых терминах и понятиях монотеистических религий. *Понятие веры в разных языках и культурах*. Отв. ред. Н. Д. Арутюнова, М. Л. Ковшова. Москва, 2018, 631–643.

Даль — Даль В. И. *Толковый словарь живого великорусского языка*. URL: <https://my-dict.ru/dic/tolkovyyu-slovar-dalya/> (accessed on 08.11.2025)

Елизаренкова 1993 — Елизаренкова Т. Я. *Язык и стиль ведийских риши*. Москва, 1993.

Керимова, Молчанова 1984 — Керимова А. А., Молчанова Е. К. Еще раз об Ахмаде и его книге (к вопросу об актуальном членении высказывания в таджикских говорах). *Забоншиносии тоҷик*. Душанбе, 1984.

Кузнецов 2000 — Кузнецов С. А. *Большой толковый словарь русского языка*. Москва, 2000.

Кравченко 1995 — Кравченко А. В. *Принципы теории указательности*. Москва, 1995.

Молчанова 2008 — Молчанова Е. К. Йезди (зороастрийский дар). *Основы иранского языкознания. Среднеиранские и новоиранские языки*. Москва, 2008.

Лурия 2006 — Лурия А. Р. *Лекции по общей психологии*. Санкт-Петербург, 2006.

Пейсиков 1960 — Пейсиков Л. С. *Тегеранский диалект*. Москва, 1960.

Расторгуева, Эдельман 2007 — Расторгуева В. С., Эдельман Д. И. *Этимологический словарь иранских языков*. Москва, Т. 1. — 2000. Т. 2. — 2003. Т. 3. — 2007.

Стеблин-Каменский 2009 — Стеблин-Каменский И. М. *Гаты Заратуштры*. Пер. с авестийского, вступительные статьи, комментарии и приложения И. М. Стеблин-Каменского. Санкт-Петербург, 2009.

Тестелец 2001 — Тестелец Я. Г. *Введение в общий синтаксис*. Москва, 2001.

Топоров 1987 — Топоров В. Н. Об одном архаичном индоевропейском элементе в древнерусской духовной культу-

ре — *SVĒT-. *Языки культуры и проблемы переводимости*. Москва, 1987.

Шкапа 2013 — Шкапа М. В. Клефт в ирландском языке: к типологии клефта и тетических предложений. *Вопросы языкознания*, 2013, 6: 89–105.

Эдельман 1987 — Эдельман Д. И. Шугнано-рушанская языковая группа. *Основы иранского языкознания. Новоиранские языки. Восточная группа*. Москва, 1987, 236–347.

Эдельман 1990 — Эдельман Д. И. *Сравнительная грамматика восточноиранских языков. Морфология. Элементы синтаксиса*. Москва, 1990.

Эдельман 2002 — Эдельман Д. И. *Иранские и славянские языки. Исторические отношения*. Москва, 2002.

Эдельман 2020 — Эдельман Д. И. *Этимологический словарь иранских языков*. Т. 6. Москва, 2020.

AiW 1906 — Bartholomae Chr. *Altiranisches Wörterbuch, Strasburg, 1904, with additions and corrections in Zum Altiranischen Wörterbuch*. Strasburg, 1906.

Barie 2009 — Barie A. E. *Exploring cleft sentences and other aspects of Shughni syntax*. A thesis submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of Master of Arts in the College of Arts and Sciences at the University of Kentucky. Lexington, Kentucky: University of Kentucky. 2009. URL: <https://www.rch.uky.edu/Shughni/Full%20Thesis.pdf> (accessed on 08.11.2025)

Emmerick 1968 — Emmerick R. E. *Saka grammatical studies*. London, 1968.

Emmerick, Skjærvø 1982, 1987 — Emmerick R. E., Skjærvø P. O. *Studies in the vocabulary of Khotanese*. Wien, I — 1982; II — 1987.

Geldner 1896 — Geldner K. F. *Avesta. The Sacred Books Of The Parsis*. Stuttgart, 1896.

Humbach 2000 — Humbach H. Gathas. *Encyclopedi Iranica*. 2000 (2012). Vol. X, Fasc. 3, 321-327. URL: <http://www.iranica-online.org/articles/gathas-i-texts> (accessed on 08.11.2025)

Humbach et al. 1981 — Humbach H. in collaboration with Elfenbein J. and Skjærvø P. O. *The Gāthās of Zarathushtra*. P. I.

Introduction – Text and Translation. Heidelberg, 1991; P. II. Commentary. Heidelberg, 1991.

Insler 1975 — Insler S. *The Gāthās of Zarathustra*. Acta Iranica 8. Teheran; Liège, 1975.

Kellens 1987 — Kellens J. *Avesta. Encyclopædia Iranica*. Vol. III, Fasc. 1, 35–44, 1987; online edition, 2016. URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/avesta-parent/> (accessed on 08.11.2025)

RV — *Ṛgveda-Saṁhitā with Padapāṭha*. Transliterated text with accents. URL: <http://www.detlef108.de/Itikarana-in-the-RV-Padapatha.pdf> (accessed on 08.11.2025)

References

Abaev V. I. *Drevneiranskie yazyki i teksty po audiozapisyam 1982–1984 gg. (Chast' I. Avestiyskiy yazyk i teksty; Chast' II. Drevnepersidskiy yazyk i teksty). S analizom i kommentariyami* [Ancient Iranian Languages and Texts from Audio Recordings 1982–1984 (Part I. Avestan Language and Texts; Part II. Old Persian Language and Texts). With Analysis and Commentary]. Pod red. S. P. Vinogradovoy. Tskhinval; Moskva, 2025. (In Russ.)

Barie A. E. *Exploring cleft sentences and other aspects of Shughni syntax*. A thesis submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of Master of Arts in the College of Arts and Sciences at the University of Kentucky. Lexington, Kentucky: University of Kentucky. 2009. URL: <https://www.rch.uky.edu/Shughni/Full%20Thesis.pdf> (accessed on 08.11.2025)

Bartholomae Chr. *Altiranisches Wörterbuch, Strasburg, 1904, with additions and corrections in Zum Altiranischen Wörterbuch*. Strasburg, 1906.

Dal' V. I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. URL: <https://my-dict.ru/dic/tolkovyy-slovar-dalya/> (accessed on 08.11.2025). (In Russ.)

Edel'man D. I. *Iranskie i slavyanskie yazyki. Istoricheskie otnosheniya* [Iranian and Slavic Languages. Historical Relations]. Moskva, 2002. (In Russ.)

Edel'man D. I. Shughnano-rushanskaya yazykovaya gruppa [Shughnani-Rushani group]. *Osnovy iranskogo yazykoznaniya. Novoiranskie yazyki. Vostochnaya gruppa*. Moskva, 1987, 236–347. (In Russ.)

Edel'man D. I. *Etimologicheskii slovar' iranskikh yazykov* [Etymological Dictionary of Iranian Languages]. T. 6. Moskva, 2020. (In Russ.)

Edel'man D. I. *Sravnitel'naya grammatika vostochnoiranskikh yazykov. Morfologiya. Elementy sintaksisa* [Comparative Grammar of Eastern Iranian Languages. Morphology. Elements of Syntax]. Moskva, 1990. (In Russ.)

Elizarenkova T. Ya. *Yazyk i stil' vedyiskikh rishi* [Language and style of the Vedic rishis]. Moskva. 1993. (In Russ.)

Emmerick R. E. *Saka grammatical studies*. London, 1968.

Emmerick R. E., Skjærvø P. O. *Studies in the vocabulary of Khotanese*. Wien, I — 1982; II — 1987.

Geldner K. F. *Avesta. The Sacred Books Of The Parsis*. Stuttgart, 1896.

Humbach H. *Gathas. Encyclopedi Iranica*. 2000 (2012). Vol. X, Fasc. 3, 321–327. URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/gathas-i-texts> (accessed on 08.11.2025)

Humbach H. in collaboration with Elfenbein J. and Skjærvø P. O. *The Gāthās of Zarathushtra*. P. I. Introduction – Text and Translation. Heidelberg, 1991; P. II. Commentary. Heidelberg, 1991.

Insler S. *The Gāthās of Zarathustra*. Acta Iranica 8. Teheran; Liège, 1975.

Kellens J. *Avesta. Encyclopædia Iranica*. Vol. III, Fasc. 1, 35–44, 1987; online edition, 2016. URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/avesta-parent/> (accessed on 08.11.2025)

Kerimova A. A., Molchanova E. K. *Eshche raz ob Akhmade i ego knige (k voprosu ob aktual'nom chlenenii vyskazyvaniya v tadzhikskikh govorakh)* [Once Again about Akhmad and His Book (On the Issue of the Actual Segmentation of Statements in Tajik Dialects)]. Zabolshinosii tojik. Dushanbe, 1984. (In Russ.)

Kravchenko A. V. *Printsipy teorii ukazatel'nosti* [Principles of the Theory of Demonstrativeness. ADD]. Moskva, 1995. (In Russ.)

Kuznetsov S. A. *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [The Comprehensive Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moskva, 2000. (In Russ.)

Luriya A. R. *Leksii po obshchey psikhologii* [Lectures on General Psychology]. Sankt-Peterburg, 2006. (In Russ.)

Molchanova E. K. *Yezdi (zoroastriyskiy dari) [Yazdi (Zoroastrian Dari)]. Osnovy iranskogo yazykoznaniya. Sredneiranskie i novoiranskie yazyki*. Moskva, 2008. (In Russ.)

Peysikov L. S. *Tegeranskiy dialect* [The Tehran Dialect]. Moskva. 1960. (In Russ.)

Rastorgueva B. C., Edel'man D. I. *Etimologicheskii slovar' iranskikh yazykov* [Etymological Dictionary of Iranian Languages]. Moskva, T. 1. — 2000. T. 2. — 2003. T. 3. — 2007. (In Russ.)

R̥gveda-Saṁhitā with Padapāṭha. Transliterated text with accents. URL: <http://www.detlef108.de/Itikarana-in-the-RV-Padapatha.pdf> (accessed on 08.11.2025)

Shkapa M. V. *Kleft v irlandskom yazyke: k tipologii klefta i teticheskikh predlozheniy* [Cleft in Irish: Toward a Typology of Cleft and Thetic Sentences]. *Voprosy yazykoznaniya*, 2013, 6: 89–105. (In Russ.)

Steblyn-Kamenskiy I. M. *Gaty Zaratushty*. Per. s avestiyskogo, vstupitel'nye stat'i, kommentarii i prilozheniya I. M. Steblyn-Kamenskogo [Gathas of Zoroaster. Translated from Avestan, with introductory articles, commentaries, and appendices by I. M. Steblyn-Kamenskiy]. Sankt-Peterburg, 2009. (In Russ.)

Testeleys Ya. G. *Vvedenie v obshchiy sintaksis* [Introduction to General Syntax]. Moskva, 2001. (In Russ.)

Toporov V. N. *Ob odnom arkhaishtom indoevropeyskom elemente v drevnerusskoy dukhovnoy kul'ture — *SVEṬ-. Yazyki kul'tury i problemy perevodimosti*. Moskva, 1987. (In Russ.)

Vinogradova S. P. *K voprosu o dr.-ir. otnositel'nom mestoimenii ya- (i.-e. *i-o-) i ego funktsionirovaniy v kachestve konektora/soyuza/soyuznogo slova (na razlichnykh urovnyakh) v tekstakh na ranneavestiyskom dialekte* [On the Old Iranian relative pronoun ya- (IE *i-o-) and its functioning as a connector/conjunction/conjunctive word (at different levels) in texts in the

early Avestan dialect]. *Svyaz' propozitsional'nykh edinits v predlozhenii i v tekste*. Sbornik tezisov. Moskva, 2023, 15–17. (In Russ.)

Vinogradova S. P. *K voprosu o formirovanii religioznoy identichnosti (Gaty Zaratushty)* [On the Formation of Religious Identity (the Gathas of Zoroaster)]. *Tekst i yazykovye protsessy v perelomnye epokhi ot drevnosti do Novogo vremeni*. Kollektivnaya monografiya. Institut yazykoznaniya RAN. Pod red. I. I. Chelyshevoy. Moskva, 2014. (In Russ.)

Vinogradova S. P. *K voprosu ob otnositel'noy khronologii avestiyskikh Gat (opyt sravnitel'noy tekstologii)* [On the Relative Chronology of the Avestan Gathas (An Experiment in Comparative Textology)]. *Tezisy konferentsii «Sravnitel'naya tekstologiya» k yubileyu Eleny Abramovny Davidovich, dekabr' 2012.* (In Russ.)

Vinogradova S. P. *Kontsept svyatost'. Obshchee nasledie Irana i Indii (na persidskom yazyke)* [The Concept of Holiness: The Common Heritage of Iran and India (in Persian)]. International Seminar of Indo-Iranian Common Heritage, History of Knowledge and Culture, Qom, Iran, 26 sentyabrya 2013. (In Russ.)

Vinogradova S. P. *O vediyskikh allyuziyakh v avestiyskikh Gatakh: popytka rekonstruktsii* [On Vedic Allusions in the Avestan Gathas: An Attempt at Reconstruction]. *Problemy blizhney i dal'ney rekonstruktsiyu* Materialy konferentsii, posvyashchennoy 90-letiyu so dnya rozhdeniya prof. Olega Sergeevicha Shirokova. Pod red. V. K. Kazaryana. Moskva, 2017, 183–191. (In Russ.)

Vinogradova S. P. *Ob odnom primere drevnego metamorfizma «yazyk-ritual» (K voprosu o perevode Gat)* [On One Example of Ancient “Language-Ritual” Metamorphism (On the Translation of the Gathas)]. *Dinamika kul'turno-istoricheskoy paradigmy: chelovek, slovo, tekst: sbornik statey*. Pod red. I. I. Chelyshevoy, V. Z. Dem'yankova, V. Ya. Porkhomovskogo. Moskva; Kaluga, 2014, 207–215. (In Russ.)

Vinogradova S. P. *Svyashchennyye teksty i traditsionnye kul'turnyye praktiki (Avesta)* [Sacred Texts and Traditional Cultural Practices (Avesta)]. Nauchnaya konferentsiya, posvyashchennaya pamyati E. A. Grantovskogo i D. S. Raevskogo «Iranskiy mir

II–I tys. do n.e.: modeli inkul'turatsii» 27–28 noyabrya 2017 g. v Otdele istorii i kul'tury drevnego Vostoka IV RAN. (In Russ.)

Vinogradova S. P., Dodykhudoeva L. R. O nekotorykh terminakh i ponyatiyakh monoteisticheskikh religiy [On some terms and concepts of monotheistic religions]. *Ponyatie very v raznykh yazykakh i kul'turakh*. Otv. red. N. D. Arutyunova, M. L. Kovshova. Moskva, 2018, 631–643. (In Russ.)

The information structure of phraseology: Mazanderani in correlation with Persian and Tajik

Vladimir Borisovich Ivanov

*Institute of Asian and African Countries, Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia
iranorus@mail.ru*

Leyli Rahimovna Dodykhudoeva

*Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia
leiladod@yahoo.com*

The present paper examines proverbs in several Iranian languages that feature a unique type of verbless sentence. Methods of analysis developed for Persian verbless predicative structures are applied to data from the Mazanderani, Gilaki and Tajik languages.

The structures of verbless sentences that are contained in the proverbs in these Iranian languages are characterized by the absence of a copula and ellipsis. The absence of a verbal part enhances the style of the utterances, lending them additional expressiveness.

The unique style of the proverbs focuses the listener's attention on the message, lending it greater weight and making it more persuasive. Such proverbs are built on a familiar linguacultural image and, therefore, their language can be more concise.

In the construction of such verbless paroemias in different languages, we detect a number of features, such as presence of nominal parts of speech, which have the so-called "built-in predicativity" and cannot be combined with other predicative indicators, such as personal forms of the verb; within complex phrases, the components may be connected by a coordinating enclitic conjunction, or the connection can simply be implied. A significant number of two-member phraseological units contrast the first clause with the second.

Keywords: phraseology, phraseological units, information structure, predicativity, ellipsis, paroemiological data, verb

For citation: Ivanov V. B., Dodykhudoeva L. R. The information structure of phraseology: Mazanderani in correlation with Persian and Tajik. *Rodnoy yazyk. Linguistic Journal*, 2025, 2: 87–114.

DOI: 10.37892/2313-5816-2025-2-87-114

Информационная структура мазандеранской фразеологии в соотношении с персидским и таджикским материалом

Владимир Борисович Иванов

*Институт стран Азии и Африки, Московский
государственный университет имени М. В. Ломоносова
Москва, Россия
iranorus@mail.ru*

Лейли Рахимовна Додыхудоева

*Институт языкознания РАН
Москва, Россия
leiladod@yahoo.com*

В статье рассматриваются паремии ряда иранских языков, в которых представлен особый тип безглагольных предложений. Методика анализа, разработанная для персидских безглагольных предикативных структур, в данной статье применяется к материалу мазандеранского, гилянского и таджикского языков.

Структуры безглагольных предложений, образующих паремии в указанных иранских языках, характеризуются: а) отсутствием связки и б) эллипсисом. Отсутствие глагольной составляющей усиливает стиль высказываний, придавая им дополнительную выразительность. Особый стиль паремий фокусирует внимание слушателя на сообщении, придавая высказыванию больший вес и делая его более убедительным. Такие паремии построены на известном лингвокультурном образе, и потому их язык более лаконичный.

В построении таких безглагольных паремий в разных языках обнаруживается ряд закономерных черт: 1) в некоторых представ-

лены именные части речи, которые имеют так называемую «встроенную предикативность» и которые не сочетаются с другими предикативными показателями, такими как личные формы глагола; 2) в двучленных фразеологических единицах используется союзная связь (сочинительный энклитический союз) и импликация, где первая часть противопоставляется второй.

Ключевые слова: фразеология, фразеологические единицы, информационная структура, предикативность, эллипсис, паремийно-логический материал, глагол

Для цитирования: Иванов В. Б., Додыхудоева Л. Р. Информационная структура мазандеранской фразеологии в соотношении с персидским и таджикским материалом. *Родной язык. Лингвистический журнал*, 2025, 2: 87–114.

DOI: 10.37892/2313-5816-2025-2-87-114

1. Introduction

Mazanderan and the Mazanderani language

According to the most recent classification, the Mazanderani language and its dialects belong to the Central (formerly, North-western) subgroup of Iranian languages, and are spoken by about 2.5 million people living on the south-eastern coast of the Caspian Sea. Although Mazanderani is not an official, state-sanctioned written language, many Mazanderani texts have been published. They represent various genres: descriptive grammars of various dialects, works of Mazanderani writers and poets, dictionaries and collections of local folklore and proverbs. It is noteworthy that historical and literary texts in Mazanderani date back to the medieval period (for more details see: [Ivanov, Dodykhudoeva 2025; 2021; 2017]). Mazanderani speakers are for the most part bilingual, i.e., they speak Mazanderani and Persian as their native languages, and sometimes also local Turkic varieties.

This article examines Mazanderani along with some Persian and Tajik phraseology, particularly units that are verbless and thus based on ellipsis.

State of research in the field

In this article we focus on phraseology featuring “verb phrase ellipsis” (VP ellipsis or VPE), a type of grammatical omission whereby a verb phrase is left out but its meaning can still be reconstructed from the context [Skovorodnikov 1973].

This type of ellipsis is typically found in colloquial speech, and is characterized by constructions lacking a component in a syntactic position. Ellipsis is determined by the circumstances of the utterance and the presence of non-verbal means of communication (gestures with specific semantics). It is sometimes also caused by the structural organization of the text and is widely used in fiction as a stylistic figure that lends dynamism and enriches expressiveness. Ellipsis has a wide range of interpretations in the areas of speech comprehension and text linguistics [Bel’chikov 1990], which require further research in Iranian studies.

We give special attention to phraseological units that constitute utterances, defined as “any linear segment of speech that, in a given speech situation, performs a communicative function and, in this situation, is sufficient to report something” [Shvedova 1980 II: 84]. We regard (syntactically meaningful) phraseological units as constructions that act either as idioms (noun phrases) or as paroemias, such as proverbs and other proverbial sayings.

It is widely acknowledged that the concept of an utterance is closely linked to that of a sentence and its associated predicativity. According to Yakov Testelet, “the grammatical property of predicativity, which distinguishes sentences from other types of groups, is associated with the typical use of sentences as utterances, i. e., speech segments appropriate in a specific speech situation in which there is a speaker, addressee, subject, time, place, and purpose of the message” [Testelet 2001: 233].

Furthermore, it should be noted that there are classes of words that cannot form utterances. These are function words such as prepositions, conjunctions, clitics, preverbs, articles, etc. However, some of these, including particles, interjections, ono-

matopoeic words (ideophones), and words representing a whole sentence, can form utterances classified as undivided sentences.

Iranian phrase structure:

Persian, Tajik and Mazanderani

The verb plays an important role in all Iranian languages [Edel'man 2001a; 2001b; Veretennikov 1993]. Persian has basic SOV word order; however, this language permits scrambling. Most of the predicates in the language are complex predicates comprised of two parts, a verb and a nonverbal element. Their formation is productive and they comprise an ever-expanding segment of the verbal system. The class of simple verbs is mostly closed; there are about one hundred of them. Most of these verbs do not contribute to the core semantics of complex predicates, although they play a decisive role in determining the argument structure of the sentence.

There exists wide scholarship devoted to Persian phraseology, and recently attention has been paid to the description and classification of verbless sentences (cf. research into the phenomenon of the head and constituent ellipsis, widely discussed in Persian grammars [Ivanov 2019]). However, the case of phraseological ellipsis, considered one of the types of ellipsis (either lexical or syntactical), has not yet been fully researched. As we have encountered this phenomenon in our fieldwork, we examine here ellipsis in phraseological units, understood as the omission of a structurally necessary and semantically significant component of a word, phrase, or sentence. This is especially relevant to all Iranian languages and cultures, as at their core lies classical Persian literature, with its didactic sententious style and admonitions, including moralising idioms, maxims, proverbs and other figurative statements.

Although syntactic ellipsis has today been adequately considered in scholarly literature, an extensive volume of empirical material remains under-researched with regard to simplification processes in both written and spoken, syntactically significant, phraseological units having the status of a phrase (idiom) or especially a sentence (paroemia).

With this in mind, we study the ellipticality of meaning-relevant elements in the structure of phraseological units in modern Mazanderani. It is known that, through the worldview of the speaker, phraseological units serve to figuratively and emotionally evaluate objects and phenomena which already have designations in the language.

These paroemiological units are not created by the speaker, but are used as set models, reproduced with constant components and conventionalized meaning. In this sense, such units exist as a special database, accessible to representatives of the relevant linguacultural community. These units are significant in analyzing the linguacultural specifics of a particular community, reflect the value orientations of its speakers, their worldview and traditions. Proverbs of this kind are typically multifaceted. Moreover, the secondary meaning generally turns out to be an expansion of the primary meaning and tends to be more abstract in nature.

These units reinforce the multidisciplinary nature of our research into the specificity of Iranian linguacultural traditions (as represented by Mazanderanis and Gilakis, Persians and Tajiks) and the vocabulary and syntax of their languages. The resonance of phraseological units lies in their formal invariance within the dominant cultural context. Their cognitive and emotional impact on the speaker is supported by their structural and semantic components.

Among stable phraseological units, the most common are idioms with an initial (prepositional) ellipsis. There exist also frequent cases of medial ellipsis, implying the elimination of the article, as well as shortened forms of multi-component idioms. Thus, by transforming predicative constructions into semi-predicative or nominative ones, ellipsis can have the effect of altering the syntactic status of phraseological units. Consequently, it has a derivational significance in idiomatic phrases. This is evidenced, in particular, by the recent trend toward an occasional reduction in the number of words used in phraseological units, and the development of elliptical “clipped proverbs”, transformed into idioms which also have the potential to change the sense [Aleksandrova 2006: 120]. This trend can be illustrated

by a variety of Tajik examples, such as *xonai bačador – bozor*, *xonai be bača – mazor* ‘Home with children is a market-place, home without children is a cemetery’, which is usually in speech truncated to *xona bo bača...* or even *xona – bozor*.

The structures of proverbial verbless sentences in Tajik, even more clearly than in Persian, retain the stylization of folk expressions in combination with archaic vocabulary, imagery and admonitions, as in the expression *rešai duo – sabz* (lit. the root of prayer is green) meaning ‘an answered prayer leads to perfection’, which goes back to Sufi imagery, or in the widespread proverb *Avval pursiš, ba’d kušiš* ‘Ask first, act later’.

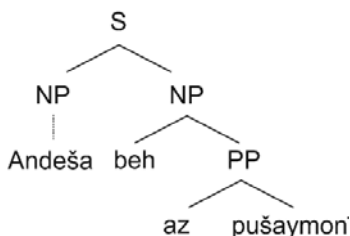
Some nominal parts of speech possess inherent predicativity and therefore do not combine with other predicative units, such as personal forms of the verb. The majority of bipartite phraseological units oppose the first judgment to the second. Within complex judgments, the components are most often connected asyndetically or with the enclitical conjunction *-o* ‘and’. In many polypredicative paroemias, the first clause contains a finite verb, and the subsequent clauses are elliptical sentences with an omitted verb. The copula is usually omitted in all clauses. A number of verbless sentences in paroemias are distinguished by an emphatic word order, with the attribute preceding its head. Most sayings, from the point of view of information structure, refer to situations as a whole and therefore arethetic sentences with a non-inherent topic and a given which is expressed in a preliminary context.

Such a situation can be seen in the Tajik proverb:

(Example 1)

Andeša	beh	az	pušaymoni
thought	better	than	remorse

‘Thought better than remorse.’
(Cf. English ‘Look before you leap’.)

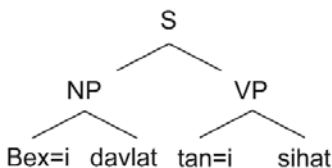
Ellipsis is distinguished from other types of null anaphora by a number of well-established criteria that define it as a surface anaphora (a term used by [Hankamer, Sag 1976]). Surface anaphoras have fully articulated syntactic structures, transformed at a later point through derivation [Ross 1967]. However, Merchant [2001] has argued that verb phrase ellipsis, along with sluicing, is derived just by non-pronunciation of the syntactic structure in phonetic form.

An example of this type of ellipsis can be seen in the following Tajik proverb. The copula after the last word is omitted:

(Example 2)

Bex=i	davlat	tan=i	sihat
root=IZ	happiness	body=IZ	health

‘A sound mind in a sound body.’

We base our hypothesis on Lazar Peysikov’s definition that phrases are grammatically formed units of language with a cohesive meaning that serve as the basis for constructing sentences [Peysikov 1959: 5]. In this perspective, a phrase is an extended form of designation, i. e., the nomination of some object or phenomenon. In some cases, a nominal group (noun phrase, NP) can be reduced to a single word.

We describe the most common types of verbless Mazanderani paroemias (proverbs, aphorisms and sayings), their syntactic and semantic structures and patterns of their functioning, with a view to demonstrating a brief figurative verbal expression of traditional values and views based on the life of Mazanderani people.

A sentence differs from a phrase in two essential features [Testelet 2001: 230]: by the presence of predicativity; and by the presence of information structure (division into theme and rheme, linking new information with already known information). The Mazanderani structural schema of a sentence is usually simplified to “noun – finite form of the verb”. In general, a Mazanderani sentence with the structure SOV (subject–object–verb) ends with a verb or a copula. However, there are sentences where no verb is used, and where *predicativity* may not be explicit even in writing. As Shvedova points out [Shvedova 1990: 395], the presence of the verb in the structural basis of the sentence is not necessary, and there are many types of sentences that are built just by means of nominal components (without a verb).

Structural analysis of phraseological units implies analysis of the syntactic units correlating with them, i. e., phrases and phraseological-unit sentences. These phraseological sentences differ from phraseological units of other types by the actual presence of predicativity.

In oral speech, *predicativity* is usually expressed just by intonation. To our knowledge, Mazanderani intonation has not yet been the subject of any specific research. However, in this paper, in connection with the aforementioned phraseology, we also draw on the results of studies of Mazanderani and Persian intonation currently in progress [Ivanov 2018a; 2018b]. Provisionally (judging by human ear) bilingual Mazanderani speakers use the same intonational constructions both for Mazanderani expressions and when interpreting these in Persian. Therefore, as a first approximation, we will apply the results of studies of Persian intonation.

If we treat intonation as a means of achieving predicativity, then predicativity remains the sole but sufficient feature that

distinguishes a sentence from both a phrase and a single word [Ladd 1996; Peysikov 1959: 208; Ivanov 2023a]. Generally, the division into *subject* and *predicate* components coincides with the division into *theme* and *rheme*. But there are cases where they diverge: the intonational expression of predicativity is based on the opposition of the intonational constructions of *incompleteness* and *completeness*. Incompleteness in the Mazanderani language is signaled by a significant rise in tone of the final syllable of the subject group and a noticeable pause before the predicate group.

2. Structures of Mazanderani paroemias

We examine verbless Mazanderani phraseology, with the emphasis on:

- a) omission of zero link-verbs and
- b) ellipsis structures [Ivanov 2022].

In this way the language of proverbs tends to be more economical: a thought is expressed in fewer words than in regular discourse, and omission of the verb heightens the style of statements, distancing them from everyday colloquial speech.

Elliptical and zero copula sentences are often found in paroemias. To source Mazanderani paroemias we have drawn on a number of works [Yazdānpanāh-e Lamuki 1997; Rahimyān 2004; Ansari 2011]. The most informative of these was [Ansari 2011], because in addition to giving a literary translation of Mazanderani paroemias into Persian, the author also provides a literal translation. Much of the material from this source was also voiced by our language consultant, which greatly facilitated the syntactic analysis of examples, making it possible, namely:

- a) to distinguish the unstressed ezafe *-e* (*-ə*) from the same stressed vowel in the absolute final of a word;
- b) to distinguish the unstressed copula *-e* (*-a*) 'is' from the same stressed vowel in the absolute final of a word;
- c) to distinguish the unstressed conjunction *-o* (*-ā*) 'and' from the same stressed vowel in the absolute final of a word;

- d) by pauses, to detect the differences between phrases and simple sentences in the composition of compound sentences, as well as to identify the boundaries between the components of the subject and predicate, theme and rheme.

In general, the scripts used by the source authors [Yazdān-panāh-e Lamuki 1997; Rahimyān 2004; Ansari 2011], whether Latin or Arabic-Persian, did not allow us in writing to make the kind of distinctions listed in (a) to (d).

The intonational expression of predication in Mazanderani

The intonational expression of predication in Mazanderani can be observed in both verb and verbless phrases. The Mazanderani phrase differs from the Russian one by a more marked variation in tone. The stress in nominal parts of speech falls on the final syllable, which is emphasized by a higher F_0 (fundamental frequency) [Ivanov 2014: 105; 2018a: 54].

Consider the example of a Mazanderani two-part sentence with a verb:

(Example 3)

Me	bār	<u>sabok</u>	<u>bay-ye</u>
My	burden	light	become.ind.PST=3sg

‘I felt better’

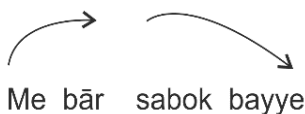

Fig. 1. Phrasal intonation in the simple sentence *Me bār sabok bayye* ‘I felt better’

In example (3), the division into subject and predicate components coincides with the division into theme and rheme (underlined). Syntactic structure and information structure do not always coincide in this way. The cases where they diverge will be highlighted in further examples.

The intonational expression of predication is based on the opposition of the intonational constructions of incompleteness and completeness (for more on this topic, see [Bryzgunova 1969]). The same intonational constructions of incompleteness in the Mazanderani language consist of a significant rise in tone (major third – perfect fourth) on the final syllable of the subject group and in a noticeable pause before the predicate group (Fig. 1). In Arabic-Persian script this pause may be indicated by a comma, and in some cases by a colon, although these punctuation marks are often omitted. In cases where no punctuation was visible in writing, our native-speaker/consultant pronounced the relevant phrase, after having intuitively performed a syntactic analysis. In some cases, his first attempt was unsuccessful, and then after a pause, he pronounced the corrected version.

Phraseological units

A significant number of verbless sentences exist in the form of interrogative phrases, as in the Tajik example:

(Example 4):

Az	po=i	lang	čī	sayr	va
from	foot=IZ	lame	what	stride	and

az	dast=i	gurusna	čī	xayr?
from	hand=IZ	hungry	what	good?

‘What stride can you get from a lame foot and what use can you get from a hungry man?’

(Cf. English ‘A hungry belly has no ears’)

Without further details (see, for instance, [Ivanov 1995]), we note that intonational predication is also expressed in such cases, and that in two-part sentences the intonational construction of incompleteness is retained.

We have seen that an affirmative declarative sentence with the SOV structure is formed by an intonational construction of completion, characterized by a smooth drop in tone towards the end of the sentence (i. e., its predicate; Fig. 1). So, in the same way,

verbless sentences are formed through intonation, except that in those cases the tone falls not on the verb, but, as a rule, on the nominal parts of speech, which are in the final position.

The concept of “predication” is not usually applied in any of the grammars of Iranian languages or dialects known to us, including the Mazanderani language. In these grammars, a sentence is defined in two aspects: semantic and structural. See for instance: “In the Mazanderani dialect of the city of Sari, a sentence consists of a theme and a rheme (subject and predicate), e. g., *Hosayn šune*¹ ‘Hussain is coming’” [Shokri 1995: 134].

There exist a number of lexemes in various Iranian languages which, for various reasons, cannot be combined with a verb, including a copula.

Such words include the one-word sentences *ba:le* ‘yes’, *no* ‘no’; interjections such as *ay!*, *āy!* ‘hey!, oh!’, *in-am* ‘here’ [BPRSJ]², and some others, notably the predicative word *kū?* ‘where?’. The presence of predication in the interrogative word *kū?* means that it can be combined only with a so-called zero copula (i. e., used without a verb), thus excluding ordinary verbs and copulas.

(Example 5)

<u>Ande</u>	<u>čerā</u>	<u>hā kerd-i</u>	pas	<u>kū</u>	Te	dembe?
so	much	grazing[you did.IND.PST-2SG]	so	where	You	fat_tail?

‘(You) grazed so much, so where is your fat tail’

(Cf. English “However hard you try, you’re flogging a dead horse”)

In the compound sentence (example 5), the first clause contains a verb, but in the second, because of the predicative word *kū?* ‘where?’, there is no verb.

¹ Since in Mazanderani the stress generally falls on the last syllable of a word, the stressed vowel is highlighted in bold in cases where this is not the case, as in the example above and in those given below.

² Cf. also Tajik *ana*, *mana* ‘here it is, that’s it’.

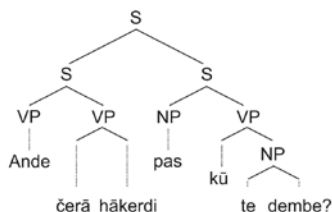

Fig. 2. Syntactic tree diagram of Example 5

(Example 6)

<u>In-am</u>	naz=e	šass=e	essā	<u>in-am</u>
here=also	caress=IZ	finger=IZ	teacher	here=also

mezz=e	dass-e	essā
payment=IZ	hand=IZ	teacher

‘Here the caress of the teacher’s (big) finger, here the payment of the teacher’s hand’.

This phrase is used in the sense that “one does harm, and another bears the blame”, i. e. “to be wrongfully accused”, *cf.* English “One law for the rich and another for the poor”.

There are no verbs in the compound sentence (example 6) because they cannot be combined with the predicative subordinating conjunctions *in-am* ‘here’, which form the rheme. The data providing information about the situation lies outside the sentence.

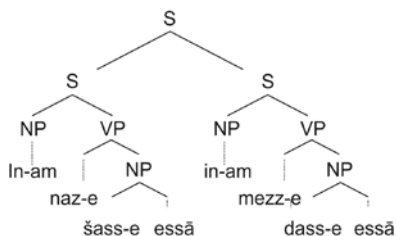

Fig. 3. Syntactic tree diagram of Example 6

This example corresponds to Persian

<u>In-am</u>	nāz=e	šast=e	ostād,
here=also	caress=IZ	finger=IZ	teacher

<u>in-ham</u>	<u>mozd</u> =e	dast=e	ostād
here=also	payment=IZ	hand=IZ	teacher

‘Here the caress of the teacher’s big finger, here the payment of the teacher’s hand.’

Cf. this sentence in Persian, close in sense but with a full sentence structure (including verbs), in Firdowsi’s “Šahnāme”:

Bedānsān-ke šāhān navāzeš konand, bedān bandegān-niz navāzeš konand.

‘Know that the rulers make kindness, know (they) make kindness (that) subjects (are yet to feel)’.

What is important for Iranian languages is that sentences with zero copula should be distinguished from so-called elliptical (incomplete, truncated) sentences, in which a verb could be included, but is actually omitted. “There may be various reasons for such a contraction, called an ellipsis. For example, part of the message can be omitted when it is clear to the speaker and hearer, due to their existing knowledge of the situation” [Testellets 2001: 253–254].

Between these two types of verbless sentences, it is hard to draw a clear boundary; the two sets overlap. In cases where the verbless sentence consists of several words, the question arises which word is the main one, which is the dependent one, and what is the hierarchy of these words.

Figure 4 shows the syntactic tree diagram corresponding to example (7).

(Example 7)

Ārd	<u>hame</u>	jā	nun	jā	<u>be</u>	jā
flour	all	place	bread	place	to	place

‘Flour everywhere, (but) bread here and there, i. e. to bake bread, you need to work.’

(Cf. English “No pain, no gain”)

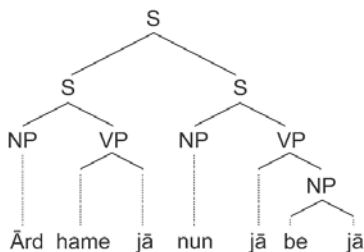
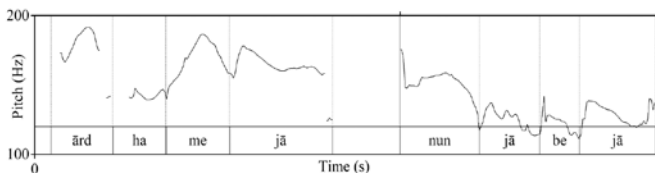

Fig. 4. Syntactic tree diagram of Example 7

Fig. 4 shows that the entire statement consists of two simple sentences (S). Each sentence consists of a noun phrase (NP) and a verb phrase (VP), in other words, the composition of the subject and predicate. The verbal groups in the example are rhemes. Here and in further examples, rhemes are underlined. Although copulas are omitted in these verbal groups, they could, in principle, be included, i. e., here we are dealing with an elliptical sentence.

We also give a Mazanderani example of intonation in example (7) ‘Flour everywhere, bread here and there’ – with a significant rise in tone of the final syllable of the subject group <ārd> and <nun> and a noticeable pause before the predicate group <hame jā> and <jā be jā>:

In written Persian this pause may be indicated by a comma or a colon. In cases where no punctuation was visible in writing, our language consultant pronounced the relevant phrase, based on his intuitive syntactic analysis. In some other cases, he made

several attempts or hesitated before he pronounced the correct version.

Thus, ellipsis helps to enhance the effect of imagery when encoding cognitive and expressive information and serves to eliminate redundancy in the verbal representation of meaning, specifically by elimination of the verb.

Example (7) is based on a very common model, whereby the first part of a statement is contrasted with the second. There are several logical variants within this model. Examples (7) and (8) demonstrate logical multiplication or conjunction, represented as $a \wedge b$, i. e., they are complex logical expressions, which are considered true if, and only if, both parts of the expression are true; in all other cases, the complex expression would be false. Hereinafter, the notation of formal logic, and its interpretation, are based on the work of [Pleskunov 2014: 41].

(Example 8)

Ādem	<u>jenn</u> =o	jeme	<u>pari</u>
man	jinn=and	clothes	peri

‘The man is a jinn, but by clothes is (like) a peri’

(Cf. English “A wolf in sheep’s clothing”, “Don’t judge a book by its cover”)

This model may have become established in the Persian and Mazanderani languages under the influence of Arabic, where the same model is present. In compound sentences, the components can be linked either with the help of the conjunction -o (-ā) ‘and’ (as in example (8)) or without a conjunction (as in example (7)). As a rule, in these cases the coordinating conjunction -o (-ā) ‘and’ is translated into English by the adversative conjunction ‘but’, less often by ‘while’.

As regards the information structure in example (8), the division into theme and rheme does not coincide with the division into given information and new information. Since example (8) is a compound sentence, it has two themes and two rhemes (underlined). It is a statement about someone who was mentioned

earlier, i. e., it is completely new, but the given information is outside the statement, previously stated in a preliminary context.

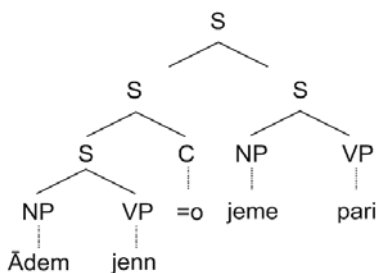

Fig. 5. Syntactic tree diagram of the verbless sentence in Example 8

Although, as an enclitic, the conjunction *-o* (*-ā*) ‘and’ adjoins the last word of the first proposition, it connects not only that word to those that follow, but the propositions as a whole to each other (as shown in Figure 5).

(Example 9)

<u>Āš</u>	<u>kele=sari</u>	<u>zan</u>	<u>nūmzebāzi</u>
soup	stove=on	woman	marriage_proposal

‘Soup on the stove, a woman (reaches) the marriageable age’
(Cf. English “Time and tide wait for no man” or “Procrastination is the thief of time”).

Example (9) is a *thetic* sentence (communicatively undivided). So, in colloquial speech, only its first part can be used: *Āš kele-sari...* ‘Soup on the stove...’

It is a judgement about a situation which has been defined in a prior context. In terms of their information structure, sentences like these usually consist entirely of a *rheme*, i. e., they are *thetic* sentences or sentences with a non-inherent theme [Testelet 2001: 447–448].

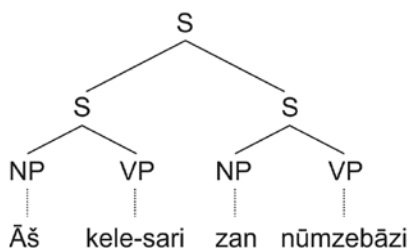

Fig. 6. Syntactic tree diagram of the verbless sentence in Example 9

New information coincides with the rheme; although given information is omitted, it can be clearly deduced from the context or situation. Although paroemias often consist in a fully polypredicative model of opposition containing a judgement expressed in the components of a sentence, a truncated model is also common, whereby the contrasted components are reduced to a phrase or even to a single word.

(Example 10)

<u>Āš=ā</u>	<u>Assyubūni</u>
bear=and	flour_milling

‘A bear and flour milling’ (meaning “one thing has nothing to do with another”, cf. English “Like chalk and cheese”)

In the simple sentence (10) the opposing judgements are expressed by nouns linked by the enclitic conjunction *-ā* ‘and’. This phrase constitutes a *thetic* sentence. It answers the question: What is happening? What is going on? Here the given information and the theme are not expressed; they are clear from the prior context.

Example (10) is a minimal adversative construction where each of the antithetical components does not exceed one word. In formal logic, it corresponds to the XOR gate (strict disjunction, excluding the possibility of “or”). This is represented as $a \wedge b$, i. e., $a \wedge b$ is true when either a or b is true, but both cannot be true at the same time.

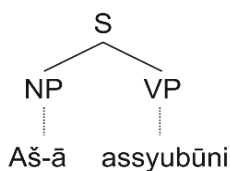

Fig. 7. Syntactic tree diagram of the verbless sentence in Example 10

3. Gilaki, Persian and Tajik phraseology with a similar structure

Paroemiological data (Persian *zarbolmasal-o goftehā*, Tajik *zarbolmasal-u maqol* ‘proverbs and sayings’) with a similar logical structure are widely known and used in both Persian and Tajik. Thus, in Persian we find this proverb:

(Example 11)

xāna=ye	xers	(=o	bādiye=ye	mes)
house=IZ	bear	(=and	cup=IZ	copper)

‘In the bear’s house, but a copper cup’ (*mes* ‘large copper cup for wine’)

This is used to denote an impossible situation, the manifestation of something contrary to expectations, or of things that are not related to each other. In colloquial speech a truncated part of the expression is widely used metaphorically: *xāna-yi xirs* ... ‘a bear-house’; it is even documented in the early vocabulary of Steingass [1892] with the metaphorical meaning: ‘appearance of a thing where it is not expected’. A similar proverb is known in Gilaki:

(Example 12)

xars	xane=yu	āb	angur?
bear	house=and	water	grape

‘In the bear’s house and grape juice?’

Here also the expression is understood as the juxtaposing of two incompatible things [Marashi 2003: 556]. Cf. *Kurdish hirç û govend, şivan û dîwan, file û pez, kurmanç û gameş* ‘bear and round dance, shepherd and power...’. In Tajik, we also find a closely related saying usually applied when denoting the worthlessness of something or somebody:

(Example 13a)

az	xirs	mū=e...
from	bear	hair=ART

‘From a bear – (at least) a strand of fur.’

In its full form it reads (Example 13b):

az	xirs	mū=e	az	gul	bū=e
from	bear	hair=ART	from	flower	smell=ART

‘From a bear – a strand of fur, from a flower – a fragrance.’

There is a variant with a similar sense that even has three simple phrases in a single unit (Example 13c):

az	gurgxurda	pūst	az	gul	bū=e,
from	wolf_eaten	skin	from	flower	smell=ART

az	xirs	mū=e
from	bear	hair=ART

‘From a (sheep) eaten by a wolf – a skin, from a flower – a fragrance, from a bear – fur/hair.’

In a colloquial Tajik situation only the last part of the saying is regularly used [Dodykhudoeva, Vinogradova, forthcoming]. Another notable example comes from the Ramsar region of Iran [Rahimiyan 2004: 51]:

(Example 14a):

on	te	sag	kuta
he	your	dog	puppy

‘He is your dog’s puppy’, i. e., he looks like your dog.

Cf. the Tajik expression with the similar sense *bača či guna – oča namuna* ‘what the child (looks like) – (alike) his mother’ [Fozylov 1963: 84] or (*čun*) *yak sebi dukafon* ‘two halves of one apple’ [Fozylov 1964: 417], Rus. *kak dve poloviny odnogo yabloka* ‘like two halves of one apple’, *kak dve kapli vody* ‘like two drops of water’.

The following Persian equivalent contains a copula omitted in Ramsari:

(Example 14b):

u	tule=ye	sag=e	to=st
he	puppy=IZ	dog=IZ	you=COP.3SG

‘He is your dog’s puppy’, i. e., he looks like your dog.’

This is equivalent to the English “The apple never falls far from the tree.”

This is a further original example from Ramsar:

(Example 15a):

“anār”	baxt	“oʻyoz”	tāla
pomegranate	chance	nut	fate

‘A pomegranate (is a sign of good luck) chance, (and/but) a nut (is the sign) of (predestined) fate.’

However, in [Rahimiyān 2004: 50] we find Ramsari:

(Example 15b):

“anār”	baxt=ə	“oʻyoz”	tāla
pomegranate	chance=?	nut	fate

‘A pomegranate (is a sign of good luck) chance, (and/but) a nut (is the sign) of (predestined) fate.’

The =ə in the written text should be pronounced and treated as either an article or a copula (3Sg.), or can even be understood as a coordinating conjunction.

The Persian explanation is given with a copula in the first clause:

(Example 15c):

“anār”	nešāne=ye	šāns=ast,	gerdu	nešāne=ye	sarnevešt
pomegranate	sign=IZ	chance=3SG	nut	sign=IZ	fate

‘A pomegranate (is a sign of good luck) chance, (and/but) a nut (is the sign) of (predestined) fate.’

These examples suggest a type of fortune-telling, predicting good or bad luck, with interpretation (*ta‘bir*) of what is in one’s mind or seen in a dream.

Specific features of Tajik *ana* and *mana*

A further noteworthy, under-researched paroemiological case can be found in Tajik data with the pronoun/particle *ana* ‘here it is, here!’, and also *mana* ‘here it is, that’s it!’ which have their own “built-in” predicativity. On this basis there exist several proverbial sayings, such as:

(Example 16a):

Ana	gap=u	mana	gap!
here	talk=and	here	Talk

‘Would you believe it!’

(Example 16b):

Ana	xalos!
here	Release

‘What a surprise!’

Both expressions can be used metaphorically in the sense: ‘That’s all! That’s all there is to it!’

4. Conclusion

We have observed that ellipsis is the process of simplifying the surface structure of a sentence without affecting its underlying essence (as in the Chomskyan perspective). Since the basis of ellipsis is the tendency towards optimisation of linguistic resources, it is widely used in idioms and proverbs.

In phraseological units, ellipsis becomes significant when omitting function words bearing limited semantic weight – auxiliaries, articles, and communicatively unloaded pronouns – and when replacing nouns with their adjectival or numerative substitutes. Such transformations often lead to changes in the syntactic status of phraseological units, converting predicative units (paroemias) into nominative ones (idioms). In proverbs and sayings, ellipsis acquires a systemic character, since its scope encompasses most fundamental, structurally significant components of the sentence – the subject and predicate, which can be regularly omitted within all positionally defined ellipsis patterns.

Thus, the process of simplifying the surface structure of a sentence without affecting its essence explains why we have no problem in decoding omitted elements of phraseological units; meaning-relevant words remain outside the scope of elimination, as they are not subject to abbreviation, and the fixed word order keeps the phraseological unit within the systemically defined parameters of the sentence. The proposed structural-semantic analysis of Mazanderani and the phraseological units of other Iranian languages allow us to include the presence of such a syntactic phenomenon as ellipsis in the scope of the linguistic data.

The structures of verbless sentences forming Mazanderani paroemias are characterized by distinctive features: a) zero copula and b) ellipsis, as well as by the presence of predicative words having predicative status (*kū?* ‘where?’, *in-am* ‘here’).

In this way the language of such sentences becomes more economical and more concise. The idea is expressed in fewer words than in everyday speech. The elimination of the verb enhances the style of statements, giving them extra weight. The

deviation of the style of paroemias leads the interlocutor to listen more attentively to the speaker, thus making the speaker's statement more persuasive.

In polypredicative paroemias, the first simple sentence is complete, with a predicate expressed in the personal form of the verb, while the second and subsequent sentences (or clauses) are elliptical with a truncated verb.

In terms of their information structure, most sayings refer to situations as a whole and are therefore *thetic* sentences with a non-inherent theme and data, which were previously expressed in a preliminary context.

References

Aleksandrova 2006 — Aleksandrova V. G. Ellipsis v strukture frazeologicheskikh edinit sovremennogo angliyskogo yazyka [Ellipsis in the structure of phraseological units of the modern English language]. *Kul'tura narodov Prichernomor'ya*. 2006, 76: 119–122. (In Russ.)

Ansari 2011 — Ansari M. *Farhang-e zarb-ol-masalhā-ye mā-zandarāni* [Dictionary of Mazanderani phraseology]. Sāri, Enteshārāt-e Šāfin, 2011 (1390). (In Pers.)

BPRS — *Bol'shoj persidsko-russkiy slovar'* [Complete Persian-Russian Dictionary]. Comp. V. B. Ivanov. Vol. I–III. Moskva, 2020–2024. (In Russ.)

Bryzgunova 1969 — Bryzgunova Ye. A. *Zvuki i intonatsiya russkoy rechi. Lingafonnyy kurs dlya inostrantsev* [Russian sounds and intonation. A linguaphonic course for foreigners]. Moskva, 1969. (In Russ.)

Bel'chikov 1990 — Bel'chikov Yu. A. Ellipsis [Ellipsis]. *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'*. Yartseva V. N. (gl. red.). Moskva, 1990.

Dodykhudoeva, Vinogradova (forthcoming) — Dodykhudoeva L. R., Vinogradova S. P. K kharakteristike obraza medvedya v fol'klornoy i literaturnoy traditsiyakh iranskogo lingvokul'turnogo areala [On the characterization of the image of the bear in the folklore and literary traditions of the Iranian

linguocultural area. *Traditsionnye rechevye praktiki* (po materialam Lingvisticheskogo Forum-a-2022). (In Russ.)

Edel'man 2001a — Edel'man D. I. Voprosy sravnitel'no-istoricheskogo sintaksisa iranskikh yazykov [Issues of Comparative-Historical Syntax of Iranian Languages]. *Issledovaniya po iranskoy filologii*. Vyp. 3. Moskva, 2001, 150–170. (In Russ.)

Edel'man 2001b — Edel'man D. I. K rekonstruktsii prairanskogo predlozheniya [On the Reconstruction of a Proto-Iranian Sentence]. *Yazyk i kul'tura. K 70-letiyu YU. S. Stepanova*. Moskva, 2001, 137–145. (In Russ.)

Fozylov 1963, 1964 — Fozylov M. *Farhangi iborahoi rextai hozirai tojik (farhangi frazologī)*. 1. Dushanbe, 1963. 2. Dushanbe, 1964. (In Taj.)

Hankamer, Sag 1976 — Hankamer J., Sag I. A. Deep and surface anaphora. *Linguistic Inquiry* 1976, 7: 391–426.

Ivanov 1995 — Ivanov V. B. Granitsy slova i inkapsulyatsiya v persidskom, tadzhiskom i dari [Word boundaries and encapsulation in Persian, Tajik and Dari]. *Voprosy yazykoznaniya*, 1995, 3:107–117, Moskva. (In Russ.)

Ivanov 2014 — Ivanov V. B. Mazanderanskaya prosodiya [Mazanderani prosody]. *Lomonosovskie chteniya. Vostokovedenie: tezisy dokladov nauchnoy konferentsii* (Moskva, 14 aprelya, 2014 g.). Red. I. I. Abylgaziev, M. S. Meyer. Moskva, 2014. (In Russ.)

Ivanov 2018a — Ivanov V. Navā-ye goftār dar zabān-e māzanderāni [Types of speech in Mazanderani]. *Pažuhešhā-yi dar bāre-ye kerānehā-ye janubi-ye daryā-ye Kāspiye*. Tehrān, Mirmāh, 2018 (1397). (In Pers.)

Ivanov 2018b — Ivanov V. Navā-ye goftār dar zabān-e gilaki [Types of speech in Gilaki]. *Pažuhešhā-yi dar bāre-ye kerānehā-ye janubi-ye daryā-ye Kāspiye*. Tehrān, Mirmāh, 2018 (1397), 59–62. (In Pers.)

Ivanov 2019 — Ivanov V. B. *Ocherk teorii persidskogo yazyka* [A sketch of a theory of the Persian language]. Vol. 1. Moskva, 2019. (In Russ.)

Ivanov 2022 — Ivanov V. B. Bezglagol'nye predlozheniya v mazanderanskikh paremiyakh [Verbless sentences in Mazan-

derani paroemias]. *Armyanskiy gumanitarnyy vestnik*, 2022, 8: 100–112 (In Russ.)

Ivanov 2023a — Ivanov V. B. Bezglagol'nye predikativnye struktury v persidskikh paremiyakh [Verbless predicative structures in Persian paroemias]. *Voprosy yazykoznaniya*, 2023, 5: 117–132. (In Russ.)

Ivanov 2023b — Ivanov V. B. Intonatsiya nezavershonnosti v iranskikh yazykakh [Intonation of incompleteness in Iranian languages]. *Lomonosovskie chteniya. Vostokovedenie i afrikanistika (Moskva, 4–7 aprelya 2023 g.)*, Moskva, 2023, 179–181. (In Russ.)

Ivanov, Dodykhudoeva 2017 — Ivanov V. B., Dodykhudoeva L. R. Sintaksicheskie otnosheniya imon v severo-zapadnykh iranskikh yazykakh (na mazanderanskom i gilyakskom materiale) [Syntactic Relations of Names in Northwestern Iranian Languages (Based on Mazanderani and Gilaki data)]. *Voprosy yazykoznaniya*, 2017, 2: 77–95. (In Russ.)

Ivanov, Dodykhudoeva 2021 — Ivanov V. B., Dodykhudoeva L. R. Vižegihā-ye zabānšenāsi-o farhangi-ye gilaki o māzandarāni [Linguistic and cultural features of the Gilaki and Mazanderani languages]. *Pažuhešhā-yi dar bāre-ye kerānehāye janubi-ye daryā-ye Kāspiyen*. (Studies of the coastal area of the Caspian Sea). Vol. 4. Tehran, 2021. (In Pers.)

Ivanov, Dodykhudoeva 2023 — Ivanov V. B., Dodykhudoeva L. R. Information Structure of Phraseology in Mazanderani. *ECIS 10. Conference Abstracts*. Individual Presenters & Panels. Leiden University, Leiden 21–25 August 2023. Leiden, 2023, 79.

Ivanov, Dodykhudoeva 2025 — Ivanov V. B., Dodykhudoeva L. R. Sotsiolingvisticheskiye osobennosti Prikaspiyskogo Regiona: na materiale gilyakskogo i mazanderanskogo yazykov I [Sociolinguistic features of the Caspian Region: a study based on the Gilaki and Mazanderani languages]. *Sociolingvistika*, 2025, 2 (22): 24–61. (In Russ.)

Ladd 1996 — Ladd R. *Intonational phonology*. Cambridge, 1996.

Marashi 2003 — Marashi Ah. *Vāzhenāme-ye Guyeshe Gilaki be Enzemame Estelāhāt va zarbolmasalhāye Gilaki* [Dictionary of the Gilaki Dialect with Addition of Gilaki Proverbs and Sayings]. Rasht, 2003. (In Pers./Gilaki)

Merchant 2001 — Merchant J. *The syntax of silence: Sluicing, islands, and the theory of ellipsis*. Oxford, 2001.

Peysikov 1959 — Peysikov L. S. *Voprosy sintaksisa persidskogo yazyka* [Issues in Persian syntax]. Moskva, 1959. (In Russ.)

Pleskunov 2014 — Pleskunov M. A. *Osnovy formal'noy logiki* [Fundamentals of formal logic]. Yekaterinburg, 2014. (In Russ.)

Rahimiyān 2004 — Rahimiyān H. *Farhang-e zabānzadhā-ye Rāmsar (saxtsar)* [Dictionary of vernaculars of Ramsar]. Tehrān, Entešārāt-e Mo'in-Parvin, 2004 (1383). (In Pers.)

Ross 1967 — Ross J. R. *Constraints on variables in syntax*. Ph. D. Dissertation, Massachusetts Institute of Technology. 1967.

Shokri 1995 — Shokri G. *Guyeš-e Sāri (māzandarāni)* [Sari dialect (Mazanderani)]. Tehrān, Pažuhešgāh-e 'olum-e ensāni va motāle'āt-efarhangī, 1995 (1374). (In Pers.)

Skovorodnikov 1973 — Skovorodnikov A. P. O kriterii elliptichnosti v russkom sintaksise [On the Criterion of Ellipticity in Russian Syntax]. *Voprosy yazykoznaniya*, 1973, 3. (In Russ.)

Shvedova 1980 — Shvedova N. YU. (ed.) *Russkaya grammatika*. T. II. *Sintaksis* [Russian grammar. II. Syntax]. Moskva, 1980. (In Russ.)

Shvedova 1990 — Shvedova N. YU. Predlozhenie [Sentence]. Yartseva V. N. (ed.). *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'*. Moskva, 1990. (In Russ.)

Steingass 1892 — Steingass F. J. *A Comprehensive Persian-English dictionary, including the Arabic words and phrases to be met with in Persian literature*. London, 1892.

Testeleets 2001 — Testeleets Ya. G. *Vvedenie v obshchiy sintaksis* [Introduction to general syntax]. Moskva, 2001. (In Russ.)

Veretennikov 1993 — Veretennikov A. A. *Ocherki glagol'noi frazeologii persidskogo yazyka* [Outlines of Persian verbal phraseology]. Moskva, 1993. (In Russ.)

Yazdānpanāh-e Lamuki 1997 — Yazdānpanāh-e Lamuki T. *Farhang-e masalhā-ye māzandarāni* [Dictionary of Mazanderani phraseology]. Tehrān, Entešārāt-e Farzin, 1997 (1376). (In Pers.)

Арийская заимствованная лексика языка бурушаски в свете недавних этимологических исследований

Антон Ильич Коган

Институт востоковедения РАН

Москва, Россия

kogan_anton@yahoo.com

В статье сжато излагаются результаты этимологических исследований арийской заимствованной лексики в языке бурушаски, проведенных автором в течение нескольких последних лет. Согласно этим результатам, весьма значительная часть арийских элементов не может быть выведена ни из одного традиционно выделяемого языка-донора (шина, кховар, урду, персидского, восточноиранских языков Памира). Усвоение подобного рода лексем следует датировать эпохой, предшествующей распаду протобурушаскского состояния и расхождению ясинского диалекта и собственно бурушаски. Показано также, что общebuрушаскский сегмент арийского лексического пласта не является этимологически однородным. В нем следует выделять как минимум два самостоятельных слоя, каждый из которых обладает своими историко-фонетическими особенностями. Историческая фонетика одного из этих слоев характеризуется большей архаичностью, другого — более инновационна.

Автор выдвигает гипотезу о том, что источником заимствований с инновационной фонетикой мог быть арийский (вероятнее всего, дардский) идиом, распространенный на территории нынешнего Ладакха до завоевания её тибетцами в VIII в. н. э. На такую возможность указывает, в частности, тот факт, что целый ряд слов арийского происхождения является общим для бурушаски и северо-западных тибетских диалектов.

Ключевые слова: язык бурушаски, арийские языки, дардские языки, тибетские диалекты, языковые контакты, лексические заимствования, этимология

Для цитирования: Коган А. И. Арийская заимствованная лексика языка бурушаски в свете недавних этимологических исследований *Родной язык. Лингвистический журнал*, 2025, 2: 115–131.

DOI: 10.37892/2313-5816-2025-2-115-131

Aryan borrowings in Burushaski in light of recent etymological research

Anton Ilyich Kogan

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences

Moscow, Russia

kogan_anton@yahoo.com

The present article summarizes etymological research on Aryan borrowings in the Burushaski language, conducted by the author over the last several years. According to this research, a very large part of Aryan elements cannot be derived from any of the traditionally identified donor languages (i. e. Shina, Khowar, Urdu, Persian and East Iranian Pamir languages). The borrowing of such lexemes must date back to the period before the split of the Proto-Burushaski state and the divergence of the Yasin dialect and Burushaski proper. It is also demonstrated that this “pan-Burushaski” segment of the Aryan lexical stratum is not etymologically homogeneous. At least two different layers should be distinguished, each possessing its own historical-phonological peculiarities. The historical phonology of one of these layers features greater archaism, whereas that of the other is more innovative. The author hypothesizes that the source of loanwords with innovative phonology may have been an Aryan (most probably, Dardic) dialect spoken in the present-day Ladakh before this area was conquered by Tibetans in the 8th century CE. Such a possibility is supported, *inter alia*, by the fact that quite a number of Aryan words are common for Burushaski and northwestern Tibetan dialects.

Keywords: Burushaski language, Aryan languages, Dardic languages, Tibetan dialects, language contact, lexical borrowing, etymology

For citation: Kogan A. I. Aryan loan vocabulary in Burushaski in light of recent etymological research. *Rodnoy yazyk. Linguistic Journal*, 2025, 2: 115–131.

DOI: 10.37892/2313-5816-2025-2-115-131

Введение

Язык бурушаски в течение многих столетий тесно взаимодействовал и продолжает взаимодействовать с целым рядом языков арийской ветви индоевропейской семьи. Область его распространения почти полностью окружена ареалами бытования дардских и восточноиранских идиомов¹. Кроме того, некоторые индоиранские языки использовались и используются буришками в качестве официальных и литературных. Естественным следствием подобного положения вещей стало наличие в словарном составе бурушаски многочисленных арийских заимствований, усвоенных из разных источников². Среди этих источников исследователи обычно выделяют классический персидский (официальный и литературный язык региона в средние века и позднее вплоть до начала XX в.), урду (официальный и литературный язык региона в настоящее время), восточноиранские (ваханский, ишкашимский) и дардские (шина, кховар) языки. Последние два идиома, как принято считать, оказали на лексику бурушаски наиболее сильное влияние.

Хотя источники арийских заимствований часто сводят к упомянутому четырем, есть серьезные основания полагать, что приведенный выше список не является исчерпывающим. Уже в 40-е годы XX в. Георг Моргенштерне показал

¹ Лишь на юго-востоке непосредственным соседом бурушаски являются не арийские языки, а тибетские диалекты.

² При этом представляется несомненным, что контакты арийских языков и бурушаски имели результатом не одностороннее воздействие первых на последний, а взаимовлияние. Для целого ряда индоиранских языков (в частности, для восточноиранских языков Памира) предполагается наличие бурушаскского субстрата. В отечественной науке наиболее выдающийся вклад в изучение данной проблемы внесла Д. И. Эдельман. См., например, её работу [Эдельман 1980]. Интересные аспекты взаимодействия бурушаски и ваханского языков исследовались И. М. Стеблин-Каменским [Стеблин-Каменский 1979]. О влиянии бурушаски на диалекты дардского языка шина см. ниже.

возможное наличие в бурушаски санскритских лексических элементов [Morgenstierne 1945]³. Факт их усвоения не удивителен, если принять во внимание, что в доисламскую эпоху в рассматриваемом ареале вероятнее всего был распространён буддизм⁴. В указанной статье Моргенстьерне приводит также два заимствования из арийского источника с весьма архаичной фонологией:

- 1) *-faltas* ‘ломать’ [Morgenstierne 1945: 93], ср. др.-инд. *sphaṭati* ‘разрывается’, *sphāṭayati* ‘раскалывается’, др.-в.-нем. *spaltan*, нем. *spalten* ‘раскалывать’ < и.-е. **(s)p(h)el-t* [Rix et al. 2001: 577; Pokorny 1959: 985–987];
- 2) *phaltočij* ‘обмотки для ног’ [Morgenstierne 1945: 93], ср. др.-инд. *paṭṭa-* ‘ткань, повязка’, хинди-урду *paṭṭī* ‘полоска ткани, лента, обмотка’ (> англ. *puttee* ‘обмотка’), ст.-

³ Нельзя исключить также присутствие заимствований из некоего раннего среднеиндийского источника. К таковым, возможно, относятся названия дней недели в бурушаски: *čandūra* ‘понедельник’ (ср. др.-инд. *candravāra-* то же), *aṇāro* ‘вторник’ (ср. др.-инд. *aṅgāraka-* ‘Марс’, синдхи *aṇāro* ‘вторник’), *bódo* ‘среда’ (ср. др.-инд. *budha-* ‘Меркурий’, *baudha-*, *budhavāra-* ‘среда’), *biréspat* ‘четверг’ (ср. др.-инд. *br̥haspati-* ‘имя божества, планета Юпитер’, *br̥haspativāra-* ‘четверг’), *śúkuro* ‘пятница’ (ср. др.-инд. *śukra-* ‘Венера’, *śukravāra-* ‘пятница’), *śimśér* ‘суббота’ (ср. др.-инд. *śanaiścara-* ‘Сатурн’, *śanaiścara-vāra-* ‘суббота’), *adít* ‘воскресенье’ (ср. др.-инд. *āditya-* ‘солнце’, *ādityavāra-* ‘воскресенье’). При несомненно индоарийском происхождении перечисленные слова обнаруживают ряд историко-фонетических инноваций в сравнении с древнеиндийским. В то же время в их фонологии налицо и некоторые архаизмы, утраченные в поздних среднеиндийских и новоиндийских языках, в частности сохранение интервокальных смычных согласных. Не исключено, впрочем, что приведенные лексемы являются очень ранними фонологически адаптированными санскритизмами.

⁴ На это указывают обнаруженные в регионе наскальные рисунки и надписи [Dani 2001]. В прилегающей к области бытования бурушаски долине Гилгит было найдено собрание буддийских рукописей на санскрите.

слав. платно 'ткань, полотно', др.-в.-нем. *faltan*, др.-англ. *fealdan* 'складывать' < и.-е. **pel-t-o-* [Pokorny 1959: 803, 804].

Наиболее примечательной фонологической чертой обеих приведенных лексем является консонантный кластер *lt*, соответствующий ретрофлексным смычным *ʈ* и *ʈʈ* в древнеиндийском. Данное соответствие показывает, что в языке-источнике сочетания вида «l + зубной» не были подвержены действию закона Фортунатова и этот язык, следовательно, не мог являться индоарийским или современным дардским⁵. Иранский источник также представляется маловероятным. Регулярным иранским рефлексом и.-е. **l* в кластерах является *r*, а кроме того ни в одном из иранских языков, контактировавших с бурушаски, не засвидетельствованы этимологические соответствия двух указанных слов. Всё вышеизложенное четко показывает, что вопрос об этимологической стратификации арийских заимствований в бурушаски всё еще далеко не ясен и нуждается в дальнейшем изучении.

С целью пролить свет на данный вопрос нами было проведено этимологическое исследование арийской заимствованной лексики, содержащейся в крупнейшем на сегодняшний день словаре языка бурушаски — бурушаски-немецком словаре Германа Бергера [Berger 1998b]. Результаты

⁵ Хотя закон Фортунатова был впервые открыт для древнеиндийского, он, по всей видимости, действует также в современных дардских и нуристанских языках. Ср., например, дардские и нуристанские лексемы, относящиеся к двум вышеупомянутым этимонам: кашмири *phaṭun* 'разрываться', шина (драсский диалект) *photyōno* 'раскалывать', кохистани долины Инда *phaṭáṽ* 'спариваться' (<**sphātyate* [Zoller 2005: 288]), кати *pṭe-*, камвири *pṭa-* 'отслаиваться; потрескивать (о дровах в костре)'; пашаи *paṭā* 'полоска кожи', кховар *peṭek*, калаша *pāṭī* 'шарф', кохистани долины Инда *paṭh* 'кожаный ремень пращи; ремень ружья; лента, полоска' [Zoller 2005: 269], кашмири *paṭh* 'длинная полоса ткани', камвири *pāṭū* 'тюбан', прасун *puṭī*, *puṭī* 'край одежды' [Buddruss, Degener 2015: 754].

исследования полностью приведены и детально обсуждены в статье [Kogan 2024].

Уточнение этимологической стратификации арийской заимствованной лексики в языке бурушаски

Возможно, наиболее примечательный факт, выявленный в ходе нашей работы, заключается в том, что весьма значительная, а возможно и большая часть зафиксированных в словаре Г. Бергера арийских заимствований является общей для всех диалектных разновидностей бурушаски. Данное обстоятельство представляется чрезвычайно важным в свете ряда фактов лингвистической географии и этнической истории рассматриваемого региона.

Как известно, язык бурушаски включает два заметно различающихся идиома, распространенных в пределах административной территории Гильгит-Балтистан на севере Пакистана⁶. На западном идиоме, известном как *верчиквар*, говорят в долине Ясин, на восточном, иногда называемом «собственно бурушаски» — в бассейне реки Хунза. В восточном идиоме в свою очередь выделяются два диалекта (поддиалекта): Хунзы и Нагера⁷. Долины Ясина и Хунзы непосредственно не соприкасаются друг с другом. Их разделяет протяженная долина р. Гильгит, в настоящее время населенная носителями языка шина. Поскольку единственный путь, напрямую связывающий Хунзу и Ясин, проходит именно через гильгитскую долину, есть основания полагать, что шина (вернее, его гильгитский диалект) сыграл

⁶ Некоторое число (по имеющимся данным, несколько сот) носителей бурушаски проживает в союзной территории Джамму и Кашмир Республики Индия. Это потомки переселенцев, осевших в Кашмирской долине около столетия назад [Munshi 2019].

⁷ Хунза и Нагер (также Нагар, Нагир) — два округа (в прошлом княжества), расположенных соответственно на правом и левом берегу р. Хунза.

роль клина, расколовшего некогда единый бурушаский языковой ареал. Иными словами, до распространения шина языком долины Гильгита, вероятнее всего, был бурушаски⁸, а миграция шинязычного населения явилась решающим фактором, обусловившим дивергенцию диалектов Ясина и Хунзы-Нагера. Последняя, как показывают глоттохронологические подсчеты, имела место примерно в X в. н. э., и можно предположить, что именно в это время мог начаться приток лексических заимствований из шина в восточный диалект бурушаски. По всей видимости, этот процесс был следствием не только и не столько тесных экономических и политических связей между Хунзой и Гильгитом, сколько наплыва носителей шина в Хунзу и Нагер⁹.

Описанные этнические изменения, вероятно, совершенно не затронули Ясин. Последний в течение весьма долгого времени находился под властью выходцев из соседнего Читрала, говоривших на языке кховар. Это вызвало широкое распространение двуязычия¹⁰ и, как следствие, массовое заимствование лексики кховар в ясинский диалект бурушаски. Наличие весьма значительного кховарского лексического пласта четко противопоставляет верчиквар

⁸ Данная точка зрения, по-видимому, является общепринятой. См., например, [Йеттмар 1986; Lorimer 1935; 1937]. В её пользу свидетельствует, в частности, тот факт, что гильгитский диалект обнаруживает наиболее глубокое в сравнении с другими разновидностями шина влияние языка бурушаски. Последнее проявляется не только в лексике, но и на других уровнях языковой системы. Подробнее см. [Lorimer 1937].

⁹ Этот наплыв не вызвал полной смены языка, как это произошло в Гильгите. Однако его следствием стало появление в Хунзе и Нагере этнической группы под названием *шин*, члены которой говорят или говорили в прошлом на языке шина. В Нагере доля этой группы во всем населении выше, чем в Хунзе, и неудивительно, что именно диалект Нагера обнаруживает наиболее сильное влияние шина в лексике.

¹⁰ В 1-ой половине XX в. примерно треть населения Ясина была двуязычной, владея помимо бурушаски также и кховар [Lorimer 1935].

диалекту Хунзы-Нагера, подвергшемуся влиянию ши́на. Таким образом, источники относительно недавних дардских заимствований различны для двух разновидностей бурушаски, а та арийская лексика, которая является для них общей, должна была проникнуть из языка или языков, отличных от ши́на и кховар. Усвоение этой лексики, вероятнее всего, началось до распада общебурушаскского языкового состояния, т. е. более тысячелетия назад. Можно предположить, что две рассмотренные выше фонологически архаичные лексемы арийского происхождения, отмеченные Моргенштерне, относятся именно к этому раннему этимологическому слою. Подобного рода заимствования бесспорно нуждаются в тщательном исследовании. Такое исследование могло бы не только пролить свет на историю языковых контактов в регионе верховьев Инда, но и дать некоторые результаты, полезные для сравнительно-исторического изучения арийских языков. При отборе материала из словаря Бергера мы использовали три основных критерия:

- 1) наличие слова как в собственно бурушаски, так и в диалекте верчиквар;
- 2) наличие у слова правдоподобной арийской этимологии;
- 3) отсутствие у слова точных этимологических параллелей в исконной лексике ши́на и/или кховар.

Последний критерий представляется немаловажным, поскольку наличие соответствий в обоих соседних с бурушаски дардских языках предполагает возможность параллельного проникновения лексемы из кховар в ясинский диалект и из ши́на в диалект Хунзы-Нагера. В отдельных случаях к числу ранних мы видели основания отнести и некоторые заимствования, не удовлетворяющие всем перечисленным выше условиям. Это происходило тогда, когда на ранний характер их усвоения и невозможность выведения из современных арийских идиомов однозначно указывали факты исторической фонетики.

Всего нами было выявлено более 100 слов, чья принадлежность к раннему (общебурушаскскому) слою арийских заимствований представляется несомненной или весьма

вероятной¹¹. Чрезвычайно интересной их особенностью является историко-фонетическая неоднородность. В целом ряде случаев мы обнаруживаем разные отражения одной и той же общеарийской фонемы или фонемного сочетания в одинаковой позиции. Так, древние начальные палатальные аффрикаты в части примеров остаются неизменными (ср. бур., верч. *śodo* ‘издевательство, колкость, оскорбление’¹² при др.-инд. *śoda-* ‘стрекало’, *śodayati* ‘побуждает; докучает’, пали *śodaka-* ‘упрекающий’, кл.-перс., тадж. *čust* ‘приткий, расторопный’ < общеарийск. **śaud-* ‘побуждать, подстегивать, приводить в движение’; бур. *jii*, верч. *ji* ‘жизнь; душа; сам; возлюбленный’ при др.-инд. *jīva-* ‘живой, живое существо, жизнь’, др.-перс. *jīva-*, авест. *jīua-* ‘живой’, кашмири *ziw* ‘душа, живое существо’, панджаби *jīu*, хинди-урду *jī* ‘жизнь, душа’, непали *jīu* ‘тело; жизнь’ < общеарийск. **jīṇa-* ‘живой’¹³), а в другой части — дентализуются, иногда с последующей ассимиляцией (ср. бур., верч. *śar* ‘сторож’ при др.-инд. *sara-* ‘шпион (букв. ‘бродящий, передвигающийся’)’ < общеарийск. *śar-* ‘передвигаться’, бур. *zan* -t- ‘дробить, размельчать; ранить’ при др.-инд. *hanti*, авест. *jainti* ‘бьет, ударяет; убивает’, кл.-перс., тадж. *zan-* ‘бить (основа н. в.)’, шугн. *zīn-* ‘убивать, бить, мучить’, язг., ишк. *žan-* ‘убивать’ < общеарийск. **jhanti* то же ‘бьет, убивает’).

¹¹ Основной список этих слов дается в работе [Kogan 2024]. Небольшие дополнения к списку см. в статье [Kogan 2025].

¹² Лексический материал из диалектов бурушаски приводится в транскрипции, использованной в словаре Г. Бергера. Глухая зубная непридыхательная и придыхательная аффрикаты транскрибируются как *ś* и *śh*, их палатальные и церебральные корреляты – как *ṣ́*, *ṣ́h* и *ṣ́̌*, *ṣ́̌h* соответственно, *ṣ́̌* передает палатальный сибилант, *ṣ́̌* – церебральный, *ğ̣̌* – звонкий веларный спира́нт, *ɣ̣̌* – звонкий ретрофлексный сибилант с одновременным палатально-дорсальным сужением (“ein stimmhafter retroflexer Sibilant mit gleichzeitiger palatal-dorsaler Engebildung” [Berger 1998a: 22]).

¹³ Дополнительные примеры рассматриваемых здесь и далее историко-фонетических явлений см. в работе [Kogan 2024].

Древний сонант *w (*u) в начале слова в одном случае сохраняется (ср. бур. *wáar*- ‘накрывать’, *wáariš* ‘крышка’ при др.-инд. *vṛṇoti* ‘покрывает’, авест. *aīβi-vərənuuaiti* ‘скрывает’ < общеарийск. *u̯ar- ‘покрывать’), во всех остальных — переходит в *b* (ср. бур., верч. *bas*- ‘садиться; оседать, селиться; выпадать (о снеге или росе)’ при др.-инд. *vasati* ‘проживает, остается’, авест. *vanjhaiti* ‘проживает’, хинди-урду *bas-nā* ‘проживать’, непали *basnu* ‘оставаться; населять; сидеть’, кашмири *wasun* ‘опускаться; сходиться на берег’ < общеарийск. *u̯as- ‘селиться, проживать, пребывать’; бур., верч. *bat* ‘плоский камень, каменная плита’ при ашкун, вайгали *wāt*, кати *woṭ*, тирахи *baṭ* ‘камень’, гавар-бати *wāt* ‘камень, жернов’, калаша *bat*, кховар *bort*, башкарик *baṭ*, торвали *bāt*, пхалура *bāt*, шина *bāt* ‘камень’, кашмири *waṭh* ‘круглый камень’, лахнда, панджаби *vaṭṭā* ‘камень’, хот.-сак. *ūḍāra*- ‘кристалл’, вах. *wərt* ‘мрамор; жернов; камень’, курд. *bar(d)* ‘камень’ < общеарийск. *u̯arta- ‘круглый камень’; бур. *biik*, верч. *behék* ‘ива’ при др.-инд. *vēta*- ‘тростник’, пашаи *wēu*, шина *bēu*, кл.-перс., тадж. *bēd*, шугн. *wēd* ‘ива’, язг. *wiḍg* ‘виноградная лоза’ < общеарийск. *u̯aita-, *u̯aiti- ‘ива, лоза’¹⁴).

Для старого интервокального *d* отмечены как примеры сохранения (ср. выше бур., верч. *códo* ‘издевательство, колкость, оскорбление’), так и примеры выпадения (ср. бур. *che*, верч. *céi* ‘зарубка’ при др.-инд. *chēda*- ‘разрез, надрез, кусок’, авест. *auiia.hisiḍiiaṭ* ‘рассёк бы на две части’ < общеарийск. *scaid- ‘рассекать, разрезать’, *scaida- ‘рез’).

Рефлекс общеарийского и праиндоевропейского кластера *lt в одном примере является продолжением более раннего церебрального¹⁵, что указывает на развитие согласно закону Фортунатова (ср. бур. *páayə*, верч. *pālu* ‘клин (напр., для раскалывания бревен)’ при др.-инд. *pāṭayati* ‘раскалывает, открывает’ < и.-е. *(s)p(h)el-t- ‘раскалывать, откалывать’ [Pokorny 1959: 985–987]). В то же время в двух других случаях

¹⁴ Формы, засвидетельствованные в бурушаски, по-видимому, отражают прототип *u̯aitaka- или *u̯aitikā-).

¹⁵ Протобурушаски *r > бур. y, верч. l.

данный кластер не подвергается действию этого закона (ср. два вышеприведенных примера из статьи Г. Моргенштерне).

Все указанные факты четко показывают, что ранние арийские заимствования в бурушаски не могут рассматриваться как единый этимологический пласт в строгом смысле слова. Скорее их следует объединить в два отдельных слоя, один из которых характеризуется более архаичной, а второй — более инновационной исторической фонетикой.

В ходе анализа нам удалось обнаружить ряд примеров историко-фонетического развития, характерного для дардских языков. Сюда относится, например, развитие общеарийск. **kš > čh* (ср. бур. *čhur* ‘большой нож (например, для забоя скота)’, верч. *čur* ‘клин, используемый для распора двух метательных жгутов рогатки’ при др.-инд. *kṣura-* ‘бритва’, *kṣuri-* ‘нож, кинжал’, калаша *čhūrī* ‘нож’, башкарик *čhur*, торвали *čhū*, пхалура *čhūr* ‘кинжал, нож’, шина *čūr* ‘маленький нож’, < общеарийск. **kšura-* < и.-е. **ksuro-* [Mayrhofer 1992: 435–436]; бур. *rāači*, верч. *rāči* ‘сторож; дух-хранитель’ при др.-инд. *rakṣin-* ‘охранник, сторож’, *rakṣati* ‘защищает, охраняет’, арм. *erašxiḱ* ‘поручительство, гарантия’ (< иран.), шина *račhi* ‘охрана’, *rāčhōikī* ‘сторожить’, кховар *ročhik* ‘присматривать; пасти’ < общеариск. *rakš-* < и.-е. **h₂leks-* ‘защищать’ [Rix et al. 2001: 278]).

Вероятно также наличие следов дардского развития праиндоевропейского кластера **tk*¹⁶. В одном из выявленных нами заимствований можно предположить развитие этого кластера в виде дентальной аффрикаты *čh* с последующим переходом в *z* в бурушаски¹⁷: бур. (диал. Нагера) *zaq* ‘внезапная, быстро проходящая головная боль; раненый, поврежденный’ < **čhaq*, ср. кховар *čhek* ‘боль, болезнь’, др.-инд. *kṣataka-* ‘рана’, *kṣaṇoti* ‘ранит, причиняет боль’ < и.-е.

¹⁶ В более старой реконструкции на его месте восстанавливалось сочетание **kʰ* с глухим спيرانтом Бругмана.

¹⁷ В языке бурушаски отмечен целый ряд случаев озвончения исторических глухих в начальной позиции. В приводимом ниже примере за данным процессом должна была последовать ассимиляция более ранней аффрикаты.

**tk'en-* [Rix et al. 2001: 645). Непосредственный источник приведенного слова бурушаски, видимо, отражает более ранний прототип **čhataka-*, затронутый регулярной для арийской заимствованной лексики инновационного слоя дентализацией палатальной аффрикаты и выпадением интервокального зубного смычного. Начальный *čh* в этом прототипе идентичен протодардскому рефлексу и.-е. **tk'*.

Необходимо отметить, что источники заимствований обоих (архаичного и инновационного) пластов не поддаются отождествлению с какими-либо известными нам арийскими, в частности дардскими, языками. Есть все основания полагать, что мы имеем дело с полностью вымершими идиомами, не оставившими потомков и известными только по языковым остаткам. Вопрос о количестве этих идиомов, т. е. о том, была ли арийская лексика архаичного и инновационного слоя усвоена из разных языков или из одного языка в разные периоды его существования, пока остается без ответа. Можно лишь надеяться, что будущие исследования помогут пролить на него свет.

О возможной географической локализации одного из идиомов — источников арийских заимствований в языке бурушаски

В связи с арийской заимствованной лексикой в бурушаски необходимо коснуться еще одной небезынтересной проблемы. В ряде наших более ранних публикаций [Kogan 2019; 2020; 2021] было показано, что непосредственно к юго-востоку от бурушаскского ареала в прошлом, вероятнее всего, говорили на некоем арийском языке, обнаруживающем ряд дардских черт в исторической фонетике. Единственным доступным сегодня материалом по этому языку являются заимствования из него в северо-западных тибетских диалектах Ладакха и Балтистана, а также в мертвом шангшунгском языке¹⁸. Принимая во внимание рассмотренные выше

¹⁸ Шангшунгский язык, распространенный в прошлом в ряде районов на северо-западе Тибета, в средние века был вытеснен

факты, нельзя не задаться вопросом о том, может ли данный язык состоять в близком родстве или даже быть тождественным языку — источнику по крайней мере части арийских заимствований в бурушаски.

Попытка ответить на этот вопрос была предпринята нами в недавней работе [Kogan 2025]. В ней было показано, что ряд бурушаскских лексем арийского происхождения имеет этимологические соответствия в северо-западных тибетских диалектах (балти, пурик, ладакхи), а также (в одном случае) в шангшунгском. При этом удалось выявить историко-фонетические изоглоссы, общие для подобных лексем и их когнатов, заимствованных в тибетский. К таковым относятся: переход $*\mu > b$ в начале слова, дентализация старых палатальных аффрикат и выпадение интервокальных зубных смычных¹⁹. Все три данные изоглоссы, как уже говорилось, характеризуют инновационный слой арийской заимствованной лексики в бурушаски и противопоставляют его архаичному. Это дает основания полагать, что источником (или одним из источников) арийских элементов с инновационной фонетикой мог являться предположительно дардский идиом, распространенный на территории современного Ладакха до тибетского завоевания VIII в.

Следует, впрочем, отметить, что некоторые историко-фонетические инновации, присущие индоиранским заимствованиям в северо-западных тибетских диалектах и шангшунгском, не были обнаружены нами в арийских заимствованиях в бурушаски. Это, в частности, переходы $*a > o$, u в позиции перед предвокальным носовым, $*\acute{s} > y$, o в интервокальном положении, а также утрата носового в историческом кластере $*\acute{n}g$. Данное обстоятельство, однако, не опровергает выдвинутую выше гипотезу. Не исключено, что арийская лексика инновационного слоя была усвоена буру-

тибетским языком. Относится к западногималайской ветви тибето-бирманской группы сино-тибетской языковой семьи. Известен, прежде всего по ряду фрагментов в средневековых тибетских текстах.

¹⁹ Примеры и их детальный разбор см. в [Kogan 2025].

шаски из языка дотибетского населения Ладакха до того, как имели место перечисленные фонетические изменения.

Сокращения

авест. — авестийский
арм. — армянский
бур. — (собственно) бурушаски
вах. — ваханский
верч. — верчиквар
др.-англ. — древнеанглийский
др.-в.-нем. — древневерхненемецкий
др.-инд. — древнеиндийский
др.-перс. — древнеперсидский
и.-е. — праиндоевропейский
иран. — иранские языки
ишк. — ишкашимский
кл.-перс. — классический персидский
курд. — курдский
нем. — немецкий
общеарийск. — общеарийский
ст.-слав. — старославянский
тадж. — таджикский
хот.-сак. — хотаносакский
шугн. — шугнанский
язг. — язгулямский

Литература

Йеттмар 1986 — Йеттмар К. *Религии Гиндукуша*. Москва, 1986.

Эдельман 1980 — Эдельман Д. И. К субстратному наследию Центральноазиатского языкового союза. *Вопросы языкознания*, 1980, 5: 21–32.

Стеблин-Каменский 1980 — Стеблин-Каменский И. М. «Колени» и «локти» памирского субстрата. *Переднеазиат-*

ский сборник Вып. III. История и филология стран Древнего Востока. Москва, 1979, 212–214.

Berger 1998a — Berger H. *Die Burushaski-Sprache von Hunza und Nager. Teil I. Grammatik*. Wiesbaden, 1998.

Berger 1998b — Berger H. *Die Burushaski-Sprache von Hunza und Nager. Teil III. Wörterbuch Burushaski-Deutsch, Deutsch-Burushaski. Unter Mitarbeit von Nasiruddin Hunzai*. Wiesbaden, 1998.

Buddruss, Degener 2015 — Buddruss G., Degener A. *Materialien zur Prasun-Sprache des Afghanischen Hindukusch, Teil I: Texte und Glossar*. Harvard University Press, 2015.

Dani 2001 — Dani Ah. H. *History of Northern Areas of Pakistan (Up to 2000 AD)*. Lahore, 2001

Kogan 2019 — Kogan A. I. On possible Dardic and Burushaski influence on some Northwestern Tibetan dialects. *Journal of Language Relationship*, 2019, 17(4): 263–284.

Kogan 2020 — Kogan A. I. Notes on the historical phonology of Indo-Iranian loanwords in Northwestern Tibetan dialects. *Journal of Language Relationship*, 2020, 18(4): 261–75.

Kogan 2021 — Kogan A. I. Towards the reconstruction of language contact in the pre-Tibetan Upper Indus region. *Journal of Language Relationship*, 2021, 19(3–4): 153–165.

Kogan 2024 — Kogan A. I. On the etymological stratification of borrowed Indo-Iranian vocabulary in Burushaski. *Journal of Language Relationship*, 2024, 22(1–2): 21–42.

Kogan 2025 — Kogan A. I. Aryan loanwords in Burushaski as a data source for the reconstruction of language contact in the Upper Indus basin. *Journal of Language Relationship*, 2025, 23 (1–2): 17–25.

Lorimer 1935 — Lorimer D. L. R. *The Burushaski language. Vol. I. Introduction and grammar*. Oslo, 1935.

Lorimer 1937 — Lorimer D. L. R. Burushaski and its alien neighbours: problems in linguistic contagion. *Transactions of the Philological Society*, 1937: 63–98.

Mayrhofer 1992 — Mayrhofer M. *Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen. I Band*. Heidelberg, 1992.

Morgenstierne 1945 — Morgenstierne G. Notes on Burushaski Phonology. *Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap*, 1945, 13: 61–95.

Munshi 2019 — Munshi S. *Srinagar Burushaski. A Descriptive and Comparative Account with Analyzed Texts*. Leiden; Boston, 2019.

Pokorny 1959 — Pokorny, Julius. *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. Bern; München, 1959.

Rix et al. 2001 — Rix H. et al. *Lexikon der indogermanischen Verben*. Wiesbaden, 2001.

Zoller 2005 — Zoller C. P. *A Grammar and Dictionary of Indus Kohistani*. Volume 1: *Dictionary*. Berlin; New York, 2005.

References

Berger H. *Die Burushaski-Sprache von Hunza und Nager. Teil I. Grammatik*. Wiesbaden, 1998.

Berger H. *Die Burushaski-Sprache von Hunza und Nager. Teil III. Wörterbuch Burushaski-Deutsch, Deutsch-Burushaski. Unter Mitarbeit von Nasiruddin Hunzai*. Wiesbaden, 1998.

Buddruss G., Degener A. *Materialien zur Prasun-Sprache des Afghanischen Hindukusch, Teil I: Texte und Glossar*. Harvard University Press, 2015.

Dani Ah. Hasan. *History of Northern Areas of Pakistan (Up to 2000 AD)*. Lahore, 2001

Edel'man D. I. K substratnomu naslediyu Tsentral'noaziatskogo yazykovogo soyuza [On the Substrate Heritage of the Central Asian Language Union]. *Voprosy yazykoznaniya*, 1980, 5: 21–32. (In Russ.)

Jettmar K. *Religii Gindukusha* [Religions of the Hindu Kush]. Moskva, 1986. (In Russ.)

Kogan A. I. On possible Dardic and Burushaski influence on some Northwestern Tibetan dialects. *Journal of Language Relationship*, 2019, 17(4): 263–284.

Kogan A. I. Notes on the historical phonology of Indo-Iranian loanwords in Northwestern Tibetan dialects. *Journal of Language Relationship*, 2020, 18(4): 261–75.

Kogan A. I. Towards the reconstruction of language contact in the pre-Tibetan Upper Indus region. *Journal of Language Relationship*, 2021, 19(3–4): 153–165.

Kogan A. I. On the etymological stratification of borrowed Indo-Iranian vocabulary in Burushaski. *Journal of Language Relationship*, 2024, 22(1–2): 21–42.

Kogan A. I. Aryan loanwords in Burushaski as a data source for the reconstruction of language contact in the Upper Indus basin. *Journal of Language Relationship*, 2025, 23(1–2): 17–25.

Lorimer D. L. R. *The Burushaski language. Vol. I. Introduction and grammar*. Oslo, 1935.

Lorimer D. L. R. Burushaski and its alien neighbours: problems in linguistic contagion. *Transactions of the Philological Society*, 1937: 63–98.

Mayrhofer M. *Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen. I Band*. Heidelberg, 1992.

Morgenstierne G. Notes on Burushaski Phonology. *Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap*, 1945, 13: 61–95.

Munshi S. *Srinagar Burushaski. A Descriptive and Comparative Account with Analyzed Texts*. Leiden; Boston, 2019.

Pokorny J. *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. Bern; München, 1959.

Rix H. et al. *Lexikon der indogermanischen Verben*. Wiesbaden, 2001.

Steblyn-Kamenskiy I. M. «Koleni» i «lokti» pamirskogo substrata [“Knees” and “Elbows” of the Pamir Substrate]. *Peredneaziatskiy sbornik Vyp. III. Istoriya i filologiya stran Drevnego Vostoka*. Moskva, 1979, 212–214. (In Russ.)

Zoller, C. P. *A Grammar and Dictionary of Indus Kohistani*. Volume 1: *Dictionary*. Berlin; New York, 2005.

Русск. диал. *рыд-* ‘рвать, рыть’ и *спорыдѣть*

Жанна Жановна Варбот

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Москва, Россия

zhannavarbot@yandex.ru

Важнейшая задача славянской этимологии — реконструкция максимально полного состава славянских этимологических гнезд — в настоящее время в значительной степени решается благодаря вовлечению в исследования диалектной лексики славянских языков. Одним из таких шагов к пополнению славянского этимологического гнезда глагола **ryti* является предлагаемое в настоящей статье толкование происхождения двух русских диалектных глаголов. Русск. диал. глаголы *узрыдѣться* ‘разверзнуться’ и *вырыдѣть* ‘вырасти’ являются эксклюзивными продолжениями основы **ryd-* из праславянского этимологического гнезда **ru- / *ry- / *rǝ(v)- / *rov-*, восходящей к и.-е. **reu-* ‘рвать, рыть’ с детерминативом *-d-*. На базе этих глаголов может быть объяснено происхождение русск. сев. *спорыдѣть* ‘всходить (о Солнце)’ при реконструкции первичной семантики ‘распространяться вверх и вширь’.

Ключевые слова: праславянское этимологическое глагольное гнездо, русские диалектизмы

Для цитирования: Варбот Ж. Ж. Русск. диал. *рыд-* ‘рвать, рыть’ и *спорыдѣть*. *Родной язык. Лингвистический журнал*, 2025, 2: 132–137. DOI: 10.37892/2313-5816-2025-2-132-137

Russian dialectal rýd- 'to tear, dig' and sporydát'

Zhanna Zhanovna Varbot

*Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia**zhannavarbot@yandex.ru*

The most important task of Slavic etymology studies is to reconstruct the full stock of Slavic etymological families. At the present time, this is being in significant measure furthered by including vocabulary from Slavic dialects in the research program. One such step towards reconstructing a complete paradigm of the Slavic verb *ryti is presented in this article's interpretation of the etymology of two verbs found in non-standard dialects of Russian.

These are the verbs *uzrýdit'sya* 'to open up' and *výrydat* 'to grow'. Both are exclusive reflexes of the verb stem *ryd- that belongs to the Proto-Slavic family *ru- / *ry- / *rǫ(v)- / *rov-, going back further to Indo-European *reu- 'tear, dig' with the determinative -d-. On the basis of these Russian dialectal verbs, the original semantics of *sporydát* 'to rise (of the sun)' is explained as 'to spread upwards and outwards'.

Keywords: Proto-Slavic, etymological reconstruction, verb family, Russian dialect verbs

For citation: Varbot Zh. Zh. Russian dialectal rýd- 'to tear, dig' and *sporydát*. *Rodnoy yazyk. Linguistic Journal*, 2025, 2: 132–137.

DOI: 10.37892/2313-5816-2025-2-132-137

Одной из неизменно актуальных задач славянской (и особенно праславянской) этимологии является обнаружение в лексике славянских языков «новых» = ранее не фиксировавшихся форм основ = корней, дополняющих состав славянских этимологических гнезд индоевропейского происхождения.

Этимологические словари фиксируют в славянском этимологическом гнезде с индоевропейским корнем *reu- 'рвать, рыть' следующие формы основы: *ru- (*ruti), *rǫ- / *rǫv- (*rǫ/tǫ, *rǫvati), *ry- (*ryti), *rov- (*rovǫ). Известны также глагольные основы с суффиксами-детерминативами -p-:

rəp-* / **ryp-* (rəpati* / **rupati*), и -s-: **ruх-* / **rəх-* / **ryх-* (**rušiti*, **rəхnṛti*, **rəхlšjь*). В индоевропейских языках есть также продолжения глагольных основ с расширениями -*d-* (др.-сканд. *reyta* (**rautjan*) ‘отрывать, разрывать’, ср.-нидерл. *ruten* ‘рвать, грабить’) [Pokorny 869] и -*dh-* (авест. *raoidya-* ‘готовить к вспашке’, др.-исл. *rjōða* ‘корчевать, расчищать’, др.-в.-нем. *riuten* ‘корчевать’) [Pokorny 869; LIV 509; Kluge 598]. В славянской лексике соответствующие основы с -*d-* и -*dh-* детерминативами пока не отмечались.

Славянская глагольная основа, принадлежащая к этимологическому гнезду **rəv-* / **ry-* с расширением -*d-*, обнаруживается в форме префиксальных производных в русских диалектах: азерб. *узры́диться* ‘разверзнуться’: «узрыдится яма грешникам» (азерб.) [СРНГ 47: 38] и *вы́рыдать* ‘вырасти (о растениях), вымахать’ (арханг.) [АОС 8: 165]. Представляется, что приведенные диалектные глаголы следует учесть при рассмотрении вопроса о происхождении русск. сев. *споры́дять* ‘всходить (о солнце)’ (арханг.) [СРНГ 40: 235].

Относительно этимологии этого диалектизма предложено несколько гипотез. Гипотеза Барсова о родстве *споры́дять* с *рдеть* при мотивации обозначения рассвета по цвету [Барсов I: XVII, словарь] была развита Горячевой [Горячева 1973: 205–207], однако смущает структурно: префикс **vəz-* (> *c*) несколько не ожидаем при предполагаемой цветовой семантике. Гипотеза Варбот о родстве со словац. *rydat’ sa* ‘двигаться, убираться’ (с вариантным *zridat’ sa*) и происхождении из и.-е. **reidh-* ‘двигаться’ опирается на реконструкцию словацкого вокализма Махеком [Machek 1957: 430] и приемлема, по замечанию автора, только при обосновании первичности корневого -*u-* в русском глаголе [Варбот 1974: 41–59]. Эта же версия (об и.-е. **reidh-* ‘двигаться’), разработанная на материале словац. *ridat’ sa* и чакав. *ridati* ‘двигаться, отправляться’ [Boguš 1998: 9–14], вызывает аналогичные сомнения. Последняя по времени версия Куркиной о родстве *споры́дять* ‘всходить (о солнце)’ с **rydati* ‘рыдать’ и **ruditi* (с семантикой печали, омрачения, плача и под.) при обращении к мифологическим представлениям о преобразую-

щем действии воды и реконструкции первичной мотивации спорыда́ть 'всходить (о солнце)' как изменение формы, расплывание, растекание [Куркина 1998: 136–142] сомнительна и семантически, и в отношении определения круга ближайшей родственной лексики: болг. диал. *разрудя се* 'распадаться на части в воде' (= 'отделяться при помощи воды, промывкой') — производное от *руда* [БЕР 6: 337].

Неясность происхождения русского диал. спорыда́ть побуждает искать новые решения.

Приведенные выше русские диал. *вы́рыдать* и *узры́диться* можно и структурно, и семантически сопоставить с сев. спорыда́ть. Прежде всего, здесь однозначно тождество корневого гласного всех трех глаголов. Далее, *вы́рыдать* 'вырасти' обозначает движение вверх — ср. *всходить* (о солнце), глагол *узры́диться* обозначает движение в стороны, вширь, но префиксу *vъz-* (*уз-*) свойственна и функция движения вверх: *взойти*, *взобратъся* и под. Примечателен текст из свадебного обряда: «Белый свет спорыдается, Заря размыкается» (онеж.) [Там же], так что рассвет обозначен как движение света и вверх (*спорыдается* < **вызъспорыдается*), и в стороны (*размыкается*, ср. *узры́диться* 'разверзнуться').

Предлагаемое толкование происхождения слова спорыда́ть 'всходить (о Солнце)' на основе родства с русск. диал. глаголами *вы́рыдать* 'вырасти' и *узры́диться* 'разверзнуться' означает реконструкцию мотивации по восхождению и развертыванию, распространению, что сопоставимо с поэтическим образом звездного неба у Ломоносова: «Открылась бездна звезд полна...».

Литература

АОС — *Архангельский областной словарь*. Под ред. О. Г. Гецовой. Вып. 1. Москва, 1995.

Причитания Северного края — *Причитания Северного края*, собранные Е. Барсовым. Т. I. Москва, 1872.

БЕР — *Български етимологичен речник*. Т. I–VIII. София, 1971.

Варбот 1974 — Варбот Ж. Ж. К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен. II. *Этимология* 1972. Москва, 1974.

Горячева 1973 — Горячева Т. В. К этимологии русского диалектного *спорыдать*. *Этимология* 1971. Москва, 1973.

Куркина 1998 — Куркина Л. В. К этимологии рус. диал. *спорыдать*. *Слово и культура. Памяти Н. И. Толстого*. Ред. Т. А. Агапкина, А. Ф. Журавлев, С. М. Толстая. Т. I. Москва, 1998.

СРНГ — *Словарь русских народных говоров*. Гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. Вып. 1–52. Москва; Ленинград/Санкт-Петербург, 1965–2021.

Boryś 1998 — Boryś W. Ze studiów nad czakawsko-slowenskimi związkami leksykalnymi. *Studia Slawistyczne*, 1998.

Kluge 1975 — Kluge F. *Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache*. 21. Auflage. Berlin; New York, 1975.

Machek 1957 — Machek V. *Eymologický slovník jazyka českého a slovenského*. Praha, 1957.

Pokorny 1959 — Pokorny J. *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. Bern, 1949–1959.

References

Arkhangel'skii oblastnoy slovar' [Arkhangelsk Regional Dictionary]. Ed. by Gecova O. G. Vols. 1. Moscow, 1995. (In Russ.)

Balgarski etimologichen rechnik [Bulgarian Etymological Dictionary]. Vols. 1. Sofiya, 1971. (In Bulgarian)

Boryś W. *Ze studiów nad czakawsko-slowenskimi związkami leksykalnymi* [From the studies on Čakavian-Slovenian lexical ties]. *Studia Slawistyczne*, 1998. (In Polish)

Goryacheva T. V. *K etimologii russkogo dialektного споры-дать* [Concerning the etymology of Russ. dial. *спорыдать*]. *Etimologiya* 1971. Moscow, 1973. (In Russ.)

Kluge F. *Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache* [Etymological Dictionary of the German language]. 21st edition. Berlin; New York, 1975. (In German)

Kurkina L. V. *K etimologii Russ. dial. спорыдаты* [Concerning the etymology of Russ. dial. спорыдаты]. *Slovo i kul'tura*. In memory of N. I. Tolstoy. Ed. by T. A. Agapkina, A. F. Zhuravlyev, S. M. Tolstaya. Vol. I. Moscow, 1998. (In Russ.)

Machek V. *Eymologický slovník jazyka českého a slovenského* [Etymological Dictionary of the Czech and Slovak Languages]. Praha, 1957. (In Czech)

Pokorny J. *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch* [Indo-European Etymological Dictionary]. Bern, 1949–1959.

Prichitaniya severnogo kraya, sobrannye E. Barsovim [Lamentations of the Northern Region collected by E. Barsov]. Vol. I. Moscow, 1872. (In Russ.)

Rix H. u. a. *Lexikon der Indogermanischen Verben* [Lexicon of Indo-European Verbs]. 2nd edition. Wiesbaden, 2001. (In German)

Slovar' russkikh narodnykh govorov [Dictionary of Russian Dialects]. Eds. Filin F. P., Sorokoletov F. P., Myznikov S. A. Vols. 1–52. Saint Petersburg, Moscow, 1965–2023. (In Russ.)

Varbot Zh. Zh. *K rekonstrukcii i etimologii nekotorykh praslavyanskikh glagol'nykh osnov i otglagol'nykh imen*. II. [Concerning the reconstructions and etymology of some Proto-Slavic verbal stems and deverbative nouns II]. *Etimologiya* 1972. Moscow, 1974. (In Russ.)

К проблеме этимологии кл. перс. *sumb*, совр. перс. *som(b)*, тадж. *сум* ‘копыто’

Артём Александрович Трофимов

Институт языкознания РАН,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ,
Московский государственный юридический
университет имени О. Е. Кутафина
Москва, Россия
artemii.trofimov@gmail.com

Традиционно ср.-перс. *sumb* {*swmb*}, кл. перс. *sumb*, совр. перс. *som(b)*, тадж. *сум* ‘копыто’ этимологи относят к праир. **šap^ha-* < и.-ир. **šap^ha-* < и.-е. **kōph₂ó-*, ср. авест. *safa* ‘копыто’. Тем не менее очевидно, что фонетически эти формы (как и курд. *sim*, *simût* ‘копыто’) не могут соотноситься напрямую с авестийской и другими формами иранских языков, продолжающими праформу **šap^ha-*. Такое обстоятельство заставляет предполагать назализацию и особый рефлекс **p^h* > зап.-ир. *b* в данной основе. В то же время представляется возможным не разделять кл. перс. *sumb* ‘копыто’ и *sumb²* ‘отверстие, дыра’, а считать их омонимичными производными от глагола **šu(m)b/p-* ‘протыкать, продырявливать, просверливать’ (ср.-перс. *suftan*, *sumb-* {*swptn*}, *swmb-* ‘протыкать, просверливать’) с возможной интерференцией с утраченным рефлексом праир. **šap^ha-*. Семантика ‘проделывать отверстие’ тесно связана в индоевропейских языках со значениями ‘колоть, бить, пробивать’, что позволяет реконструировать для рассматриваемого глагола одно из приведенных значений как исходное. Замечательной семантической параллелью является праславянская основа **koryto* ‘копыто’, образованная от глагола **kopati*, имевшего первоначальное значение ‘колоть, протыкать; копать’ (ср. производное **koryje* / **koryja* ‘копье’). Соотношение названий оружия и копыта также наблюдается в древнегреческом, ср. др.-греч. ὄπλῃ ‘копыто’ ~ ὄπλον ‘орудие, оружие’.

Приведенные доводы убеждают в том, что западноиранские формы, обозначающие ‘копыто’, могут прямо восходить к глаголу **šu(m)b/p-* ‘протыкать, продырявливать, просверливать’.

Ключевые слова: этимология, иранские языки, славянские языки, персидский язык, праиранский, обозначение копыта в иранских языках

Для цитирования: Трофимов А. А. К проблеме этимологии кл. перс. *sumb*, совр. перс. *som(b)*, тадж. сум ‘копыто’. *Родной язык. Лингвистический журнал*, 2025, 2: 138–152.

DOI: 10.37892/2313-5816-2025-2-138-152

On the Etymology of Classical Persian *sumb*, Modern Persian *som(b)*, Tajik *sum* ‘hoof’

Artem Aleksandrovich Trofimov

*Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences,
Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration,
O. E. Kutafin Moscow State Law University
Moscow, Russia
artemii.trofimov@gmail.com*

The Middle Persian *sumb* {swmb'}, Classical Persian *sumb*, Modern Persian *som(b)*, and Tajik *sum* ‘hoof’ are traditionally etymologized as deriving from Proto-Iranian **šap^ha-* < Indo-Iranian **čap^ha-* < PIE **kōph₂ó-*, cf. Avestan *safa* ‘hoof’. However, it is evident that these forms, as well as Kurdish *sim*, *simüt* ‘hoof’, are phonologically irreconcilable with the Avestan and other Iranian forms that regularly continue the proto-form **šap^ha-*. This discrepancy necessitates the postulation of nasalization and a specific Western Iranian reflex **p^h > b* for this root. Concurrently, it appears plausible not to separate Classical Persian *sumb*¹ ‘hoof’ from *sumb*² ‘hole, aperture’, but rather to consider them homonymous derivatives of the verb **šú(m)b/p-* ‘to pierce, to perforate, to bore’ (cf. Middle Persian *suftan*, *sumb-* {swptn', swmb-} ‘to pierce, to bore’). This scenario putatively presupposes interference from a lost reflex of Proto-Iranian **šap^ha-*. The semantics of ‘making a hole’ is closely associated in Indo-European languages with meanings such as ‘to stab, to strike, to pierce’, which proves that one of these meanings can be primary for the verb in question, **šú(m)b/p-*. A remarkable semantic parallel is found in the Proto-Slavic root **kopyto* ‘hoof’, which derives from the

verb **kopati*, itself from ‘to stab, to poke; to dig’ (cf. the derivative **kopъje* / **kopъja* ‘spear’). The semantic correlation ‘weapon, device’ ~ ‘hoof’ is also attested in Ancient Greek, cf. ὄπλῃ ‘hoof’ ~ ὄπλον ‘tool, weapon’.

The presented arguments support the conclusion that the West Iranian forms denoting ‘hoof’ may directly descend from the Proto-Iranian verb **šu(m)b/p-* ‘to pierce, to perforate, to bore’.

Keywords: etymology, Iranian languages, Slavic languages, Persian language, Proto-Iranian, designation of the hoof in Iranian languages

For citation: Trofimov A. A. On the Etymology of Classical Persian *sumb*, Modern Persian *som(b)*, Tajik *sum* ‘hoof’. *Rodnoy yazyk. Linguistic Journal*, 2025, 2: 138–152.

DOI: 10.37892/2313-5816-2025-2-138-152

Введение

В одном из своих основополагающих трудов «Иранские и славянские языки: исторические отношения» Д. И. Эдельман отмечала в предисловии: «Заклячая обзор проблемы исторических отношений иранских и славянских языков, хотелось бы еще раз подчеркнуть, что в трудах 60-х годов (а также на предыдущих этапах изучения проблемы) при серьезном и глубоком внимании к генетическому (сравнительно-историческому) и ареальному аспектам иранско-европейских (и особенно иранско-славянских) сходств, включая этимологии отдельных слов и целых пластов лексики, несравнимо меньше внимания уделялось историко-типологическому аспекту проблемы, хотя в ряде работ последних десятилетий при рассмотрении некоторых историко-фонетических процессов этот фактор тоже учитывался.

Вместе с тем наблюдается целый разряд иранско-славянских сходных системных черт, развившихся в результате сходных и/или общих историко-типологических процессов» [Эдельман 2002: 18–19]. В своем дальнейшем изложении Джой Иосифовна демонстрирует значительное количество сходных явлений в иранских и славянских языках на различных уровнях языковой структуры (фонетика и фонология, элементы морфонологии, морфология и синтаксис, лексика).

В статье мы попытаемся развить данное направление исследований и предложить трактовку одного случая семантического развития, которое проходило сходным образом в славянских и иранских языках. Немаловажно, что обсуждаемые лексемы считались некоторыми исследователями родственными в названных группах, поэтому уточнение представлений о реконструкции каждой из них и об особенностях их происхождения и развития кажется тем более актуальным.

I. Праир. *śafa- < *śap^ha- ‘копыто’ и соответствия в других индоевропейских языках

Праиранское обозначение ‘копыта’ уверенно реконструируется как *śafa- < *śap^ha- на основании следующих данных отдельных иранских языков: авест. *safa*, мн. ч. *safāṇhō* ‘копыто’ (по контекстам конское) [Bartholomae 1904: 1557–1558] < праир. *śap^hāhah < и.-ир. *śap^hāsas; хорезм. *sbd* ‘копыто’ (ж. р., ед. ч. ген. - *sbcy*) < *sapatā, хс. *saha*; пшт. *swá* ж. р. ‘копыто’ [Humbach 1989: 197; Benzing 1983: 571; Bailey 1979: 423]; осет. *sæftæg* ‘копыто’, осет. ирон. *sæftægnīz* | диг. *sæftægnez* ‘болезнь копыт’ [Абаев 1979: 56–57]. Правильность подобной реконструкции для прауровня далее подтверждается соответствием с др.-инд. *śaphá-* м. ‘копыто; конское копыто (RV), бычье копыто (AV)’, прагерм. *hōfa м. ‘копыто’ — ср. др.-исл. *hófr* м., фарерск. *hóvur* м., эльвд. *uov f.*, др.-англ., др.-фриз., др.-сакс. *hōf* м., англ. *hoof*, др.-в.-нем. *huof* м., совр. нем. *Huf* м., ср.-нидерл. и совр. нидерл. *hoef* ‘копыто’ [Mayrhofer 1996: 608; Kroonen 2013: 238–239].

На праиндоевропейском уровне для праиндоиранского *śap^ha- должна реконструироваться праформа *koph₂o- (*koph₂o-¹). М. Майрхофер в своей монографии «Продолжение

¹ Восстановление именно второго ларингала в сочетаниях, к которым восходят др.-инд. *ph*, *th* и т. п., предполагается М. Майрхофером на основании ряда примеров; более того, он же утверждает, что сочетания согласных типа *T + *h₁ / *h₃ давали в

индоевропейских ларингалов в индоиранском» предлагает два возможных варианта реконструкции, **k^hor^hó-* или **k^horh₂ó-*, для объяснения **k^horh₂ó-* как более вероятного он предполагает допустимым реконструкцию суффикса **-h₂ó-* вслед за Т. Барроу (последний приводит и другие релевантные примеры в своей обобщающей монографии) [Burrow 1973: 197; Барроу 1976: 186]. Представляется, что только праформа **k^horh₂ó-* (**k^horHó-*) может соответствовать нашим представлениям об индоарийских и древнеиндийских звуковых процессах, поскольку в праформе **k^hor^hó-* > индоир. **śar^há-* > индоар. **śar^há-* подействовал бы закон Бругмана в открытом слоге, соответственно результатом в древнеиндийском должна была бы стать форма вида *†śāphá-*.

При этом стоит заметить, что прагерманская форма может восходить только к праиндоевропейской основе **k^horh₂pro-* (**k^horHpro-*) с кластером **-Hr-*, а не **-pH-* (**-ph₂-*), как в обсуждаемой выше индоиранской праформе. На данное обстоятельство обращает внимание Г. Кронен, который обсуждает соотношение индоиранских и германских форм следующим образом: «Различие между прагерм. **k^horHpro-o-* и индоир. **k^horH-o-* подразумевает ларингальную метатезу, прошедшую в одной из двух форм. Поскольку такой же тип метатезы наблюдается в авест. *kaofa-* ‘гора, бугор’ < **kouHpro⁻²*, возможно, прагерманская форма **k^horHpro-o-* является исходной» («The difference between Gm. **k^horHpro-o-* and Indo-Iranian **k^horH-o-* implies that laryngeal metathesis occurred in one of the two forms. Since the same type of metathesis is observed in

индоарийском и древнеиндийском непридыхательный смычный **T* [Maughofer 2005: 115]. Тем не менее, примеры не так ясны, поэтому реконструкция с неопределенным ларингалом **H* также допустима.

- ² Что касается авестийского слова *kaofa-* ‘гора, бугор’, его балтийские, славянские и германские соответствия вместе указывают на праформу **kouHpro-o-*, ср. лит. *kaiṗas* м. ‘куча, возвышение, бугор’, ст.-слав. *kipъ* м. ‘куча’, с.-хорв. *kûp* м. р. ‘куча, ворох, толпа’, прагерм. **haipra-* м., др.-в.-нем. *houf* м. ‘куча, гряда, ворох’, что позволяет думать, что речь идет о ларингальной метатезе в иранских языках [Kroonen 2013: 216–217].

Av. *kaofa*- ‘mountain, hump’ < **kouHr-o*, it is possible that the Germanic form **koHr-o*- is primary») [Kroonen 2013: 238–39].

II. Праслав. **kopyto* / **kopyta* / **kopytz* ‘копыто’

В то время как в процитированных выше этимологических словарях авторы отмечают только параллель между индоиранскими и германскими основами (и так же поступает Ю. Покорный [Pokorny 1959: 530]), ранее с рассматриваемыми индоиранскими и германскими формами связывали и праславянское обозначение ‘копыта’, которое реконструируется на основании следующих форм:

Праслав. **kopyto* / **kopyta* / **kopytz* – ц.-слав. копыто ὀπλή, ungula; рус. копыто ‘копыто, роговая пластинка, покрывающая концы пальцев у некоторых млекопитающих’, белорус. *капы́т* м. р., *капы́то* ср. р. укр. *копи́то* ‘копыто’, болг. *копи́то* ‘копыто’, сербохорв. *kòpito* ср. р. ‘копыто; сапожная колодка’, диал. сербохорв. *kopito*, *kòpit* м. р., *kòpita* ж. р. и *копи́та* ж. р. ‘копыто’, также диал. ‘куча земли и камней у дома’; словен. *koríto*, чеш., слвц. *koryto* ‘копыто, сапожная колодка’, чеш. диал., стар. ‘подкова’, в.-луж. и н.-луж. *koryto* ‘копыто’, польск. *kopyto*, стар., диал. *koput* м. р. ‘копыто, след от копыта’, *koréto* ‘копыто’, словин. *kopěto* ‘копыто, деревянная сапожная колодка’ [Фасмер 1986, 320; Трубаев 1984: 35–37].

В ряде традиционных и современных источников по индоевропейской этимологии праслав. **kopyto* признается «кентумным» рефлексом основы **kopH-o-* с не до конца ясным суффиксом **-yt-* [Zupitza 1904: 401; Mayrhofer 1996: 608].

В то же время куда более привлекательной представляется гипотеза, давно отстаиваемая индоевропейцами и этимологами-славистами, согласно которой **kopyto* — производное от глагола **kopati* [Walde-Pokorny 1930: 346], ср. формулировку М. Фасмера: «От *копáть*, ср. польск. *kopać* ‘копать, рыть; пинать, бить копытом’ [Фасмер 1986: 320].

Авторы «Этимологического словаря славянских языков» также решительно отвергают возможность родства славянских форм с **kopH-o-*: «совершенно неприемлемо тоже ста-

рое сопоставление с ареальным и.-е. названием копыта — **коро-* / **кѡро-*, откуда др.-инд. *śaphá-*, нем. *Huf*, отстаиваемое в последнее время Махеком (Machek² 276): **kopyto* — якобы расширение первоначального **коръ*. Ясно, что **kopyto* — праславянская лексическая инновация» [Трубачев 1984: 36–37]. Действительно, несмотря на неясность суффикса, **kopyto* уверенно формально и семантически выводится из **kopati* или даже скорее из **kopti*, ср. лит. *kàpti* ‘рубить’, причем в его более старом значении ‘колоть, протыкать’ > ‘бить, ударять’. На первоначальную семантику указывают балтийские данные и в особенности — праслав. **коръе* / **коръја* ‘копье’.

Праслав. **kopustь* / **kopustьka*, производные которого указывают на значение ‘толень, большая кость’ и ‘лопатка (инструмент)’, ср. сербохорв. диал. *кѡпист* ж. р. ‘толень, большая кость’, ст.-чеш. *kopist* ж. р. ‘мешалка, лопаточка’, уменьш. *kopístka*, чеш. *kopisť* ж. р. ‘лопаточка для замешивания теста’, рус. диал. *копы́сть* ж. р. ‘продолговатая лопаточка для размешивания чего-либо’ и т. д. [Трубачев 1984: 34–35] может быть образовано не от **кор-* + суффикс *-*ustь*, а даже от **kopyt-* + суффикс *-*ть*.

Лит. *kanóra* f. (1), *kanorà* f. (3) ‘копыто, обувная колодка’ может быть родственно праслав. **kopyto* и лит. *karðnas* ‘разделочный нож’, лтш. *karāns* ‘тляпка’ при условии признания возможности диссимиляции **p...n* > *n...p* [Smoczyński 2025: 657].

Все приведенные славянские и балтийские данные указывают на возможность образования наименования ‘копыта’ от глаголов с исходной семантикой ‘колоть, протыкать, пронзать’ и т. п. Переход в ‘копать’ аналогичен лат. *fodiō*, *fodire* ‘колоть, пронзать, поражать; копать’, подробнее [Трофимов 2025]. Связь лексемы ‘копыто’ с ‘бить, поражать’ поддерживается греч. ὀπλή ‘копыто, твердая часть копыта (прежде всего лошади)’, которое соотносится с ὄπλον ‘орудие, оружие’.

III. Перс. *sunb*, *sumb* ‘копыто’ и родственные формы

В некоторых западноиранских языках для названия копыта используются следующие формы, однозначно связанные между собой: ср.-перс. *sumb* {*swmb*}³, кл. перс. *sumb*, совр. перс. *som(b)*, тадж. сум ‘копыто’, курд. *sim*, *simûtk* ж.р., вон. *sum*, кохр. *sûm*, кеш. *sum*, зеф. *som*, санг., седе, гази, кафр. *sum*, сив. *sum*, *sumb* ‘копыто’, шам. *sôm* ‘копыто’³ [Horn 1893: 164 (745); Цаболов 2010: 258; Hassandoust 2014: 1759–1760].

П. Хорн в своем основополагающем этимологическом словаре современного персидского полагает, что нет основания сомневаться в связи, с одной стороны, авест. *safa* и родственных форм других восточноиранских языков, а с другой стороны — перс. *sumb*. При этом он считает курдскую форму персидским заимствованием [Horn 1893: 164 (745)].

В то же время В. И. Абаев указывает на фонетические проблемы соотношения персидской формы *sumb* с формами других иранских языков, восходящих к **šafa-*: персидская форма сопровождается в его этимологическом словаре пометой «с не вполне ясной звуковой историей» [Абаев 1979: 55–56].

С другой стороны, Р. Л. Цаболов, исходящий из предположения об унаследованном характере курдского слова, предлагает следующее фонетическое обоснование для курдской и персидской форм: «Соотношение между курд. *-m* и авест. *-f* (из **-ph-*) такое же, как в курд. *kēm* ‘тной’ и авест. *kafa-* (из **kapha-*) ‘пена’. Характер исхода западноиранских форм этого слова *-m* и, особенно, сохранение его в курдском в поствокальной позиции (как и в курд. *kēm*) можно объяснить тем, что др.-ир. *-f* (из **-ph-*) отразилось в них как *-b-*, которое вследствие назализации основы дало *-nb*, *-mb* (как в персидском и среднеперсидском), позднее упростившееся в *-m* уже

³ Порядок примеров из северо-западных языков повторяет порядок, принятый в «Этимологическом словаре курдского языка» Р. Л. Цаболова.

после перехода поствокального курдского *-m* в *-v*» [Цаболов 2010: 258].

Несмотря на изящество и изобретательность объяснения Р. Л. Цаболова, его все равно нельзя абсолютизировать, проецировать на праиранский уровень и называть звуковым законом или частично регулярным правилом, если обратить внимание на другие случаи развития праир. **-f* < индоир. **-p^h* в западноиранских языках в конце основы. Необходимо упомянуть следующие примеры: собственно перс. *kaf* ‘пена’; сравн. ср.-перс. *kaf* ‘пена’, авест. *kafa-* ‘пена, слюна’, др.-инд. *kapha-* ‘пена, слизь’, гил. *kaf*, тал. *ka*, заа *kaw* ‘пена’ [Цаболов 2010: 528]; авест. *kaofa-*, др.-перс. *kaufa-*, ср.-перс. *kōf*, перс. *kōh* ‘гора’ и т. д. [Цаболов 2001: 550]. Можно видеть, что в сходным образом устроенных иранских праформах **kafa-* < **kap^ha-* и **kaufa-* < **kaup^ha-* в персидском наблюдается совпадающий с праязыковым рефлекс *f*. Кроме того, праир. **kafa* не дает назализации в персидском, соответственно, гласный *-u-* в рассматриваемом перс. *sumb* ‘копыто’ остается также необъясненным — даже если принимать трактовку Р. Л. Цаболова, мы бы ожидали в персидском формы †*samb* (†*sanb*).

Соответственно, утверждение В. И. Абаева о неясности звукового облика перс. *sumb* сохраняет свою силу. Данное обстоятельство заставляет искать другие объяснения для установления этимологии данной лексемы.

Представляется наиболее разумным и — в свете истории праслав. **kopyto* / **kopyta* / **kopytъ* ‘копыто’ — даже напрашивающимся решением считать перс. *sumb* и курд. *sim*, *simūt* ж. р. ‘копыто’ производными от праиранского глагола **šumb-*, который дает такие производные, как ср.-перс. *suftan*, основа презенса *sumb-* {*swptn*}, *swmb-* ‘пронзать, протыкать, сверлить’, кл. перс. *suftan*, *sumb-* ‘буравить; сверлить, проколоть, проткнуть; просверливать, пробуравливать, прокалывать, протыкать; быть просверленным; пропотеть, капать, течь, струиться, сочиться’; будд. согд. *swnp-*, согд. хр. *swb-*, согд. ман. *swmb-* ‘пронзать, протыкать, сверлить’; хорезм. *snb* ‘пронзать, протыкать’; тадж. *suftan* ‘поли-

ровать, шлифовать; сверлить, просверливать дырку' [MacKenzie 1971: 78; Ягелло 1910: 839–840; Steingass 1892: 684; Cheung 2007: 368]. Именные образования в персидском попросту омонимичны обозначению копыта: кл. перс. *sunb*, *sumb*, переводимое как 'подземное жилище; сверлило, коловорот, бурав, вертло, просверление, пробуравливание' [Ягелло 1910: 859; Steingass 1892: 699], также *sum* 'пещера, грот' [Ягелло 1910: 854; Steingass 1892: 695]; П. Хорн переводит *sumb*² как 'пещера, дыра' и соотносит с перс. *suften* 'просверливать, продырявливать' [Horn 1893: 163–164].

Праиранский глагол **śu(m)b-* 'колоть, протыкать; просверливать' не имеет однозначных соответствий за пределами иранской группы языков, его индоевропейская этимология не может быть установлена [Cheung 2007: 368]. М. Майрхофер отмечает, что предлагавшееся до этого сопоставление с др.-инд. *śvábhra-* п. 'выемка, расселина, трещина в земле' остается недостаточно убедительным [Mayrhofer 1996: 675]. Также можно предполагать, что дальнейшие связи праиранского глагольного корня и его производных могут быть с сомнением прослежены в другой древнеиндийской основе: др.-инд. *śamba-* м. 'прут, палка, жердь' [Mayrhofer 1996: 612] допустимо сравнивать со всеми приведенным когнатами, но только при условии реконструкции праформы **śuamb^(h)a-* с выпадением **-u-* в соседстве с другими губными (*-mb^(h)-*). Несмотря на близкую семантику, данная основа скорее не связана с праир. **śu(m)b-* и имеет другое происхождение.

IV. Семантическое обоснование этимологии

Семантическая мотивировка образования персидского слова 'копыто' от глагола 'пронзать, протыкать; просверливать' представляется такой же, как в случае с праславянскими существительными **kopyto* и **kopystь*: для производящего праславянского глагола **kopati* (или, точнее, незасвидетельствованного **kopti*, соотносимого с лит. *kàpti* 'рубить') следует реконструировать общее исходное

значение ‘колоть, протыкать острым инструментом’, которое потом дает семантическое развитие в ‘бить, ударять’ и ‘копать’, и уже от первого из названных значений образуются обобщаемые славянские именные основы.

Дополнительным доводом в пользу предлагаемого сценария может служить тот факт, что обозначение копыта даже в западноиранских языках вовсе не исчерпывается обобщаемой основой **šumbā-*, что увеличивает вероятность персидского и курдского новообразований от употребительного глагола.

Например, в талышском языке ‘копыто’ передается словом (*аспи*) *нангыр* с исходным значением ‘ноготь; коготь’ [Пирейко 1976: 149, 286]. В белуджском формы *srumb*, *surumb*, *surumr* ‘копыто’ — также производное от белуджского рефлекса праиранского обозначения ‘ногтя’, ср. авест. *srū-*, которое контаминировало с перс. *sumb* или его белуджским когнатом [Elfenbein 1990: 136; Korn 2005: 130, 382]. Примеры можно было бы умножить.

Также стоит отметить, что и в праиндоевропейском основа **kōpHo-* ~ **kōHro-* не является наиболее вероятным праязыковым обозначением копыта. Кажется разумным думать, что в праязыке существовала полисемия ‘ноготь/коготь/копыто’, которая наблюдается и воспроизводится в разных группах языков: например, греч. *ὄνυξ*, *-ῦχος* ‘ноготь/коготь/копыто’; лат. *unguis* ‘ноготь/коготь/копыто’, лат. *ungula*, *-ae* f. ‘копыто’, лит. *pagà* f. ‘копыто’.

Выводы

Таким образом, по нашему мнению, кл. перс. *sumb*, тадж. *сум* и курд. *sim* ‘копыто’ не являются произошедшими в результате незакономерного фонетического развития праиранской основы **śafa-* < **śap^ha-* ‘копыто’, а представляют собой образование от корня **śu(m)b-* ‘колоть, протыкать; просверливать’ и могут восходить к праформе **šumbā-* женского рода и в дальнейшем омонимически совпадать со словами, восходящими к **šumba-* ‘просверленное отверстие,

дыра'. Типологической параллелью данного семантического развития служит праславянское обозначение 'копыта', которое также производно по отношению к глаголу со сходной семантикой.

Литература

Абаев 1979 — Абаев В. И. *Историко-этимологический словарь осетинского языка*. Т. 3. S–T. Ленинград, 1979.

Барроу 1976 — Барроу Т. *Санскрит*. Москва, 1976.

Пирейко 1976 — Пирейко Л. А. *Талышско-русский словарь: 6600 слов*. Москва, 1976.

Трофимов 2025 — Трофимов А. А. Лит. *dūr̥ti*, лат. *feriō* и и.-е. **dʰ̥er(H)-*. *Индоевропейское языкознание и классическая филология*, XXIX (2): 513–530.

Трубачев 1984 — Трубачев О. Н. (ред.) *Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Выпуск 11. (*копьсь — *котьпа(ја))*. Москва, 1984.

Фасмер 1986 — Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка*. Т. 2. Е–Муж. 2-е изд. Москва, 1986.

Цаболов 2001 — Цаболов Р. Л. *Этимологический словарь курдского языка*. Т. I. А–М. Москва, 2001.

Цаболов 2010 — Цаболов Р. Л. *Этимологический словарь курдского языка*. Т. II. N–Ž. Москва, 2010.

Эдельман 2002 — Эдельман Д. И. *Славянские и иранские языки. Исторические отношения*. Москва, 2002.

Ягелло 1910 — Ягелло И. Д. *Полный персидско-арабско-русский словарь*. Ташкент, 1910.

Bailey 1979 — Bailey H. W. *Dictionary of Khotan Saka*. Cambridge, 1979.

Bartholomae 1904 — Bartholomae Chr. *Altiranisches Wörterbuch*. Strassburg, 1904.

Benzing 1983 — Benzing J. *Chwaresmischer Wortindex*. Wiesbaden, 1983.

Burrow 1973 — Burrow T. *The Sanskrit language*. 3rd ed. London, 1973.

Cheung 2007 — Cheung J. *Etymological Dictionary of the Iranian Verb*. Leiden; Boston, 2007.

Elfenbein 1990 — Elfenbein J. *An Anthology of Classical and Modern Balochi Literature*. Vol. II. Glossary. Wiesbaden, 1990.

Hassandoust 2014 — Hassandoust M. *Farhang-e riše-šenāx-ti-ye zabān-e fārsi* [An etymological dictionary of the Persian language]. Vol. III. Tehran, 2014.

Horn 1893 — Horn P. *Grundriss der neupersischen Etymologie*. Strassburg, 1893.

Humbach 1989 — Humbach H. *Chorezmian. CLI*. Wiesbaden, 1989.

Korn 2005 — Korn A. *Towards a Historical Grammar of Balochi*. Wiesbaden, 2005.

Kroonen 2013 — Kroonen G. *Etymological dictionary of Proto-Germanic*. Leiden; Boston, 2013.

MacKenzie 1971 — MacKenzie D. N. *Concise Pahlavi Dictionary*. London, 1971.

Mayrhofer 1996 — Mayrhofer M. *Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen*. Band II. Heidelberg, 1996.

Mayrhofer 2005 — Mayrhofer M. *Die Fortsetzung der indogermanischen Laryngale im Indo-Iranischen*. Wien, 2005.

Pokorny 1959 — Pokorny J. *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. Bern, 1959.

Smoczyński 2025 — Smoczyński. *Słownik etymologiczny języka litewskiego. Wydanie drugie, poprawione i znacznie rozszerzone. Na prawach rękopisu*. URL: [www.rromanes.org/pub/alii/Smoczyński W. Słownik etymologiczny języka litewskiego.pdf](http://www.rromanes.org/pub/alii/Smoczyński%20W.%20Słownik%20etymologiczny%20języka%20litewskiego.pdf)

Steingass 1892 — Steingass F. J. *A Comprehensive Persian-English dictionary, including the Arabic words and phrases to be met with in Persian literature*. London, 1892.

Walde-Pokorny 1930 — Walde A.; Pokorny, J. *Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen. Band I*. Berlin; Leipzig, 1930.

Zupitza 1904 — Zupitza E. Miscellen. (3. Zur gutturalfrage). *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen*, XXVII: 387–406.

References

Abayev V. I. *Istoriko-etimologicheskij slovar' osetinskogo yazyka* [Historical-Etymological Dictionary of Ossetic]. T. 3. S–T'. Leningrad, 1979. (In Russ.)

Bailey H. W. *Dictionary of Khotan Saka*. Cambridge, 1979.

Bartholomae Chr. *Altiranisches Wörterbuch*. Strassburg, 1904.

Benzing J. *Chwaresmischer Wortindex*. Wiesbaden, 1983.

Burrow T. *The Sanskrit language*. 3rd ed. London, 1973.

Burrow T. *Sanskrit* [The Sanskrit language]. Moskva, 1976. (In Russ.)

Cheung J. *Etymological Dictionary of the Iranian Verb*. Leiden; Boston, 2007.

E. Miscellen. (3. Zur gutturalfrage). *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen*, XXVII: 387–406.

Edel'man D. I. *Slavyanskiye i iranskiye yazyki. Istoricheskiye otnosheniya*. [Slavic and Iranian languages. Historical relations]. Moskva, 2002. (In Russ.)

Elfenbein J. *An Anthology of Classical and Modern Balochi Literature*. Vol. II. *Glossary*. Wiesbaden, 1990.

Fasmer M. *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of Russian language]. T. 2. E–Муж. 2-е изд. Moskva, 1986. (In Russ.)

Hassandoust M. *Farhang-e riše-šenāxti-ye zabān- e fārsi* [An etymological dictionary of the Persian language]. Vol. III. Tehran, 2014.

Horn P. *Grundriss der neupersischen Etymologie*. Strassburg, 1893.

Humbach H. *Chorezmian. CLI*. Wiesbaden, 1989.

Korn A. *Towards a Historical Grammar of Balochi*. Wiesbaden, 2005.

Kroonen G. *Etymological dictionary of Proto-Germanic*. Leiden; Boston, 2013.

MacKenzie D. N. *Concise Pahlavi Dictionary*. London, 1971.

Mayrhofer M. *Etymologisches Wörterbuch Des Altindoarischen. Band II*. Heidelberg, 1996.

Mayrhofer M. *Die Fortsetzung der indogermanischen Laryngale im Indo-Iranischen*. Wien, 2005.

Pireyko L. A. *Talyshsko-russkiy slovar': 6600 slov* [Talysh-Russian dictionary: 6600 words]. Moskva, 1976. (In Russ.)

Pokorny J. *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. Bern, 1959.

Smoczyński W. *Słownik etymologiczny języka litewskiego. Wydanie drugie, poprawione i znacznie rozszerzone*. Na prawach rękopisu. URL: [www.rromanes.org/pub/alii/Smoczyński W. Słownik etymologiczny języka litewskiego.pdf](http://www.rromanes.org/pub/alii/Smoczyński%20W.%20Słownik%20etymologiczny%20języka%20litewskiego.pdf)

Steingass F. J. *A Comprehensive Persian-English dictionary, including the Arabic words and phrases to be met with in Persian literature*. London, 1892.

Trofimov A. A. Lit. *dùrti*, lat. *feriō* i i.-e. **d^huer(H)-* [Lithuanian *dùrti*, Latin *feriō* and PIE **d^huer(H)-*]. *Indoyevropeyskoye yazykoznaniye i klassicheskaya filologiya*, XXIX (2): 513–530. (In Russ.)

Trubachev O. N. (red.) *Etimologicheskiy slovar' slavyanskikh yazykov. Praslavyanskiy leksicheskiy fond*. [Etymological dictionary of Slavic languages. Proto-Slavic lexical fund]. Vypusk 11. (**копьсь — *котьна(ја)*). Moskva, 1984. (In Russ.)

Tsabolov R. L. *Etimologicheskiy slovar' kurdsogo yazyka* [Etymological dictionary of the Kurdish language]. T. I. A-M. Moskva, 2001–2010. (In Russ.)

Tsabolov R. L. *Etimologicheskiy slovar' kurdsogo yazyka* [Etymological dictionary of the Kurdish language]. T. II. N-Ž. Moskva, 2010. (In Russ.)

Walde A.; Pokorny J. *Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen. Band I*. Berlin; Leipzig, 1930.

Yagello I. D. *Polnyy persidsko-arabsko-russkiy slovar'* [Comprehensive Persian-Arabic-Russian dictionary]. Tashkent, 1910. (In Russ.)

Базисная лексика шугнанского и бартангского языков¹

Елена Евгеньевна Арманд

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

Москва, Россия

armandlena@yandex.ru, earmand@hse.ru

Артем Олегович Бадеев

Института языкознания РАН,

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

Москва, Россия

badeev@iling-ran.ru, badeev.artem@live.com

В статье проводится анализ базисной лексики (список Сводеша) двух близкородственных языков шугнано-рушанской подгруппы восточноиранской группы языков. Списки были собраны авторами методом элицитации в ходе полевых исследований летом 2025 г. Особое внимание уделяется заимствованиям из таджикского, а также ареальной лексике. В списке базисной лексики шугнанского было обнаружено 36, в бартангском — 33 заимствования из таджикского. На основании полученных данных делается вывод о серьезном влиянии таджикского языка на малые бесписьменные языки Памира, усилившемся за последние десятилетия. Большинство разобранных лексем сопровождаются этимологическим комментарием. Видимые расхождения между двумя языками немногочисленны, и только два расхождения удается зафиксировать между исконными лексемами двух языков. Вероятно, их число могло быть и больше, если бы не значительный пласт таджикских заимствований, имеющий место не только в языках шугнано-рушанской группы, но и других иранских идиомах Пами-

¹ Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

ра. Заимствованные относительно недавно, они отразились преимущественно сходным образом в обоих языках — случаев расхождения, где один таджикизм противопоставлялся бы другому, не наблюдается. Авторы приходят к выводу, что огромное влияние, которое таджикский оказал на базисную лексику шугнанского и бартангского, является одним из факторов сближения двух языков.

Ключевые слова: шугнанский язык, бартангский язык, таджикский язык, языки Памира, базисная лексика

Благодарности: Авторы выражают благодарность Университету Центральной Азии за помощь и поддержку в проведении наших исследований.

Для цитирования: Арманд Е. Е., Бадеев А. О. Базисная лексика шугнанского и бартангского языков. *Родной язык. Лингвистический журнал*, 2025, 2: 153–175.

DOI: 10.37892/2313-5816-2025-2-153-175

A basic vocabulary list of the Shughni and Bartangi languages

Elena Yevgenievna Armand

National Research University "Higher School of Economics"
armandlena@yandex.ru, earmand@hse.ru

Artyom Olegovich Badeev

*Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences,
National Research University "Higher School of Economics"*
badeev@iling-ran.ru, badeev.artem@live.com

The present article analyzes the basic vocabulary (Swadesh list) of two closely related languages of the Shughni-Rushani subgroup of the East Iranian group of languages. The lists were collected by the authors using the elicitation method during field research in the summer of 2025. Special attention is paid to borrowings from Tajik, as well as to areal vocabulary. The Shughni basic vocabulary list contains 36

borrowings from Tajik, while the Bartangi basic vocabulary list contains 33 borrowings from Tajik. Based on the data obtained, it is concluded that the Tajik language has had a significant impact on the small, unwritten languages of the Pamir, and that this influence has intensified in recent decades. Most of the analyzed lexemes are accompanied by etymological comments. There are few visible differences between the two languages, and only two differences can be identified between the native lexemes of the two languages. It is likely that there could be more differences if it were not for the significant number of Tajik borrowings that are present not only in the Shughni-Rushani languages, but also in other Iranian languages of the Pamir region.

Keywords: Shughni, Bartangi, Tajiki, Pamir languages, basic vocabulary

For citation: Armand E. Ye., Badeev A. O. A basic vocabulary list of the Shughni and Bartangi languages. *Rodnoy yazyk. Linguistic Journal*, 2025, 2: 153–175.

DOI: 10.37892/2313-5816-2025-2-153-175

1. Социолингвистическая информация об исследуемых языках

Шугнанский и бартангский это близкородственные восточноиранские языки, входящие в шугнано-рушанскую группу, на них говорят в Горно-Бадахшанской автономной области Республики Таджикистан и в провинции Бадахшан в Афганистане. Это бесписьменные языки с небольшим количеством носителей; так, на шугнанском говорят приблизительно 90 тыс. человек (по разным оценкам, от 75 до 130 тыс.), а на бартангском — примерно 5 тыс. человек. Основное население ГБАО это сельские жители, однако приблизительно треть населения, для которых родным языком является шугнанский, проживают в городе Хороге, столице Горного Бадахшана. На бартангском говорят в сельских районах ГБАО, основной ареал распространения языка — среднее течение реки Бартанг.

Оба языка на протяжении долгого времени существуют в окружении и под влиянием других иранских (таджикского, дари, других языков Памира) и неиранских языков (раз-

личных тюркских, русского, арабского через посредство таджикского). Таджикский язык, являясь официальным языком в Таджикистане, оказывает серьезное влияние на письменные языки, поскольку это язык средств массовой информации — радио и телевидения, язык документооборота, а главное — язык преподавания в школах, университетах и др. [Пахалина 1975: 222–223]. Поскольку среднее образование, начиная с 30-ых годов XX века, стало обязательным, все жители Горного Бадахшана в той или иной степени владеют таджикским языком, и как следствие — мы наблюдаем серьезные изменения в словарном составе языков Памира. В последние десятилетия на шугнанский также оказывает влияние русский язык. В городе Хороге практически все жители говорят по-русски. Это связано в том числе с большим потоком эмиграции в Россию, а также с тем, что в некоторых школах Хорога преподавание ведется на русском языке. То же, хотя и в несколько меньшей степени, касается населенных пунктов по течению реки Бартанг. Как следствие — все носители языков Памира как минимум двуязычны и владеют своим родным языком и таджикским, шугнанский стал для памирцев языком лингва франка, также многие владеют русским и английским.

Между языками шугнано-рушанской группы сохраняется взаимопонимание. Поэтому, несмотря на престижный статус шугнанского в Горном Бадахшане, носители бартангского в общении, как правило, не переходят на шугнанский, если не оказываются на продолжительное время в шугнано-язычном окружении. Однако между двумя идиомами существуют расхождения, которые если и не исключают взаимопонимание, то, по крайней мере, затрудняют его.

1.1. Грамматические отличия бартангского языка от шугнанского

Помимо лексических и фонетических расхождений, которым в ряде моментов посвящена данная работа, отмечаются значимые расхождения в грамматике. Так, среди особенностей бартангского можно назвать дифференцированное маркирование объекта при помощи предлога *az* и,

как следствие, более свободный порядок слов, чем в шугнанском; практически полное отсутствие выражения именно-го множественного числа в тех случаях, где в шугнанском языке употребление показателя именного множественного *-en* является обязательным; различение в бартангском при помощи лично-числовых показателей *=an* и *=af* переходных и непереходных глаголов в прошедшем времени в третьем лице множественного числа (ср. шугн. *=en*) и, наоборот, неразличение их в третьем лице единственного числа (в басидском говоре отсутствует энклитический показатель третьего лица единственного числа, ср. шугн. *=i*); отсутствие в бартангском суффиксальной формы преждепрошедшего времени (ср. шугн. *-at*) и образование его при помощи инновационной аналитической конструкции. Подробнее об этих и других расхождениях см. в работе [Соколова 1960: 4–10].

2. Методология исследования

Одним из методов установления языкового родства и степени расхождения между языками в последние десятилетия стал метод глоттохронологии и лексикостатистики, впервые разработанный Моррисом Сводешем [Swadesh 1971]. Для определения степени языкового родства он предложил использовать списки так называемой базисной лексики, куда входят лексемы, наименее подверженные замещению или заимствованию. В этот список, например, попадают слова, обозначающие части тела (голова, грудь, рука, нога и пр.), природные явления и небесные тела (солнце, луна, облако и пр.), самые простые действия (идти, лежать, спать, умирать) и пр.

В нашей статье будет проанализирована базисная лексика шугнанского и бартангского языков, которую авторы собрали методом анкетирования летом 2025 г. во время лингвистической экспедиции на Памир. Шугнанский список был собран у трех респондентов, для которых шугнанский является родным языком, все они проживают в Хороге, имеют высшее образование, владеют также таджик-

ским, русским и английским. Бартангский список собирался у трех респондентов, родившихся и проживающих в селе-нии Басид Рушанского района ГБАО Таджикистана, т. е. все опрошенные являются носителями басидского говора бартангского языка, они имеют оконченное среднее или высшее образование, помимо родного языка, владеют таджикским и русским.

Ниже мы приводим стословный список Сводеша для шугнанского и бартангского языков. По возможности мы записываем лексемы так, как они приводятся в словаре (Д. Карамшоев «Шугнанско-русский словарь»; В. С. Соколова «Бартангские тексты и словарь»), мы пользуемся электронной версией словарей, размещенных на <https://pamiri.online/dict> [Makarov et al. 2022]. Далее мы прокомментируем заимствования из таджикского и других языков, попавшие в наш список, и отдельные лексемы иранского происхождения, а также укажем степень расхождения между языками.

Заимствуясь из таджикского языка, лексемы подвергаются фонетической адаптации. К наиболее частым фонетическим изменениям относятся:

- 1) выпадение тадж. *h* (фонема, обозначаемая в таджикском буквой *ҳ*);
- 2) часто таджикская фонема *š* отражается в шугнанском как *š̌*;
- 3) часто таджикская фонема *z* переходит в шугнанском в *ž*;
- 4) в относительно новых заимствованиях таджикское сочетание *on* отражается как *ŋn*; также как *ŋ* отражается таджикская гласная *ū*, обозначаемая буквой *ӯ*;
- 5) таджикская фонема *b* переходит в *v*;
- 6) конечная таджикская *a* в шугнанском и бартангском удлинняется в ударной позиции.

Таблица. Стословный список Сводеша для шугнанского и бартангского языков

№	значение	шугнанский	бартангский
1	все	<i>fukaθ</i>	<i>fuk(aθ)</i>
2	зола	<i>θīr</i>	<i>aθer</i>
3	кора	<i>pūst</i>	<i>pūst</i>

4	живот	<i>qič</i>	<i>qöč</i>
5	большой	<i>yullā</i>	<i>yullā</i>
6	птица	<i>wiḍič</i>	<i>waḍič / parandā</i>
7	кусать	<i>žiray- : žiruχt : žiriχtow</i>	<i>žirāw- : žiruχt : žiriχtow</i>
8	черный	<i>têr</i>	<i>tor</i>
9	кровь	<i>xūn / wixin</i>	<i>xūn / waxin</i>
10	кость	<i>sitxūn</i>	<i>axson</i>
11	грудь	<i>sinā</i>	<i>sinā</i>
12	жечь/сжечь	<i>θêw- : θêwd (θud) : θidow (θêwdow) / piḍin- : piḍid : paḍidow</i>	<i>θāw- : θud : θidow / paḍin- : paḍid : paḍidow</i>
13	облако	<i>abr</i>	<i>abri</i>
14	холодный	<i>šito</i>	<i>šito</i>
15	приходить	<i>yad- : yat : yatow</i>	<i>yed- : yat : yatow</i>
16	умирать	<i>mar- : mūd : mīdow</i>	<i>mīr- : mūg : megow</i>
17	собака	<i>kud</i>	<i>kud</i>
18	пить	<i>birêz- : birōχt : birêχtow</i>	<i>b(i)roz- : b(i)roχt : b(i)reχtow</i>
19	сухой	<i>qoq / xuχk</i>	<i>qoq / xuχk</i>
20	ухо	<i>γũγ</i>	<i>γũ</i>
21	земля	<i>zimaδ</i>	<i>sit</i>
22	есть	<i>xār- : xūd : xīdow</i>	<i>xār- : xūg : xegow</i>
23	яйцо	<i>tarmurx</i>	<i>taxmury</i>
24	глаз	<i>cem</i>	<i>cem</i>
25	жир	<i>čarvi</i>	<i>čarvī</i>
26	перо	<i>pār</i>	<i>pūnd / pār</i>
27	огонь	<i>yoc</i>	<i>yoc</i>
28	рыба	<i>moyi</i>	<i>moyi</i>
29	летать	<i>riwoz- : riwuχt : riwiχtow</i>	<i>rawāz- : rawōχt : raweχtow</i>
30	нога	<i>poδ</i>	<i>peδ</i>
31	полный (о заполненности)	<i>lap / pur</i>	<i>γak</i>
32	давать	<i>dā(k) kin- : dā(k) čūd : dā(k) čīdow</i>	<i>dā kin- : dā čūg : dā čegow</i>

33	идти	<i>sā(w)- : sut : sitow</i>	<i>saw- : sud : sidow</i>
34	хороший	<i>bašānd</i>	<i>bašānd</i>
35	зеленый	<i>sāvz</i>	<i>sāvz</i>
36	волосы	<i>γūnʃ</i>	<i>γūnʃ</i>
37	рука	<i>δust</i>	<i>δöst</i>
38	голова	<i>kāl</i>	<i>köl</i>
39	слышать	<i>ǰin- : ǰud : ǰidow</i>	<i>ǰan- : ǰud : ǰidow</i>
40	сердце	<i>zorδ / dil</i>	<i>zorδ / dil</i>
41	рог	<i>xoǰ</i>	<i>xoǰ</i>
42	я	<i>(w)uz</i>	<i>āz</i>
43	убивать	<i>zīn- : zīd : zīdow</i>	<i>zān- : zōd : zedow</i>
44	колено	<i>zūn</i>	<i>zon</i>
45	знать	<i>wizūn- : wīzent : wīzentow / fām : fāmt : fāmtow</i>	<i>wīzon- : wīz- ont : wīzontow / fām- : fāmt : fāmtow</i>
46	лист	<i>pārḱ</i>	<i>pārḱ</i>
47	лежать	<i>ǰofc- : ǰovd : ǰevdow</i>	<i>aǰafs- : aǰovd : aǰevdow</i>
48	печень	<i>ǰīgār</i>	<i>θod</i>
49	длинный	<i>daroz</i>	<i>daroz</i>
50	вошь	<i>sipaǰ</i>	<i>sipāw</i>
51	мужчина	<i>čorik / mardīnā</i>	<i>mardīnā / čorik</i>
52	человек	<i>odam</i>	<i>odam</i>
53	много	<i>lap / fana</i>	<i>lap(aθ)</i>
54	мясо	<i>gūǰt</i>	<i>gūǰt</i>
55	луна	<i>mēst</i>	<i>most</i>
56	гора	<i>kū</i>	<i>kū</i>
57	рот	<i>γēv</i>	<i>γem</i>
58	ноготь	<i>noxūn</i>	<i>noxūn</i>
59	имя	<i>nūm</i>	<i>nom</i>
60	шея	<i>māk</i>	<i>māk</i>
61	новый	<i>naw</i>	<i>naw</i>
62	ночь	<i>ǰāb</i>	<i>ǰāb</i>
63	нос	<i>nēz</i>	<i>noz</i>
64	не	<i>na / ma</i>	<i>na / ma</i>
65	один	<i>yīw</i>	<i>yīw</i>

66	дождь	<i>borûn</i>	<i>boron / ðiyoč</i>
67	красный	<i>rūšt</i>	<i>rōšt</i>
68	дорога	<i>pûnd</i>	<i>pond</i>
69	корень	<i>wiyēš</i>	<i>wayoš</i>
70	круглый	<i>žurn</i>	<i>žörn</i>
71	песок	<i>šoš</i>	<i>šoš</i>
72	сказать	<i>lûv- : lûvd : lûvdow</i>	<i>luv- : luvd : luvdow</i>
73	видеть	<i>win- : wînt- : wîntow</i>	<i>wîñ- : wînt : wîntow</i>
74	семя	<i>tûym</i>	<i>tûym</i>
75	сидеть	<i>nīθ- : nūst : nistow</i>	<i>niθ- : nōst : nestow</i>
76	кожа	<i>pûst</i>	<i>pûst</i>
77	спать	<i>ṡēfc- : ṡovd : ṡēvdow</i>	<i>aṡafs- : aṡovd : aṡevdow</i>
78	маленький	<i>zulik</i>	<i>zul</i>
79	дым	<i>ḡud</i>	<i>ḡud</i>
80	стоять	<i>wirāfc- : wirūvd : wirīvdow</i>	<i>wirāfs- : wirūvd : wirevdow</i>
81	звезда	<i>ṡiterʒ</i>	<i>ṡitorʃ</i>
82	камень	<i>žir</i>	<i>žer</i>
83	солнце	<i>xir</i>	<i>xör</i>
84	плавать	<i>ṡinowari kin-</i>	<i>ṡinowari kin- / waz- : wazd : wazdow</i>
85	хвост	<i>ḡum</i>	<i>ḡum</i>
86	тот	<i>yam / yid / yu</i>	<i>yim / yid / yā</i>
87	этот		
88	язык	<i>ziv</i>	<i>ziv</i>
89	зуб	<i>ḡindûn</i>	<i>ḡandon</i>
90	дерево	<i>diraxt</i>	<i>daraxt</i>
91	два	<i>ḡu</i>	<i>ḡaw</i>
92	теплый	<i>kaš / ḡarm</i>	<i>kaš / ḡarm</i>
93	вода	<i>ṡac</i>	<i>ṡac</i>
94	мы	<i>māš</i>	<i>māš</i>
95	что	<i>čiz</i>	<i>čiz</i>
96	белый	<i>safed</i>	<i>safed</i>
97	кто	<i>čay</i>	<i>čī</i>
98	женщина	<i>ṡinik</i>	<i>kaxwoy / ṡanik</i>

99	желтый	<i>zīrd</i>	<i>zīrd</i>
100	ты	<i>tu</i>	<i>tū</i>

3. Таджикские заимствования в шугнанском и бартангском стословном списке

3.1. Общие для шугнанского и бартангского заимствования из таджикского²:

3. 'кора' и 76. 'кожа'³: шугн. *pūst*, барт. *pūst* из тадж. *nūst* из праир. **rauasta-* 'покрывающий слой, оболочка' [ЭСИЯ 6: 271–273], во всех трех языках не различаются значения 'кора' (дерева) и 'кожа' (человека или животного).

10. 'кость': шугн. *sitxūn*, бартанг. *axson*, сарык. *istxun*, руш. *sitxon / sutxon*, вах. *sətxon* трансформированные заимствования из тадж. *устухон* 'кость', праир. **asta-axw-* (**axw > *axv > ux* 'душа') [ЭСИЯ 1: 234, Hassandoust: 204].

11. 'грудь': шугн., барт. *sinā* из тадж. *сина*.

13. 'облако': шугн. *abr* (в словаре Карамшоева приводится форма *abri*), барт. *abri* из тадж. *абр* из праир. **abra-* 'облако, туча' [ЭСИЯ 1: 74].

23. 'яйцо': шугн. *tarmurx*, барт. *taxmury* с фонетическими изменениями из тадж. словосочетания *тухми мурғ* букв. 'куриное яйцо', где *тухм* 'семья', *-и* изафет, *мурғ* 'птица'.

25. 'жир': шугн. *čarvī*, барт. *čarvī* суффиксальное образование из тадж. *чарб* 1. 'жир, сало, внутреннее сало' (при этом в шугн. *čarv* 'масло').

26. 'перо': шугн., барт. *pār* из тадж. *пар* 'перо; перья; пух; крыло; крылья' из праир. **parna-* 'перо, крыло, лист' [ЭСИЯ 6: 183].

28. 'рыба': шугн., барт. *moyi* из праир. **masīa-*, **māsī*, по-видимому, заимствовано из бадахшанского говора таджикского, где во многих позициях выпадает таджикское *h*,

² Все значения для таджикских лексем приводятся по Таджикско-русскому словарю под редакцией Мирзобоева.

³ Для удобства мы проставляем в начале абзаца цифры, которые отсылают к номеру лексемы в списке Сводеша (приведенной выше таблицы).

однако в интервокальной позиции возникает у [Розенфельд 1971: 9, ЭСИЯ 5: 264–265].

32. ‘давать’: шугн. *dāk čīdow*, барт. *dā čegow* сложный глагол, где шугн. «*dāk* – позднее образование от **dā*- с элементом *k*- от вспомогательного глагола *kin-* : *čūd* ‘делать’, поскольку часто употребляется в повелительном значении без личной формы глагола» цит. по [ЭСИЯ 2: 437], по всей видимости, эта форма представляет собой заимствование, поскольку в простых глаголах шугн. *δād-* : *δod* : *δēdow* ‘давать; дарить; отдавать; предоставлять’, барт. *δād-* : *δod* : *δēdow* ‘давать, бить’, которые являются прямым продолжением праир. **dā*- ‘давать, отдавать, дарить’, должен быть начальный *δ-*, а не *d-*.

34. ‘хороший’: шугн., барт. *bašānd*, по мнению Моргенстерна, заимствовано из тадж. *басанда* ‘достаточный; убедительный; веский’, *басанда будан* ‘быть достаточным’ [Morg. EVSh.: 21].

35. ‘зеленый’: шугн. *sāvz*, барт. *sāvz* из тадж. *сабз* ‘зеленый, свежий’.

38. ‘голова’: шугн. *kāl*, барт. *köl / kāl* из тадж. *калла* 1. ‘голова, башка’; 2. *разг., пер.* ‘голова; умный, мудрый человек’, праир. **kalā*-, **kallā*-, **kālā*- [ЭСИЯ 4: 189–190], в шугнанском и бартангском это основное слово для обозначения головы человека и животного, не имеет пренебрежительных оттенков (‘башка’), как в таджикском и персидском.

41. ‘рог’: шугн., барт. *хоҳ* с метатезой из тадж. *шох* ‘рог, ветка’ из праир. **šāxā*- < **syāxā*- ‘рог, ветка’ [Hassandoust: 1820].

49. ‘длинный’: шугн., барт. *daroz* из тадж. *дароз* ‘длинный, высокий, долгий’ из праир. **drājīah*- ‘длиннее, дальше, длительнее’ (сравн. от **darga*-) [ЭСИЯ 2: 351].

52. ‘человек’: шугн., барт. *odam* из тадж. *одам* 1. ‘человек’; 2. ‘слуга, человек’; 4. ‘народ, люди’, это заимствованное из арабского языка слово входит в персидский (*ādam*) и таджикский стословный список.

54. ‘мясо’: шугн., барт. *gūxt* из тадж. *гӯшт* ‘мясо’, от **gaušti*- ‘мясо’ [ЭСИЯ 3: 212].

56. 'гора': шугн., барт. *kū* из тадж. *kūḥ* 'гора', из праир. **kaura-* / **kaufa-* 'гора, холм, горб', прямым продолжением этого корня в шугнанском стали лексемы со значением 'горб быка, верблюда' *kūf*, *kūp*, *kūfūn* 'горб (верблюда, быка)', *kūfā* 'горб' [ЭСИЯ 4: 371, 372].

58. 'ноготь': шугн. *noḥūn*, барт. *noḥūn* из тадж. *noḥun* 'ноготь, коготь' из праир. **nāx(u/a)-na-* 'ноготь, коготь' [ЭСИЯ 5: 523].

59. 'имя': шугн. *nūt*, барт. *not*, тадж. *nom* 'имя, название; наименование', однако, возможно, собственное продолжение праир. **nātan-* 'имя, название' [ЭСИЯ 5: 538–539]. В таджикском лексема *nom* имеет более широкое значение и употребление 'репутация; слава; известность', тогда как в шугнанском словаре зафиксированы выражения, целиком заимствованные или построенные по модели таджикских: *nūt-i xidoū* 'слава богу', букв. 'имя бога' (с сохранением таджикского изафета); *nūt δ- (dāδ-)* 'наименовать, называть' – калька с тадж. *nom dodan* букв. 'дать имя'.

61. 'новый': шугн., барт. *naw* из тадж. *nav* 'новый, свежий', от праир. **naṣa-* 'новый, молодой; свежий, недавно' [ЭСИЯ 5: 509–510].

62. 'ночь': шугн., барт. *xāb* из тадж. *šab* 'ночь, вечер', от праир. **xšar-*.

66. 'дождь': шугн. *borūn*, барт. *boron* из тадж. *boron* 'дождь', от праир. корня **uār-* 'идти (о осадках)' [Расторгуева 1990: 101].

68. 'дорога': шугн. *pūnd*, барт. *pond*, видимо, раннее заимствование из кл.-перс. *pand* 'наставление, поучение', но по семантике ближе ср.-перс. *pand* 1. 'дорога, путь', 2. 'напутствие, наставление, совет', поскольку в совр. тадж. и перс. такое значение не сохранилось, возможно собственное продолжение; тадж. *pand*, совр. перс. *pand* 'наставление; нравоучение; увещание' из праир. **pantā-* : **paθā-* 'путь, тропа, дорога' [ЭСИЯ 6: 123].

74. 'семья': шугн. *tūyt*, барт. *tūyt* из тадж. *tuxm* 1. 'семья; зерно'; 2. 'яйцо', ав. *taoxman-* [Morg. EVSh.: 80].

84. 'плавать': шугн. *šinowarī čīdow*, барт. *šinovarī čegow* из тадж. *шиноварӣ кардан* 'заниматься плаванием, плавать', сложный глагол, где *шиноварӣ* 'плавание' (в свою очередь суффиксальное образование от *шиновар* 'пловец'), при этом в таджикском и персидском основным глаголом, попадающим в стословный список, является тадж. *шино кардан*, перс. *šinā kardan*, где *шино* / *šinā* 'плавание'.

89. 'зуб': шугн. *šindūn*, барт. *šandon* из тадж. *дандон* 'зуб' из праир. **dantān-* «при возможной контаминации с ранним заимствованием из таджикского языка» [ЭСИЯ 2: 330].

90. 'дерево': шугн. *diraxt*, барт. *daraxt* из тадж. *дарахт* 'дерево', праир. **draxta-* 'крепко стоящий', причастие прошедшего времени от глагола **drag-*, **dra-n-g-* 'держат, удерживать, укреплять' [ЭСИЯ 2: 454, 456].

95. 'что': шугн., барт. *čīz* из тадж. *чиз* 'вещь, предмет', в тадж. чаще употребляется с неопределенным артиклем *-е*, тогда означает 'нечто, что-то', при наличии отрицания при глаголе – 'ничто'. В шугнанском *čīz* также употребляется в значении 1. 'вещь, предмет; имущество; богатство', 2. 'за-чем?; к чему?; почему?; что?' и пр.

96. 'белый': шугн., барт. *saŋed* из тадж. *сафед* 'белый' от праир. **spaita-* 'белый' [Hassandoust: 1680].

3.2. Общие для шугнанского и бартангского синонимические ряды:

9. 'кровь': шугн. *xūn* / *wixin*, барт. *xūn* / *waxin*, оба слова являются продолжением праир. **vahun-* [Hassandoust: 1213–1214] или **vahvan(i)-* [Стеблин-Каменский 1999: 401], однако *xūn* из тадж. *хун* 'кровь', во-первых, называется носителями в качестве первой реакции, во-вторых, используется в качестве медицинского термина, например в сочетании «перелить кровь от одного человека другому».

19. 'сухой': шугн., барт. *qoq* / *xiħk* — оба слова заимствованы из таджикского, первое в свою очередь заимствовано в таджикский *қоқ* 'сухой, черствый' из узбекского *қақ* [ЭСТЯ, сл.статья "Қақ"], зафиксировано во всех диалектах/говорах таджикского, однако ни в одном из них не стало основным, второе — таджикское *хушк* 'сухой, высохший, засохший'.

40. 'сердце': шугн., барт. *zorδ / dil* обе лексемы являются продолжением праиранского корня **žrd-* [Расторгуева 1990: 130], первое — шугнанское, второе — из тадж. *дил* 1. *анат*. 'сердце, 2. душа, сердце', по всей видимости, оно замещает исконное слово, поскольку употребляется в качестве медицинский термина и для обозначения органа человека и животного, тогда как *zorδ* остается во фразеологизмах.

45. 'знать': шугн., барт. *wizentow / fāmtow*, первый глагол *wizentow* с превербом *wi-* восходит к праиранскому корню **žān-*, то же, что кл. перс. *dān-* [Расторгуева 1990: 130], второе — заимствование из тадж. *фаҳмидан* 'понимать, постигать, постигать', которое в свою очередь было заимствовано в кл. перс. из арабского.

51. 'мужчина': шугн. *čorik / mardīnā*, барт. *mardīnā / čorik*, эти лексемы используются как синонимичные с той лишь разницей, что шугнанцы первой называют *čorik*, и из троих опрошенных лишь двое называли *mardīnā*, а бартангцы — *mardīnā*. Первая лексема *čorik* суффиксальное образование от *čor* 'муж, супруг' — фонетически закономерное продолжение общеир. основы **kāra-* 'народ, войско, армия' [ЭСИЯ 4: 389–390]. Вторая лексема *mardīnā* заимствована из тадж. *мардина* 'мужчина; муж, супруг' (с суффиксом *-ина*, при наличии в тадж. лексемы *мард* 'мужчина, человек' и др. восходит к праир. причастию **mart-* и **martija-* 'смертный' от глагола **mar-* : *mṛ-* 'умирать' с регулярным по языкам семантическим переходом в 'человек, мужчина' [ЭСИЯ 5: 205, 213].

92. 'теплый': шугн., барт. *kaš / gārm*, если исходить из словарной информации, то у этих прилагательных есть распределение: *kaš* 'горячий', тогда как *gārm* 'теплый', однако наши респонденты называли обе лексемы как синонимичные. Шугн., барт. *gārm* из тадж. *гарм* 1. 'горячий; жаркий', 2. 'теплый, утепленный' и др. из праир. **garma-* 'теплый, жаркий', это распространенное в иранских языках суффиксальное образование от глагольного корня **gar-* : *gṛ-* 'гореть, жечь' [ЭСИЯ 3: 160–162].

3.3. Таджикские заимствования

только в шугнанском:

31. ‘полный’ (о заполненности): шугн. *lap* из **lap*- ‘большой; многий; очень’, возможно, не иранского происхождения, вошло в таджикские диалекты из восточноиранского субстрата [ЭСИЯ 5: 74]; *pur* из тадж. *пур* 1. ‘полный, наполненный’; 2. ‘много’, праир. **par*- : *pṛ*- (: **pVr*-), **frā*- (< **prā*-) ‘наполнять(-ся), делать(-ся) полным; насыщать(-ся); быть / делать изобильным’ [ЭСИЯ 6: 130, 136].

48. ‘печень’: шугн. *jīgār* из тадж. *чигар* ‘печень’, из праир. **yakar*- ‘печень’ [Hassandoust: 959].

4. Нетаджикские заимствования и избранные этимологии

В сравнении с таджикским, влияние других языков на состав базисной лексики шугнанского и бартангского языков оказывается невелико, однако не отсутствует полностью. Однозначно тюркского происхождения:

19. ‘сухой’ шугн., барт. *qoq*, заимствованное, впрочем, также из таджикского, ср. тадж. *қоқ* ‘сухой, черствый’. В таджикский в свою очередь это слово попало из узбекского, на что указывает специфически узбекский вокализм, ср. отражение праформы **қақ* ‘сухой, сушеный; высушенный’ в языках региона: узб. *қақ*, но кир., уйг., турк., ккал. *қақ* [ЭСТЯ, статья “Қақ”].

К словам, не заимствованным из таджикского, но не имеющим при этом прочной иранской этимологии, следует отнести:

5. ‘большой’ шугн., барт. *yullā*;

14. ‘холодный’ шугн., барт. *śito*;

53. ‘много’ шугн., барт. *lap* (в шугн. также 31. ‘полный’);

60. ‘шея’ шугн., барт. *māk*;

78. ‘маленький’ шугн. *zulik*, барт. *zul*;

92. ‘теплый’ шугн., барт. *kaš*; 4. ‘живот’ шугн. *qīč*, барт. *qöč*.

Вышеперечисленные слова распространены в ареале Памира-Гиндукуша, но (с некоторыми оговорками) не встречаются в иранских языках за его пределами, что позволяет охарактеризовать эту группу слов как ареальную лексику в шугнано-рушанских языках. При этом установить в точности источник заимствования представляется затруднительным. Лишь в некоторых случаях возможна праиранская реконструкция, но и тогда шугнано-бартангские формы не выводятся из нее непосредственно, что указывает на заимствование из некоего, вероятно индоиранского, источника. Ср. следующие лексемы:

14. ‘холодный’ шугн., барт. *šito*; в связи с шугнано-рушанскими ср. язг. *šiy-*, *šəy-* ‘мерзнуть’; вах, ишк. *šak*, тадж. *šaq* ‘мороз, иней’; язг. *ši-* ‘мерзнуть’ [ИЭСОЯЗ 191], а также др.-инд. *śinā-* ‘замерзший’, *śitā-* ‘холодный’, *śyā-* ‘лед’, *śyāyati* ‘морозит’ [Стеблин-Каменский 1999: 325]. При этом возведение шугн., барт. *šito* ‘холодный’ непосредственно к реконструируемому корню **šī-* : **šīa-* не представляется возможным в силу того, что **ś-*, **šī-* типично отражается как шугн., барт. *s-* [Эдельман 1986: 83], также нерегулярным является шугн., барт. *-to*, если из **šīta-*.

4. ‘живот’ шугн. *qīč*, барт. *qōč*, ср. также руш. *qoč*, сарык. *qec*; разнообразие шугнано-рушанских форм позволяет восстановить прашугнанорушанский **-a-* в нейтральной позиции. Однако и отражение согласных, и семантика слова указывают на заимствование (очевидно, давнее) из индоиранского, вероятно, дардского источника. Слово с такой семантикой встречается в древнеиндийском, ср. *kukṣi-* ‘Bauch, Unterleib’ [Mayrhofer 1992: 360]; оно же связывается с др.-инд. *kakṣā* ‘Achselhöhle’, ср. авест. *kaša-*, перс. *kaš* ‘ibid.’ < и.-е. **kokso-* [Mayrhofer 1992: 288]. Когнаты первого корня также встречаются в иранских языках, в частности языках Горного Бадахшана, однако дают там иное семантическое развитие, ср. вах. *kýš*, ишк. *kýš*, язг. *g°os*, перс., тадж. *kus* (вместо ожидаемого перс., тадж. **kuš*) ‘vulva, vagina’ [Стеблин-Каменский 1999: 222; ЭСИЯ4: 411]. В то же время кашм. *kačh* ‘подмышка’; паш. *kūč*, кал. *kuč*, кашм. *kočh* ‘живот’ де-

монстрируют специфически дардское развитие кластера согласных и.-е. **ks* > дард. **čh*, но др.-инд. **kṣ* [Коган 2005: 75–77]. Таким образом, в силу фонетического, семантического отражения корня, а также сведений об ирано-дардских контактах, следует полагать, что шугн. *qīč*, барт. *qōč* — это дардское заимствование в шугнано-рушанских.

60. ‘шея’ шугн., барт. *māk* вероятно, представляет собой пример лексики, имеющей субстратное неиндоиранское происхождение, ср., отмеченное в таджикских говорах Бадахшана как тадж. дарв., ишк. *tak*, также вах. *māk* ‘шея’ [Morg. EVSh.: 44]; ягн. *tak* ‘темя’; в индо-арийских языках башк. *tañ* ‘шея’, шина *māñi* ‘кадык’, синдхи *tañi*, *tañi-ko* ‘сухожилия шеи’, etc., но ср. др.-инд. *tanuṣa-* ‘задняя часть шеи’, а также в дравидийских языках колами *tak*, найки *takk* ‘шея’ [Стеблин-Каменский 1999: 231]. К этому ряду примыкает, возможно, осет. диг. *tæk’ur* ‘затылок’, однако ему также приписывается звукосимволическое происхождение [ЭСИЯ 5: 172].

5. Расхождения в базисной лексике двух языков и избранные этимологии

5.1. Расхождения, вызванные заимствованиями

Расхождения в базовой лексике между шугнанским и бартангским немногочисленны. В большинстве случаев речь идет о случаях, когда в одном из языков заимствованное слово вытесняет исконное, в то время как в другом языке исконное слово сохраняется:

48. ‘печень’ барт. *θod* из *θāw-* ‘жечь’, ср. с точки зрения семантики русс. ‘печень’, кати *yāi-pčī* из **yakan-pač-* [Morg. EVSh.: 83], а также шугн. (устаревшее?) *θod* (словарь Карамшоева), не обнаруженное нами в результате эликации; однако шугн. *jiğār* из тадж. *чигар* (см. подробнее в 3.3).

26. ‘перо’ барт. *pünd* < **parpa-*, но шугн., барт. *pār* из тадж. *пар*; финальное *-d* в барт. *pünd* появилось, по-видимому, в результате эпентетического наращения, ср. шугн. (устаревшее?) *pūp* ‘перо’, авест. *parəna-*, согд. *prn*, хорезм. *pn-yh* ‘his

feathers' [Morg. EVSh.: 56]; ср. также барт. *town(d)* при шугн. *mūn*, руш. *māwn* 'яблоня; яблоко' < **amarnā*- [Morg. EVSh.: 44].

31. 'полный' барт. *ʔak* (см. этимологию в 5.2), но шугн. *pur* из тадж. *пур* (см. 3.3).

41. 'рог' барт. *ḫāw* < **sruwā*-, ср. руш. *ḫāw*, сарык. *ḫew*, язг. *ḫow* [Morg. EVSh.: 104]; авест. *srū*-, *srwā*- 'Horn der Tiere (und tierähnlichen Wesen)' [AiW.: 1647]; но шугн., барт. *хоḫ* из тадж. *шоҳ* с метатезой и дальнейшей фонетической адаптацией **šox* > **хоš* > *хоḫ* (см. 3.1).

66. 'дождь' барт. *ḍiyōč* от глагола *ḍi*- : *ḍod* 'падать', ср. язг. *ḍiy*- : *ḍed* 'to rain', *ḍiyan* 'precipitation' [Morg. EVSh.: 104]; бадж. *ḍiyan* 'осадки; дождь; снег', руш. *ḍayān* 'дождь, осадки' (?); но шугн. *borūn*, барт. *boron* из тадж. *борон* (см. 3.1).

Кроме того, нельзя не отметить значимо большую употребимость заимствованных форм *kaḫwoy* 'женщина' и 'мужчина' в бартангском по сравнению с шугнанскими *kaḫou* 'женщина' и *mardīnā* 'мужчина'. В то время как в бартангском равноправно употребляются пары исконных слов и таджикских заимствований, ср. 51. 'мужчина' барт. *mardīnā* и *čorik*, 98. 'женщина' *kaḫwoy* и *ʔanik*, в шугнанском предпочтение отдается исконным вариантам шугн. *čorik* 'мужчина' и *ʔinik* 'женщина'. Такие расхождения преимущественно являются недавними, о чем говорит фонетический облик таджикских заимствований. В большинстве приведенных противопоставлений в шугнанском языке обнаруживается частичный или полный когнат бартангского слова, однако примечательны и обратные случаи, ср. 41. 'рог' барт. *ḫāw*, которое, впрочем, возможно реконструировать на прашугнано-язгулямском уровне; 31. 'полный' барт. *ʔak*, о котором подробнее см. в 5.2.

5.2. Расхождения в исконной лексике

Расхождения отмечаются также и в исконной лексике. Так можно охарактеризовать две пары слов 21. 'земля' шугн. *zimaḍ* и барт. *sit*; 31. 'полный' шугн. *lap* и барт. *ʔak*; второе только в том случае, если зачесть ареальное слово *lap* в качестве исконного. По крайней мере ареал его распространения указывает на (восточно)иранское происхо-

ждение, ср. схожие слова в ряде иранских языков Памира-Гиндукуша, например в таджикских говорах Бадахшана: вандж. *lav*; кар. *lu(m)b* ‘much’ [Morg. EVSh.: 42]; также дарв. *lum(b)* ‘большой; огромный; много’; вах. *lur* ‘большой; взрослый; много’, ишк. *lip*; пшт. *loy*, *luu*; в дардских также кхов. *lott* ‘большой’, паш., гав., вот. *lau*, *lou* ‘много’ [Стеблин-Каменский 1999: 227]. Сюда же, вероятно, относятся западноиранские тал. *lār* ‘очень, совсем, совершенно’, тат. *lap* ‘очень, самый; в высшей степени; вполне, совершенно’ [ЭСИЯ5 74]. Впрочем, также нельзя назвать завершенной дискуссию по поводу этимологии барт. *ʔak*, который, хотя и сравнивается с перс. *čāq*, пшт. *čāu* (из перс.?), хорезм. *c’k* [*cāk*] ‘полный, налитый до краев’, также осет. ир. *zag*, диг. *izag* ‘полный’, но не возводится напрямую к реконструируемой праформе **(vi-)čak-* [ЭСИЯ3 213]. К бартангскому примыкают руш. *ʔak* ‘полный’, язг. *ʔam* ‘полный, полно’ [Эдельман 1971: 109], и в этом случае возможно либо реконструировать иную праформу, например начинающуюся на **j-*, **(u)zr-*, которая дала бы шугн.-язг. *ʔ-* ([Morg. EVSh.: 38]), либо постулировать заимствование из неизвестного источника. Нельзя исключить и звукосемантическую природу слова.

Что касается 21. ‘земля’ шугн. *zimaδ* и барт. *sit*, имеет место семантическое расхождение, так как оба слова присутствуют в виде когнатов в обоих языках, ср. шугн. *sit*, в ходе элицитации отмеченное исключительно в значении ‘пыль, песок’, но словарное значение по словарю Карамшоева также ‘земля, почва, грунт’; барт. *zimārδ* ‘поверхность земли’. Что касается этимологии, оба образования без сомнения реконструируются на общеиранском уровне. Так, шугн. *zimaδ*, барт. *zimārδ* < **zam-* ‘земля’, ср. с точки зрения образования язг. *zəməδ* ‘земля’ [Эдельман 1971: 345], авест. *zamarə*, *zəmaða* ‘on the earth’ [Morg. EVSh.: 108]; шугн., барт. *sit* < **šīta-* < **šīta-* или **šikita-*, ср. язг. *šat* ‘пыль, прах, земля’, вах. *šət* ‘земля’, ишк. *šyt* ‘прах, пыль’; осет. ир. *sygyt*, диг. *sigit* ‘земля (как вещество)’, пшт. *šəga* ‘песок’, мдж. *səgya*, х.-с. *siyata-* ‘песок’, курд. *sigit* ‘земля’, etc. [Эдельман 1986: 83; ИЭСОЯ3 187].

6. Выводы

В списке базисной лексики шугнанского мы обнаруживаем 36 заимствований из таджикского, в бартангском — 33, при этом имена существительные (25 из 53) и прилагательные (7 из 15) заимствуются чаще, чем глаголы (3 из 15), личные местоимения и числительные сохраняются в обоих языках. Среди глаголов заимствованы 'плавать', видимо как не свойственный культуре концепт, поскольку природные условия, в которых живут памирцы, не предполагают плавание человека по реке (возможно переправлять(-ся) через реку, но не плавать); также заимствован глагол 'знать' (при сохранении собственного) и глагол 'давать', который очень похож на свой собственный.

Видимые расхождения между двумя языками немногочисленны, и только два расхождения удастся зафиксировать между исконными лексемами двух языков. Вероятно, их число могло быть и больше, если бы не значительный пласт таджикских заимствований, имеющий место не только в языках шугнано-рушанской группы, но и других иранских идиомах Памира. Заимствованные относительно недавно, они отразились преимущественно сходным образом в обоих языках — случаев расхождения, где один таджикизм противопоставлялся бы другому, не наблюдается. Таким образом, следует признать, что то огромное влияние, которое таджикский оказал на базовую лексику шугнанского и бартангского, является одним из факторов сближения двух языков.

Литература

ИЭСОЯЗ — Абаев В. И. *Историко-этимологический словарь осетинского языка*. Т. 3. Москва; Ленинград, 1979.

Карамшоев Д. *Шугнанско-русский словарь*. Т. 1–3. Москва: 1988, 1991, 1999.

Коган 2005 — Коган А. И. *Дардские языки: Генетическая характеристика*. Москва, 2005.

Пахалина 1975 — Пахалина Т. Н. *Сравнительный обзор памирских языков*. Москва, 1975.

Расторгуева 1990 — Расторгуева В. С. *Сравнительно-историческая грамматика западноиранских языков. Фонология*. Москва, 1990.

Розенфельд 1971 — Розенфельд А. З. *Бадахшанские говоры таджикского языка*. Ленинград, 1971.

Соколова 1960 — Соколова В. С. *Бартангские тексты и словарь*. Москва, 1960.

Стеблин-Каменский 1999 — Стеблин-Каменский И. М. *Этимологический словарь ваханского языка*. Санкт-Петербург, 1999.

Таджикско-русский словарь. Под ред. Мирбобоева А. Душанбе, 2006.

Эдельман 1971 — Эдельман Д. И. *Язгулямско-русский словарь*. Москва, 1971.

Эдельман 1986 — Эдельман Д. И. *Сравнительная грамматика восточноиранских языков: Фонология*. Москва, 1986.

ЭСИЯ — Расторгуева В. С., Эдельман Д. И. *Этимологический словарь иранских языков*. Т. 1–3. Москва: 2000, 2003, 2007. Эдельман Д. И. *Этимологический словарь иранских языков*. Т. 4–6. Москва: 2011, 2015, 2020.

ЭСТЯ — Левитская Л. С., Дыбо А. В., Рассадин В. И. *Этимологический словарь тюркских языков*. Москва, 1997.

AiW — Bartholomae Ch. *Altiranisches Wörterbuch*. Strassburg, 1904.

Hassandoust — Hassandoust M. *An Etymological Dictionary of the Persian Language*. V. 1–5. Tehran, 1395 (2016).

Mayrhofer 1992 — Mayrhofer M. *Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen*. I Band. Heidelberg, 1992.

Morg. EVSh. — Morgenstierne G. *Etymological Vocabulary of the Shughni Group*. Wiesbaden, 1974.

Swadesh 1971 — Swadesh M. *The origin and diversification of language*. Chicago, 1971.

References

Abayev V. I. *Istoriko-etimologicheskii slovar' osetinskogo yazyka*. T. 3 [Historical-Etymological Dictionary of the Ossetic language. Vol. 3]. Moskva–Leningrad, 1979. (In Russ.)

Bartholomae Ch. *Altiranisches Wörterbuch*. Strassburg, 1904.

Edel'man D. I. *Sravnitel'naya grammatika vostochnoiranskikh yazykov: Fonologiya* [Comparative Grammar of Eastern Iranian languages. Phonology]. Moskva, 1986. (In Russ.)

Edel'man D. I. *Yazgulyamsko-russkii slovar'* [Yazghulami-Russian Dictionary]. Moskva, 1971. (In Russ.)

Hassandoust M. *An Etymological Dictionary of the Persian Language*. V. 1–5. Tehran, 1395 (2016). (In Pers.)

Karamshoyev D. *Shughnansko-russkii slovar'*. T. 1–3 [Shughni-Russian Dictionary. Vol. 1–3]. Moskva: 1988, 1991, 1999. (In Russ.)

Kogan A. I. *Dardskiye yazyki: Geneticheskaya kharakteristika* [Dardic languages. Genetic characteristics]. Moskva, 2005. (In Russ.)

Levitskaya L. S., Dybo A. V., Rassadin V. I. *Etimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov* [Etymological Dictionary of Turkic languages]. Moskva, 1997. (In Russ.)

Makarov Y., Melenchenko M., Novokshanov D. Digital Resources for the Shughni Language. *Proceedings of The Workshop on Resources and Technologies for Indigenous, Endangered and Lesser-Resourced Languages in Eurasia within the 13th Language Resources and Evaluation Conference, 2022*: 61–64. URL: <https://aclanthology.org/2022.eurali-1.9>

Mayrhofer M. *Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen*. I Band. Heidelberg, 1992.

Morgenstierne G. *Etymological Vocabulary of the Shughni Group*. Wiesbaden, 1974.

Pakhalina T. N. *Sravnitel'nyy obzor pamirskikh yazykov* [Comparative Survey of Pamir languages]. Moskva, 1975. (In Russ.)

Rastorguyeva V. S. *Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika zapadnoiranskikh yazykov. Fonologiya* [Comparative-Historical Grammar of Western Iranian languages]. Moskva, 1990. (In Russ.)

Rastorguyeva V. S., Edel'man D. I. *Etimologicheskii slovar' iranskikh yazykov*. T. 1–3 [Etymological Dictionary of Iranian

languages. Vol. 1–3]. Moskva: 2000, 2003, 2007. Edel'man D. I. *Etimologicheskii slovar' iranskikh yazykov* [Etymological Dictionary of Iranian languages. Vol. 4–6]. Moskva: 2011, 2015, 2020. (In Russ.)

Rozenfel'd A. Z. *Badakhshanskiye govory tadzhikskogo yazyka* [Badakhshan Tajik vernaculars]. Leningrad, 1971. (In Russ.)

Sokolova V. S. *Bartangskiye teksty i slovar'* [Bartangi texts and dictionary]. Moskva, 1960. (In Russ.)

Steblyn-Kamenskiy I. M. *Etimologicheskii slovar' vakhanskogo yazyka* [Etymological Dictionary of Wakhi language]. Sankt-Peterburg, 1999. (In Russ.)

Swadesh M. *The origin and diversification of language*. Chicago, 1971.

Tadzhiksko-russkiy slovar' [Tajik-Russian Dictionary]. Ed. Mirboboyev A. Dushanbe, 2006. (In Russ.).

К этимологии ойконима *Дæргъæвс*

Юрий Альбертович Дзиццойты

Центр скифо-аланских исследований ВНЦ РАН
dzicc@mail.ru

Статья посвящена осетинскому языку, рассматривается название высокогорного селения *Дæргъæвс* в Северной Осетии, которое в прошлом было родовым гнездом осетинских феодалов *Тæгиатæ*. Этим объясняется особый интерес, проявленный несколькими поколениями ученых к его происхождению (такими как Б. А. Алборов, Т. А. Гуриев, А. Д. Цагаева, Дз. Чсиаты, В. И. Абаев и пр.). Название давно привлекает внимание ученых и вызывает оживленные дискуссии в научном сообществе.

В статье подробно исследуется этимология этого топонима. Автор критически рассматривает ранее предложенные версии происхождения этого названия, отмечая, что многие из них сталкиваются с серьезными проблемами, такими как несоответствие правилам исторической фонетики осетинского языка или противоречия с известными историческими фактами. Основываясь на тщательном анализе лингвистических материалов, автор приходит к новому заключению, согласно которому название *Дæргъæвс* состоит из двух компонентов: первой части *дæргъ-*, означающей 'длинный', и второй части *-æвс*, представляющей собой вышедшую из употребления форму, которую можно сопоставить с древнеиранским корнем **apšah-* / *afšah-*, имеющим значение 'грудь' или 'верхняя часть тела'.

Ключевые слова: Северная Осетия, топонимия, этимология, древнеиранские языки

Для цитирования: Дзиццойты Ю. А. К этимологии ойконима *Дæргъæвс*. *Родной язык. Лингвистический журнал*, 2025, 2: 176–181.
DOI: 10.37892/2313-5816-2025-2-176-181

On the Etymology of the Ossetian oikonym *Dærg'ævs*

Yuri Albertovich Dzitsstsoity

*Center for Scytho-Alanian Studies of the Vladikavkaz
Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
dzicc@mail.ru*

This article is devoted to the Ossetian language and examines the name of the highland village of *Dærg'ævs* (Dargavs) in North Ossetia, which was formerly the ancestral seat of the Ossetian feudal lords of *Tægiatæ*. This explains the particular interest shown in its origin by several generations of Ossetian scholars (such as B. A. Alborov, T. A. Guriev, A. D. Tsagaeva, Dz. Chsiaty, V. I. Abaev, and others). The name has long attracted the attention of scholars and has sparked lively debate in the scientific community.

The article examines the etymology of this toponym in detail. The author critically examines previously proposed versions of the name's origin, noting that many of them face serious problems, such as inconsistency with the rules of historical phonetics of the Ossetian language or contradictions with known historical facts. Based on a thorough analysis of linguistic materials, the author comes to a new conclusion – the name *Dærg'ævs* consists of two components: the first part, *dærg'*-, meaning 'long,' and the second part, *-ævs*, a disused form that can be compared to the Old Iranian root **apšah-* / *afšah-*, meaning 'chest' or 'upper body'.

Keywords: North Ossetia, toponymy, etymology, Old Iranian languages

For citation: Dzitsstsoity Yu. A. On the Etymology of the Ossetian oikonym *Dærg'ævs*. *Rodnoy yazyk. Linguistic Journal*, 2025, 2: 176–181.

DOI: 10.37892/2313-5816-2025-2-176-181

Высокогорное селение *Дæргъæвс* в Северной Осетии в прошлом было родовым гнездом осетинских феодалов *Тæгиатæ*. Этим, наверное, объясняется интерес, проявленный несколькими поколениями ученых к происхождению ойконима.

Первым, насколько можем судить, этим вопросом заинтересовалась графиня П. С. Уварова, которая приводит народную этимологию, производящую рассматриваемый ойконим из осет. *дуаргæс* ‘привратник’ [Уварова 1900: 104]. Однако эта этимология справедливо признана «вольным переводом-толкованием» [Дзаттиаты 2014: 5].

Б. А. Алборов видел в первой части осет. *дæргз*- ‘длинный’ (в композитах, в свободном употреблении — *даргз*), а вторую часть связывал со словом *ауæзт* ‘запруда’ [Албор-ты 1966: 95]. Однако если трактовка первой части не вызывает сомнений, то нельзя сказать того же самого о второй, прежде всего по фонетическим соображениям.

Исходя из своей гипотезы о монгольских влияниях в осетинском языке, Т. А. Гуриев видел в ойкониме *Дæргзæвс* сложение из двух монгольских слов: *даргза* ‘повелитель; предводитель; вождь’ и *авс* ‘склеп; гроб; место погребения’ [Гуыриаты 1964]. А. Д. Цагаева подвергла данную этимологию справедливой критике как с точки зрения исторической фонетики осетинского языка, так и с точки зрения исторических реалий [Цагаева 1975: 51–54]. Однако ее собственная трактовка из *дæргз* ‘длинная’ + *фæз* ‘поляна’ [Там же: 53–54] столь же уязвима фонетически ввиду отсутствия надежных примеров для метатезы *фæз* > *æвс*.

Неудачна также этимология из перс. *дар* ‘ущелье’ + араб. *гзавс* ‘пруд, бассейн, водоем’ [Чсиаты 1989: 115–116]. Эта и подобные этимологии не дают ответа на закономерный вопрос о причинах появления в горах Осетии персидско-арабского гибридного образования.

Таким образом, у рассматриваемого ойконима нет надежной этимологии. Вместе с тем, совершенно очевидно, что в первой части (*дæргз*-) представлено прилагательное *даргз* ‘длинный’. Аблаутную форму этого прилагательного находим и в производных образованиях (например, *дæргздым* ‘длиннохвостый’) и в форме мн. ч. (*дæргзтытæ* ‘длинные’). Она относится к непроемной форме так же, как, скажем, осет. *маргз* ‘птица’ к форме мн. ч. *мæргзтытæ* ‘птицы’.

На первый взгляд, здесь представлен переход *a* > *æ* в производных формах. Именно так думал В. И. Абаев, при-

водя примеры на «ослабление» $a > \text{æ}$ в формах косвенных падежей некоторых слов: *раст* ‘правда’ — *растæй* ‘по справедливости’ и пр. [Абаев 1970: 552]. Однако на самом деле перед нами совершенно противоположное фонетическое явление, суть которого в следующем: древнеиранский краткий $*a$ в позиции перед двумя (или тремя) согласными конечного слога всегда растягивается. Это явление, впервые отмеченное В. Ф. Миллером [1882: 48], обосновано Э. Бенвенистом [1965: 50] и Дж. Чёнгом [2008: 17, 168]. Таким образом, в формах типа *раст-*, *дæргъ-* и пр. имеем рефлекс исконно краткого $*a$, тогда как в соответствующих им формах *раст*, *даргъ* и пр. — «растянутый» вариант этого же краткого. Мы лишены возможности датировать рассматриваемое растяжение, но оно, несомненно, относится к древнему периоду истории осетинского языка. Таким образом, производные с исконно кратким æ также следует признать весьма древними. Данное замечание касается и анализируемого ойконима, что дает нам возможность искать иранскую этимологию и для второй его части.

Мы предпочитаем видеть в $-\text{æfc}$ рефлекс др.-иран. $*ap\check{s}ah-$ / $af\check{s}ah-$ ‘грудь(?)’; верхняя часть тела(?)’, восстановленного Г. Бейли для осет. æfcæg ‘шея; перевал’ [Bailey 1979: 105] и принятого В. И. Абаевым [1995: 4], а также В. С. Расторгуевой и Д. И. Эдельман [Расторгуева, Эдельман 2000: 187]. Следует уточнить, что осет. æfcæg , ввиду наличия в нем аффрикаты $-\text{c}-$, не может восходить непосредственно к этимону $*ap\check{s}ah-$ / $af\check{s}ah-$. Для осетинского апеллятива следует реконструировать этимон $*ap\check{s}-\check{c}a-ka-$, предположив выпадение $-\check{s}-$ из кластера $*-p\check{s}\check{c}-$. Ср. в этом отношении осет. *barc* ‘грива’ из др.-иран. $*b\check{b}\check{s}ti-$ [Bailey 1979: 315]. Таким образом, в æfcæg скрывается производная от др.-иран. $*ap\check{s}ah-$ / $af\check{s}ah-$, тогда как в $-\text{æfc}$ сохранилась ее непроемная форма. Использование соматических терминов в качестве географических — обычное дело в любом языке. Географическое значение рассматриваемого термина в осетинской топонимии, скорее всего, ‘возвышенность’.

Учитывая сказанное, ойконим *Дæргъæвс* можно понимать как «длинная возвышенность».

Литература

Абаев 1970 — Абаев В. И. Грамматический очерк осетинского языка. *Осетинско-русский словарь*. Орджоникидзе, 1970, 543–720.

Абаев 1995 — Абаев В. И. *Историко-этимологический словарь осетинского языка. Указатель*. Москва, 1995.

Æлборты 1966 — Æлборты Б. Цæгат Ирыстоны хъæуты, дæтты нæмтты тыххæй. *Мах дуг*, 1966, 4: 94–97.

Бенвенист 1965 — Бенвенист Э. *Очерки по осетинскому языку*. Пер. с франц. Москва, 1965.

Гуыриаты 1964 — Гуыриаты Т. Дæргъæвс. *Рæстдзинад*, 1964: 247.

Дзаттиаты 2014 — Дзаттиаты Р. Г. *Аланские древности Даргавса*. Владикавказ, 2014.

Миллер 1882 — Миллер В. Ф. *Осетинские этюды*. Ч. 2. Москва, 1882.

Расторгуева В. С., Эдельман 2000; 2007 — Расторгуева В. С., Эдельман Д. И. *Этимологический словарь иранских языков*. Москва, Т. 1. – 2000; Т. 3 – 2007.

Уварова 1900 — Могильники Северного Кавказа. *Материалы по археологии Кавказа, собранные экспедицией Московского археологического общества*. Под ред. и с предисловием П. С. Уваровой. Москва, 1900.

Цагаева 1975 — Цагаева А. Д. *Топонимия Северной Осетии*. Часть II. Орджоникидзе, 1975.

Чёнг 2008 — Чёнг Дж. *Очерки исторического развития осетинского вокализма*. Пер. с англ. Владикавказ; Цхинвал, 2008.

Чсиаты 1989 — Чсиаты Дз. Иу хатт ма дзырд «Дæргъæвс»-ы тыххæй. *Мах дуг*, 1989, 7: 112–116.

Bailey 1979 — Bailey H. W. *Dictionary of Khotan Saka*. Cambridge; London; New York; Melbourne, 1979.

References

Abaev V. I. Grammaticheskii ocherk osetinskogo yazyka [Grammatical sketch of the Ossetian language]. *Osetinsko-russkiy slovar'*. Ordzhonikidze, 1970, 543–720. (In Russ.)

Abaev V. I. *Istoriko-etimologicheskij slovar' osetinskogo yazyka. Ukazatel'* [Historical and etymological dictionary of the Ossetian language. Index]. Moskva, 1995. (In Russ.)

Alborty B. (Æлбортъ Б.) Tsægat Irystony qæuty, dætty næm-tty tyxxæj [About the names of the villages of North Ossetia]. *Makh dug*, 1966, 4: 94–97. (In Ossetic)

Bailey H. W. *Dictionary of Khotan Saka*. Cambridge; London; New York; Melbourne; 1979.

Benveniste E. *Očerki po osetinskomu yazyku* [Essays on the Ossetian language]. Moskva, 1965. (In Russ.)

Cheung J. *Očerki istoricheskogo razvitiya osetinskogo vokalizma* [Essays on the historical development of Ossetian vocalism]. Vladikavkaz; Tskhinvali, 2008. (In Russ.)

Chsiaty Dz. Iu xatt ma dzyʹrd «Dæryævs»-y tyxxæj [Once again, about the word “Dærgavs”]. *Makh dug*, 1989, 7: 112–116. (In Ossetic)

Dzattiaty R. G. *Alanskiye drevnosti Dargavs*a [Alan antiquities of Dargavs]. Vladikavkaz, 2014. (In Russ.)

Guriaty T. Dæryævs [Dergavs]. *Rastdzinad*: 1964, 247. (In Ossetic)

Miller W. F. *Osetinskiye etyudy* [Ossetian sketches]. Ch. 2. Moskva, 1882. (In Russ.)

Mogil'niki Severnogo Kavkaza [Cemeteries of the North Caucasus]. *Materialy po arkheologii Kavkaza, sobrannyye ekspeditsiyey Moskovskogo arkheologicheskogo obshchestva*. Pod red. i s predisloviyem P. S. Uvarovoy. Moskva, 1900. (In Russ.)

Rastorgueva V. S., Edelman D. I. *Etimologicheskij slovar' iranskikh yazikov*. [Etymological dictionary of Iranian languages]. Moskva, T. I. – 2000; T. 3 – 2007. (In Russ.)

Tsagaeva A. D. *Toponimiya Severnoy Osetii*. Chast' II [Toponyms of North Ossetia. Part II]. Ordzhonikidze, 1975. (In Russ.)

Этимологии четырех слов арго гиссарских джуги

Татьяна Иосифовна Оранская

Институт восточных рукописей РАН
Санкт-Петербург, Россия
oranskaia.t@inbox.ru

Основное содержание статьи составляют этимологии четырех слов арго гиссарских джуги, живущих в Таджикистане, в прошлом кочевников. Слова *čok* ‘искать (дорогу), блуждать’, *čung* ‘знать, видеть’, *šatul* ‘плов’ определены как индоарийские, *dela* ‘жилище, дом, палатка’ — как семитское, вошедшее в арго, скорее всего, двумя путями: через персидский и непосредственно из одного из семитских языков на Иранском плато. Слова индоарийского происхождения отражают характерные для северо-запада Индийского полуострова оглушение и деаспирацию согласных, причем аффриката может чередоваться с гоморганным спирантом. Семитской этимологии *dela* и родственных слов в новых индоарийских языках отдано предпочтение по причине семантически надежного этимона, тогда как возможный аргумент против нее снят объяснением фонетических процессов, приведших к ретрофлексизации смычного в лексическом круге *derā*, *derā*. Все три слова, определенные как индоарийские, находятся на периферии лексической истории этой группы языков.

Лингвистическую часть предваряет краткий этнологический очерк, цель которого, во-первых, определить историческую связь джуги с Индийским полуостровом как исходную позицию для этимологического анализа и, во-вторых, представить их место среди сходных арготирующих среднеазиатских и средневосточных групп.

Ключевые слова: джуги, люли, среднеазиатские цыгане, кочевнические группы, индоарийские языки, иранские языки, семитские языки, этимология, заимствование

Для цитирования: Оранская Т. И. Этимологии четырех слов арго гиссарских джуги. *Родной язык. Лингвистический журнал*, 2025, 2: 182–204.

DOI: 10.37892/2313-5816-2025-2-182-204

Etymologies of four words in the Hissar Jugi argot

Tatiana Iosifovna Oranskaia

*Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences
Saint Petersburg, Russia
oranskaia@inbox.ru*

The primary objective of this article is to provide an etymological analysis of four words in the argot of the formerly nomadic Hissar Jugi of Tajikistan. The words *čok-* ‘to seek (a road), to wander’, *čung-* ‘to know, to see’, and *šamul* ‘pilaf’ are identified as Indo-Aryan, whereas *delā* ‘dwelling, house, tent’ is seen as a word of Semitic origin. The latter must have entered the secret language most likely through one of two routes: one through the Persian language and the other directly from one of the Semitic languages spoken on the Iranian plateau. Words of Indo-Aryan origin show the devoicing and deaspiration of consonants, which are typical of the northwest of the Aryan language area, with the resulting voiceless affricate sometimes alternating with a homorganic fricative.

The Semitic etymology of *delā* and its related New Indo-Aryan lexemes (*ḍerā*, *derā*) is preferred to an Indo-Aryan one because no Old or Middle Indic cognates are known, whereas the Semitic root is semantically reliable. A possible phonetically based counterargument is dealt with by explaining the processes that led to the retroflexivisation of the stop in the *ḍerā/derā* lexical group. All three words identified as Indo-Aryan are on the periphery of the lexical history of the language group.

The linguistic section is preceded by a brief ethnological overview. Its purpose is, firstly, to show the historical connection of the Jugi people with the Indian subcontinent as a starting point for the etymological analysis and, secondly, to describe their place among similar argot-speaking Central Asian and Middle Eastern groups.

Keywords: Jugi, Lyuli, Central Asian Gypsies, nomadic groups, Indo-Aryan languages, Iranian languages, Semitic languages, etymology, borrowing

For citation: Oranskaia T. I. Etymologies of four words in the Hissar Jugi argot. *Rodnoy yazyk. Linguistic Journal*, 2025, 2: 182–204.

DOI: 10.37892/2313-5816-2025-2-182-204

В 1977 году я узнала, что Джой Иосифовна положительно отозвалась об одной из моих первых опубликованных статей, в которой предлагалась индоарийская этимология слова языка парья. Это известие доставило мне огромную, незабываемую радость. И теперь, с благодарностью за возможность участвовать в выпуске журнала к юбилею Джой Иосифовны, я беру на себя смелость представить четыре этимологии слов аргосиссарских джуги. От всей души поздравляю юбиляра и желаю ей неисчерпаемых сил и научного вдохновения.

1. Введение

В статье предлагаются этимологии четырех слов аргосиссарских джуги, живущих в Таджикистане. Этноним джуги (*jugi*) восходит, как известно, к др.-инд. *yogī*. В этническом смысле он продолжает название низкой индуистской касты джуги/джоги.

Помимо названия мало что отличает гиссарских джуги от люли Самарканда и Бухары. Ни те, ни другие не отрицают своей общности. Того же мнения о них и окружающее население.² Marushiakova & Popov [2016] используют оба термина, разделяя их косой чертой: *Lyuli/Jughi*,³ что отражает этническую реальность. Есть и другие обозначения этой группы, в частности общее для ряда кочевнических групп *Ghurbat* 'пребывающие на чужбине, мигранты', а также *мугат*, использующееся как самоназвание.

На Ближнем и Среднем Востоке и в Средней Азии термин джуги встречается реже, чем люли и сходные этнонимы.

¹ Термин «арго» используется как обозначение тайных языков низкостатусных этнических групп, (ср. [Додыхудоева 2025: 230–232]).

² Опросные сведения, собранные от самаркандских люли в октябре 2012 г. и от гиссарских джуги, парья и таджиков в Турсунзадевском районе в ноябре 2024 г.

³ Передача второго согласного как */gh/* обозначает не придыхательный согласный, а, скорее всего, служит тому, чтобы исключить произношение */g/* перед гласным как аффрикаты.

мы, являющиеся, скорее всего, фонетическими вариантами: *лули*, *лури* в Афганистане и Иране [Rao s.a.], *лори* в Пакистане и Иране [Qureshi 1981: 242], а также *нури* (*nuri*) на Ближнем Востоке; последнее относится к группе палестинских цыган *дом* (< и.-а. *dom*). Как известно, к слову *dom* (др.-инд. *domba*) восходит также считающееся в последние десятилетия «политически корректным» наименование *рома* — самоназвание части европейских цыган. В международных документах оно стало безосновательно, просто как заместитель «некорректного» слова «цыгане», употребляться и по отношению к среднеазиатским цыганам, которые не говорят на романи и обобщающим названием которых служит слово *мугат* (см. [Marushiakova & Popov 2016: 6]).

Наряду со сменой этнонима, с легкой руки социальных работников и социологов, изменились и взгляды на историю цыган. В последние примерно полстолетия ряд ученых не принимает безоговорочно и даже оспаривает теорию их индийского происхождения [Okely 1983]. Речь идет, как правило, о европейских цыганах — синти и рома. Однако новые идеи, порожденные демократическими требованиями послевоенной социальной политики США и Европы, затронули также взгляды на этническую историю групп, объединяемых наименованием «среднеазиатские цыгане» [Marushiakova & Popov 2016: 26]. Тем не менее, представляется, что лишенный идеологических аспектов научный подход свидетельствует о правильности теории индийского происхождения этнических групп, традиционно объединяемых термином «цыгане»⁴, в каком бы регионе мира они ни проживали. Разумеется, такое обобщение не исключает ошибок при определении широкой этнической принадлежности той или иной группы, тем более что одни и те же наименования применяются к разным группам не только в зависимости от географии их расселения, но и в одном и том же месте (см., напр., [Оранский 1977, 1983]). Соответственно,

⁴ Новый, «политически корректный», термин «рома», имеет значительно меньше оснований, чтобы использоваться как обобщающий в этом этническом смысле.

верна и обратная ситуация: одна и та же группа, как правило, известна под разными названиями. Общие для этих групп характеристики языковой ситуации в целом также известны (см. [Rao s.a.]).

2. Пришлые арготирующие группы на Среднем Востоке и в Средней Азии

Для ряда пришлых групп на территории от Южной Азии до Ближнего Востока общими являются не только наименования, но и некоторые секретные слова их арго [Оранский 1983; Marushiakova & Popov 2016: 23]. Очевидно, это может свидетельствовать как об общем происхождении и общих путях миграций, так и о социальных отношениях, обособляющих эти этнические группы от окружающего населения, равно как и о действии обоих этих факторов. Действительно, те из них, кто, как джуги/люли, признают себя цыганами, или группы, себя цыганами не признающие, как, например, кавол и парья, отличаются, помимо наличия собственных языков или части лексики, рядом общих профессиональных, социальных и, как правило, внешних признаков. Уже на основании последних — в первую очередь, более темной кожи — окружающее население относит их к цыганам, используя это слово, если беседа идет на русском. Кроме того, до сих пор отчасти сохраняются традиционные занятия, как, например, изготовление *носа/насвая* (нюхательного табака) у парья или разносная торговля галантереей и парфюмерией у одной подгруппы кавол и торговля тканями у другой. Как и прежде, такие профессиональные признаки воспринимаются как этносоциальная метка.⁵

Поскольку основное содержание этой статьи составляют этимологии арготических слов гиссарских джуги, записанных И. М. Оранским в 1950–1960-х годах [Оранский 1983],

⁵ Некоторые парья, родившиеся во второй половине XX в., причисляют кавол к своей группе. (Сведения собраны автором от представителей группы парья в Турсунзадевском и Гиссарском районах Таджикистана в ноябре 2024 г.)

приведу более подробные сведения об этой группе, которую буду далее называть джуги/люли. Большинство исследователей признают, что джуги/люли — цыгане, и представители группы в беседе с исследователями выразили то же мнение, тогда как ряд других групп, относимых к «среднеазиатским цыганам», отрицают свою принадлежность к цыганской общности [Marushiakova & Popov 2016: 22].

Многие ученые придерживаются мнения, что лули, лури⁶ и люли являются вариантами одного и того же наименования [Баранников 1931;⁷ Amanolahi & Norbeck 1975; Sykes 1902: 437–438]. В конце XIX в. Сайкс отмечает, что в Кермане цыган (Gypsies) называют лули, а в Белуджистане — лури [Sykes 1902: 437–438]. Это наименование возводят к названию индийского города Арора, из арабского Ар-Рор [Баранников 1931],⁸ современное название Рохри (Пакистан).

Бывает, что к лули/лури причисляют *лори*, которые тоже считаются цыганами, пришедшими в Белуджистан из Синда [Qureshi 1981: 242]. Это наименование вполне может быть фонетическим вариантом *лури*. У *лури/лори* общая территория проживания — иранский и пакистанский Белуджистан, а различия между социальными и этнокультурными признаками в известной мне литературе не отмечены.

Некоторые исследователи склонны усматривать связь *лути*, к которым применяется и наименование *Ghorbat*, с этими группами, ныне ираноязычными [Amanolahi & Norbeck 1975; Phillips 2000; Sykes 1902]. Этноним *Luti*, букв. ‘народ Лута’, возводят к имени коранического пророка Лута (в Библии Лот) [Heller & Vajda 2012], с чем связывается его основное лексическое значение «содомит» и производные от него, как, например, «шут, болван» (a buffoon) [Sykes 1902: 32].

Лути Луристана говорят на лури. Их собственный язык — *Darvishi* или *Lutiyuna* — к 1973 г., когда Аманолахи и Норбек проводили среди них полевое исследование, был уже практически утрачен: большинство взрослых знали только от-

⁶ Но не *луры*!

⁷ На эту работу ссылаются также Marushiakova & Popov [2016: 25].

⁸ Надежность этой этимологии здесь не обсуждается.

дельные слова [Amanolahi & Norbeck 1975]. Из 15 слов этого языка, приведенных в той же работе [Там же: 3], четыре безусловно индоарийские, а еще два соотносимы с арготическими словами неясной (возможно, семитской) этимологии группы джуги/люли.⁹

Отнюдь не все иранцы считают луты цыганами. Так, например, это мнение отрицают 25-летний уроженец Шираза господин Мойен Тавакколи, которому я весьма признательна за сообщенные сведения, и его отец.¹⁰

3. Легенды о кочевничестве как каре за прегрешение

Луты были кочевниками. Память о прошлой бродячей жизни сохраняется и у них самих, и у основного населения Персии. Легенда о проклятии свыше, в результате которого они были обречены вечно странствовать, связана, по-видимому, с приписываемым им нарушением сексуальных запретов, что может отражаться и в этнониме. Развратных жителей города, в котором Лут жил и которых пытался обратить на путь истинный, Аллах покарал, послав ангелов-губителей [Heller & Vajda 2012]. Будучи прокляты, жители города и их потомки были обречены бродяжничать до скончания времен.

Той же причиной — нарушением социального сексуального запрета — объясняет легенда о люли, почему они осуждены на бродячую жизнь. В основе легенды лежит широко распространенный мотив инцестного происхождения в

⁹ Индоарийские: *ma'ris* 'мужчина', *ghora* 'лошадь', *ka'ti* 'еда', *roni* 'вода'; арг. джуги/люли: *nihi'r* 'глаз', *meiti* 'умереть'.

¹⁰ Обобщенный образ луты напоминает романтический стереотип европейских цыган в литературе и искусстве Европы XIX – начала XX в. Представление о том, что они агрессивны и могут быть опасны, но благородны, отмечал еще Сайкс [Sykes 1902: 437–438]. Судя по сообщению отца и сына Тавакколи, это представление существует и ныне: о человеке, поступившем отважно и благородно, говорят «Он луты» (переписка в мессенджере, 27–30 августа 2025 г.).

результате нарушения запрета людьми, не знавшими о своем родстве.

В Средней Азии легенда о происхождении народа люли от брата Лю и сестры Ли существует во многих версиях [Marushiakova & Попов 2016: 55]. В версии, записанной Раисой Поляковой у самаркандских люли в 1986 г.,¹¹ упоминается нашествие Тамерлана, ставшее причиной разлуки брата и сестры в детстве. Так что, встретившись уже взрослыми, они не узнали друг друга и поженились. Муллы проклинали их [Oranskaya 1998: 484–485]. Другая легенда люли, которую я записала в Самарканде в 1978 г., объясняет бродяжничество люли тем, что их изгнал из Мультана (Пакистан) Тамерлан, разгневанный упорным сопротивлением населения города [Там же: 484]. Эта легенда обосновывает употребляющееся по отношению к ним таджикско-персидское наименование *мульти* и связывает их происхождение с Индией (в границах до 1947 г.).

4. Фонетический комментарий, предваряющий этимологический анализ

Проводя этимологический анализ арготической лексики гиссарских джуги, я исхожу из теории индийского происхождения цыган, в том числе среднеазиатских цыган, и придерживаюсь мнения, что их путь на запад проходил через северо-западный край Индийского полуострова и что в прошлом их родными языками были новые индоарийские (НИА). Соответственно, учитываются характерные для этих языков фонетические явления, в частности незакрепленные фонетические чередования в отдельных языках или в пределах всей группы.¹²

¹¹ Тогда она была студенткой кафедры индийской филологии Восточного факультета Ленинградского государственного университета.

¹² Возможно, в иранских языках свободные чередования — во всяком случае, на синхронном уровне — распространены мень-

В пользу общности рассмотренных выше этнонимов ираноязычных цыганских групп (*Luri, Nuri, Lori, Luli, Liuli/Lyuli*; последнее с обозначением палатализации первого согласного в наименовании среднеазиатской группы) служат нередко встречающиеся в новых индоарийских языках чередования сонорных¹³ *r/l, r/n, l/n*. Чередование огубленных гласных разной степени подъема *o/u* (*Lori/Luri*) обычно в ряде языков.

Помимо этих чередований, а также существенной редукции оппозиции зубных и постальвеолярных согласных, при этимологизации выбранных здесь слов джуги/люли важны фонетические явления, ослабляющие основные фонологические оппозиции в индоарийских языках северо-запада Южной Азии и за пределами полуострова (в цыганских).

Отметим следующие, основные для предпринятого анализа, явления:

- (1) оглушение и деаспирация смычных и аффрикат;
- (2) чередование аффрикат и щелевых согласных.

Примеры

(1) оглушение:

бхильские диалекты *khōrō* ~ хинди *ghorā* 'лошадь', *phāī* ~ хинди *bhāī* 'брат'; романи *khas* ~ хинди *ghās* 'трава', *thov* ~ хинди *dho-* 'мыть';

деаспирация:

бхильские диалекты *ādō* ~ хинди *ādḥā* 'половина'; *gobi* ~ хинди *gobhī* 'цветная капуста'; парья *khā-/ka-* 'есть';

оглушение при деаспирации:

панджаби, зап. пахари [kò:ʈa:], парья *kōṛó* ~ хинди *ghora* 'лошадь'; бхильские диалекты *pūtē* ~ хинди *bhūt* 'злой дух'; молизский цыганский *tou-* ~ хинди *dho-* 'мыть';

- (2) Чередование палато-альвеолярной придыхательной аффрикаты с гоморганным щелевым согласным:

ше, ср. «Для таджикского фонетические чередования не характерны» [Расторгуева 1955: 87].

¹³ Часть отмеченных здесь типов чередований есть и в иранских языках.

маратхи *śelī* ‘козел’, *chelo*, *chellā* ‘козленок’ [Turner 1966: 270, s.v. *chagalā*]; парья *che/še* ‘[he, she, it] is’; [c^h] ранних конкани и маратхи сохранившееся в северных диалектах, тогда как согласно современной орфоэпической норме произносится [ʃ].¹⁴

5. Этимологии

Їок- ‘искать (дорогу), блуждать’ [Оранский 1983:123] зарегистрировано только один раз в рассказе о том, как информант искал в городе дом своего знакомого: *kor ĉokim* ‘Много (долго) искал’ [Там же: 140]. Перевод в списке арготических слов лексически точен. Слово имеет надежное соответствие в глаголе хинди *jhok-nā* (инф.), среди значений которого отмечены ‘шататься’, ‘кружить’, ‘быть в нерешительности’ [Platts 1911, s.v.], и являет случай типичного для языков северо-запада Южной Азии оглушения и деаспирации звонких придыхательных. Древне- или среднеиндийский когнат неизвестен, но *ĉok*-, несомненно, связано с гнездом лексем с основным значением «наклоняться вперед», на которых основана реконструкция **jhukkati* [Turner 1966: 298, s.v.]. Среди слов, продолжающих вариант с чистым гласным, отличающим лексемы этой группы в языках северо-запада Южной Азии от распространенного главным образом к востоку варианта с назализованным гласным, к *ĉok*-ближе других по смыслу непальский глагол *jhukkinu* ‘быть введенным в заблуждение’.

ЇУНГ- ‘знать, видеть’ [Оранский 1983: 123] являет те же изменения — оглушение и деаспирацию. Глагол сопоставим с рядом НИА слов со значением «подглядывать, смотреть украдкой»: хинди, непали, кумауни и др. с основой *jhāṅk-*, *jhāṅkh-*, *jhāṅk-*, на основании которых реконструирована др.-инд. основа **jhaṅkh-* с тем же значением [Turner 1966: 293, s.v.]. Очевидно, «смотреть» исходный смысл слова, а

¹⁴ Этот переход отражен и в произношении глухой аффрикаты в португальских заимствованиях: [sa:vi] или [sa:bi], но не *[fa:ve] [Masica 1991: 75].

«знать» — производный. Во фразах джуги слово отмечено в обоих смыслах, а его вариант *sung-* у самаркандских люли [Оранский 1983: 136] — только в значении «видеть»: джуги *na-mečungum* ‘Не знаю’ [Там же 144, фр. 94], *na-mečungum* ‘Не вижу’ [Там же: 145, фр. 156], сам. люли *na-čunga* = *na-sunga* ‘Чтобы [он] не увидел’ [Там же: 146, фр. 165 и 147, фр. 219], *sungid* ‘[Он] увидел’ [Там же, фр. 220]. Вариант *sung-* являет следующий шаг изменения аффрикаты — ее превращение в спирант.

Соотношение огубленных гласных в арготическом слове и неогубленных в родственных ему словах НИА объясняется характерной в первую очередь для дардских, но присутствующей и в других языках северо-запада полуострова лабиализацией гласных, назализованных или предшествующих носовому перед глухим смычным, напр. чередование *ā/ō* в хинди *jhāk/jhōk* ‘стадо (олений)’ [Platts 1911, s.v.], вайгали *kunī(-pṛu)* ‘(мужской) гребень’ < др.-инд. *kaṅkaṭa* ‘гребень’, кашмири *kūś* ‘младший из братьев’ < др.-инд. *kanyasa-* ‘младший’ [Turner 1966: s.v.].¹⁵

ŠAMUL ‘плов’; в арго родственных групп это слово может значить также «горячая пища», «шурпа», «обед» [Оранский 1983: 136]. Начальному щелевому корню соответствует глухая аффриката в кавол: *čam-* ‘есть, пить’, *čamləḷi* ‘лепешка’, ‘вареная пища, плов’ [Там же: 82–83]. Мы видим тот же переход глухой аффрикаты в спирант, что и в двух приведенных выше словах, а предложенное Оранским [Там же] сопоставление с др.-инд. *jambha-* ‘дробить, толочь’ [Turner 1966, s.v.],¹⁶ *jámati* ‘ест’ [Turner 1966: 282, No 5126] указывает на оглушение и деаспирацию аффрикаты. В той же словарной статье Тэрнер приводит *jhámati*, *chámati* ‘ест’ с указанием на источник *Dhātupāṭha*, то есть список глаголов, лексико-грамматический труд. Примечательно, что, судя по данным словаря, из НИА только в гуджарати и в языке палестинских цыган зарегистрированы производные корня *ját*.

¹⁵ Отмечено в [Oranskaya 1998: 488].

¹⁶ Очевидно связано с JABH ‘кусать’.

DELA ‘жилище, дом, палатка’; в арго сам. люли также ‘двор’, ‘тюрьма’ [Оранский 1983: 124]. Оно встречается и в арго чистони [Там же: 172]. Оранский сопоставляет его с афганским *derá* ‘жилище, стоянка, шалаш’ или арамейско-еврейским *dira, dirah*, отмечая, однако, что некоторые этимологии, в первую очередь семитские, носят гипотетический характер [Там же: 45]. Действительно, если в поисках индоарийских этимонов можно в ряде случаев предполагать закономерные фонетико-фонологические преобразования, то многообразие морфофонологических явлений в семитских языках, сопряженных с чередованием гласных (см. [Gensler 2012]), существенно осложняет выявление истоков формально измененных слов. К этому следует добавить, что ивритские и арамейские слова даже в еврейском арго не сохранили своего семитского произношения [Михаэль 2002]. Тем более смутными — вследствие размытого вокализма — должны выглядеть их исторические связи в секретных языках с иранской основой.

Тем не менее, учитывая распространение и долгую историю арамейского, иврита и арабского на Иранском плато (см. [Borjain 2015]), весьма соблазнительным представляется возведение *dela* и иранских слов этого круга (перс. *dīra(h)*, *dera(h)*; пашто *dera/dera* и др.) к семитскому источнику, а именно к глаголу *dwr* ‘двигаться по кругу, обитать’. Дериват этого корня *dār* ‘дом’ первоначально обозначал лагерь бедуинов, представлявший собой поставленные по кругу шатры [Farlex, s.v. *dwr*]. В производных того же глагола — арам. *dyr, dyr* ‘жилище, монастырь, овчарня’ [Kaufman et al s.a., s.v.], современный иврит *dyr* ‘овчарня, сарай’ [Гури б. г., s.v.] и арабский *dayr* ‘монастырь’, *dirah* ‘дом, область, деревня’ — гласные совпадают по основным характеристикам с корневым гласным в словах джуги/люли.

Слова со схожей звуковой формой и теми же основными значениями (‘дом’, ‘палатка’, ‘место стоянки’) есть в ряде НИА: кашмири *dera*; панджаби, непали *derā*; бенгали *derā*; хинди *derā, derā* и др. Их исторические когнаты не зарегистрированы, и др.-инд. существительное реконструируется

на основании новоиндийских слов в двух вариантах: с начальным 1. *ḍ* и 2. *d* [Turner 1966: 313, s.v. **ḍēra*, **dēra*]. Эти слова считаются заимствованиями из персидского *dirah*, *derah* ‘жилье, палатка, дом’ со времени первого издания толкового словаря панджаби в 1930 г. [Nabha, s.v.].

Насколько мне известно, иранская этимология слова *dirah*, *derah* не предлагалась; в «Этимологическом словаре иранских языков» [Расторгуева и Эдельман 2003] оно отсутствует.¹⁷ В индоарийские языки это слово могло проникнуть двумя путями: непосредственно из семитских языков и через иранские языки. Среднеазиатские группы, использующие арготическую лексику, были до относительно недавнего времени кочевниками или полукочевниками; по большей части они перешли к оседлости около ста лет назад [Оранский 1983: 26]. Их словарь пополнялся из разных источников, в том числе при контактах с оседлым населением, а также, что особенно важно, с кочующими группами с различными секретными лексиконами. Такие контакты, охватывавшие обширные территории Среднего Востока и Средней Азии, были существенным фактором обогащения секретной лексики [Matras 2006: 220],¹⁸ вобравшей ряд арабских, ивритских и арамейских слов, как это произошло в цыганских языках [Windfuhr 2002].

Возможна ли индоарийская этимология *dela*? В ее пользу говорит широкое распространение слов этого гнезда, начинающихся на ретрофлексный согласный, в новых языках этой группы. Аргумент «против» заключается в том, что на индийской почве ни индоарийские, ни дравидийские (см. [Burrow & Emeneau 1984]), ни предшественники этих слов в языках мунда не зафиксированы. Как любезно сообщила мне Дарья Валерьевна Соболева, специалист по языку и литературе телугу, в словарях дравидийских языков слово

¹⁷ В пользу того, что это заимствование, может говорить и начальный *ḍ* в слове пушту, вопреки обычному фонологическому развитию не перешедший в *l*.

¹⁸ К территориям, где возникали такие контакты, относится и Ближний Восток.

ḍērā ‘палатка’ (в тамильском *tērā*)¹⁹ зафиксировано с середины XIX в., но, по ее мнению, употребляется оно нечасто; обычно это значение передается дравидийскими (напр., телугу *guḍāramu*) или английскими словами. Это обстоятельство, а также тот факт, что в дравидийских языках ретрофлексные в начальной позиции возможны почти исключительно в ономотопеях, свидетельствует о недравидийском происхождении этих слов. То же подтверждается и необычным для дравидийских долгим конечным гласным.²⁰ Все это приводит к выводу, что слова ряда **ḍēra* пришли на юг полуострова с его севера.

Однако начальные ретрофлексные согласные нетипичны в начале не только дравидийских, но и санскритских слов, встречаясь и в санскрите преимущественно в ономотопеэтических словах. Форма с начальным ретрофлексным указывает на то, что в индоарийские языки обсуждаемое слово вошло после того, как ретрофлексные стали полноправными согласными в их фонологической системе, то есть в среднеиндийский период. Ретрофлексные смычные выступают в индоарийской фонологии как полноценные фонемы (в том числе в начальной позиции) начиная только с поздних апабхрэнша²¹ [Schwarzschild 1973: 483–484]. Следует отметить, что оппозиция [+/- ретрофлексный] неустойчива во все периоды развития индоарийских языков [Masica 1991: 80]. Так и в рассматриваемом здесь существительном зубной и ретрофлексный чередуются, последний считается производным от зубного [De Chiara 2020: 127].

У семитской этимологии убедительная семантическая основа и допустимая фонематическая, которая, однако, требует объяснения ретрофлексного в словах НИА: мог ли соглас-

¹⁹ В тамильском взрывные согласные различаются по [+/- звонкости] в зависимости от фонетического окружения, в частности места в слове.

²⁰ Я глубоко признательна Д. В. Соболевой, старшему преподавателю кафедры индийской филологии Восточного факультета СПбГУ, за подробные ответы на мои вопросы.

²¹ Условно IX–XII в.

ный заимствованного семитского слова быть отражен как ретрофлексный? Можно попытаться объяснить появление начального ретрофлексного фонологическим переосмыслением альвеолярного *d* семитских языков (см. [Bolzky 2013]) как ретрофлексного. Примером такого сдвига служат альвеолярные смычные английских заимствований, которые регулярно отражаются в НИА как ретрофлексные, напр. *deal* → *ḍīl* ‘сделка’, *truck* → *ṭrak* ‘грузовик’, *blood* → *blad* ‘кровь’. Можно предположить и спонтанную ретрофлексизацию — обычное явление в СИА, особенно в поздних западных. Типологическую параллель переходу звонкого коронального в ретрофлексный см. в работе [Hamann & Fuchs 2008].

Не исключено, что варианты **ḍera* / **dēra* попали в индоарийские языки разными путями: с начальным неретрофлексным через персидский (*derah* ‘палатка, жилище’), а с ретрофлексным непосредственно из семитского или семитских языков на Иранском плато. Фонетическое различие может сопровождаться семантическим. Так, в пушту отмечены незначительные смысловые расхождения между двумя вариантами [De Chiara 2020: 126–127].

В НИА, преимущественно в Пенджабе, семантика «ретрофлексного» варианта связана с сикхизмом и включает значения «религиозная община», «секта», «место проживания гуру и его сподвижников» [Corman 2012], что расширяет набор общих значений с интересующими нас семитскими словами, ср. арам. *dyr*, *ḍyr*’, араб. *dayr* ‘монастырь’.

Слова этой группы в функции топоформантов, определяемых как арабские и персидские [Siddiqi & Bastian 1981: 75], входят в состав топонимов на Индийском субконтиненте и Иранском плато. Наиболее часто они встречаются в полосе, включающей западные пределы территории распространения индоарийских и восточные области распространения иранских языков, где сходятся эти две части индоиранской общности. В современных геополитических терминах регион можно в общем определить как Пакистан, Афганистан и юго-восточная часть Ирана (провинция Систан и Белуджистан, провинция Керман). В топонимах эти

слова выступают в значении «населенный пункт, поселение»;²² *Ḍera Ismā'il Xān* (Пакистан, юг провинции Хайбер Пахтунхва) и *Ḍera Ġāzī Xān* (Пакистан, Пенджаб) в исторически белуджском районе *Ḍerajāt* 'места стоянок';²³ *Ḍerā Bābā Nānak* (Индия, Пенджаб); *Ka'i Ḍera* (Афганистан, провинция Кунар); Гидвани отмечает, что в топонимах Синда *dero* всегда последний элемент: *Bəngəldero*, *Rətodero* (Пакистан, Синд) [Gidwani 1990: 154]; три топонима с тем же строением, что и синдские, отмечены в долине Свата, напр. *Kat-ḍera* [De Chiara 2020: 126]. Такие топонимы характерны для региона, в котором джуги/люли и подобные им группы кочевали и через который проходил их путь на запад, приведший их в Среднюю Азию. Смыслы «палатка» и «место стоянки» логически увязываются с кочевым бытом, и аргументы в пользу того, что слово *delā* попало в лексику джуги/люли и НИА через иранские языки из семитских, перевешивают доводы в пользу индоарийской этимологии.

6. Заключение

Согласно предложенным этимологиям, три из четырех проанализированных слов арго гиссарских джуги (*čok* 'искать (дорогу), блуждать', *čung-* 'знать, видеть', *šamul* 'плов') имеют индоарийское происхождение и одно (*delā* 'жилище, дом, палатка') — семитское. Индоарийские этимологии исходят из фонетических процессов, характерных для северо-западной части территории распространения этой группы языков: оглушение звонких согласных, деаспирация, спонантизация аффрикат; последний процесс проявляется также в чередовании глухой аффрикаты и гоморганного спонанта. Что касается слова *delā*, то здесь предпочтение отдано семитской этимологии, потому что слова

²² Ср. исторический район Дейра (Dayrah) 'место стоянки, селение' в Дубаи.

²³ Три первых в списке наименования, известных с XV в., указывают на то, что ретрофлексный *ɖ* к этому времени был здесь полностью фонематичным.

НИА не имеют исторических когнатов, тогда как производные семитского корня *dwr* являют убедительную семантическую основу со значением «жилище». Аргумент против семитской этимологии, заключающийся в том, что большинство слов в группе *derā*, *derā* начинается на ретрофлексный, снят объяснением фонетических процессов при лексическом заимствовании прямо из семитских и/или из персидского как языка-посредника.

Следует отметить, что слова, определенные здесь как индоарийские, занимают в лексической истории языков этой группы маргинальное положение: у них либо нет зарегистрированных в текстах др.-инд. когнатов, а есть только реконструированные на основании новоиндийских лексем, либо — как у корня *šam-* — упоминание слова-предка в древних текстах единично или источник представляет собой лексикографический труд. Возможно, такая «неполноценность» может указывать на социолингвистические факторы, действующие при «отсеве» слов, вбираемых нестандартными языками. Представляется, что этот вопрос заслуживает исследования.

Языковые данные поддержаны изложенными во Введении фактами об истории и этногеографических условиях существования и контактов группы джуги/люли на фоне сведений об арготирующих группах Среднего Востока и Средней Азии в целом.

Литература

Баранников 1931 — Баранников А. П. Цыганские элементы в русском воровском аргю. *Язык и литература*. Т. VII. Ленинград, 1931, 139–158.

Гури б.г. — Гури И. (ред.). Современный словарь русско-ивритский, иврит-русский, б.м., б.г.

Додыхудоева 2025 — Додыхудоева Л. Р. Тайные (условные) языки в ираноязычном мире. *Социолингвистика*, 2025, 2 (22): 214–249.

Михаэль 2002 — Михаэль Д. Язык раввинов и воров Хохумлойшен. *Сетевой портал «Заметки по еврейской истории»*, 2002, 23. URL: <https://www.berkovich-zametki.com/Nomer23/Michael1.htm> (дата обращения: 03.09.2025).

Оранский 1977 — Оранский И. М. *Фольклор и язык Гиссарских парья (Средняя Азия). Введение, тексты, словарь*. Москва, 1977.

Оранский 1983 — Оранский И. М. *Таджикоязычные этнографические группы Гиссарской долины (Средняя Азия): этнолингвистическое исследование*. Москва, 1983.

Расторгуева 1955 — Расторгуева В. С. Краткий очерк фонетики таджикского языка: (учебное пособие для филологических факультетов таджикских вузов). Сталинабад, 1955.

Расторгуева, Эдельман 2003 — Расторгуева В. С., Эдельман Д. И. *Этимологический словарь иранских языков*. Т. 2: b–d. Москва, 2003.

Amanolahi & Norbeck 1975 — Amanolahi S., Norbeck E. The Luti, an Out-caste Group of Iran. *Rice University Studies*, 1975, 61(2): 1–12. URL: <https://repository.rice.edu/server/api/core/bitstreams/00b58fc0-0d96-4cd8-8f5a-cd16a5644deb/content> (accessed: 12.08.2025).

Bolozky 2013 — Bolozky S. Phonology: Israeli Hebrew. G. Khan (ed.). *Encyclopedia of Hebrew Language and Linguistics Online*, 2013. URL: https://doi.org/10.1163/2212-4241_ehll_EHLL_COM_00000132 (accessed: 29.08.2025).

Borjian 2015 — Borjian H. Judeo-Iranian Languages. *Handbook of Jewish Languages* (rev. and updated). Ed. by Kahn L., Rubin A. D. 2015. URL: https://www.academia.edu/12266165/Judeo_Iranian_Languages?email_work_card=view-paper (accessed: 28.08.2025).

Burrow & Emeneau 1984 — Burrow T., Emeneau M. B. *A Dravidian Etymological Dictionary*. Oxford, 1984.

Copeman 2012 — Copeman J. The Mimetic Guru: Tracing the Real in Sikh-Dera Sacha Sauda Relations. *The Guru in South Asia: New Interdisciplinary Perspectives*. Copeman J., Ikegame A. (eds). London [u.a.], 2012, 156–180.

De Chiara 2020 — De Chiara M. Geonymy in the Toponymy of the Swāt Valley. *Journal of Asian Civilizations*, 2020, 43 (2): 121–138.

Heller & Vajda 2012 — Heller B., Vajda G. Lűť. *Encyclopaedia of Islam New Edition Online (EI-2 English)*, 2012. P. Bearman (ed.). URL: https://doi.org/10.1163/1573-3912_islam_SIM_4700 (accessed: 17.08.2025).

Farlex — Farlex. *The Free Dictionary: Dictionary, Encyclopedia and Thesaurus*. URL: <https://www.thefreedictionary.com/> (accessed: 23.08.2025).

Gensler 2012 — Gensler O. D. Morphological Typology of Semitic. *Semitic Languages: An International Handbook*. Hrsg. von Weninger S. [et al.]. Berlin; Boston, 2012, 279–302.

Gidwani 1990 — Gidwani P. J. Place-names of Sindh. *Bulletin of the Deccan College Post-Graduate and Research Institute*, 1990, 49: 153–156.

Hamann & Fuchs 2008 — Hamann S., Fuchs S. How Do Voiced Retroflex Stops Evolve? Evidence from Typology and an Articulatory Study. *ZAS Papers in Linguistics*, 2008, 49: 97–130. URL: <https://doi.org/10.21248/zaspil.49.2008.366> (accessed: 30.08.2025).

Kaufman et al. s.a. — Kaufman S. A. et al. *The Comprehensive Aramaic Lexicon* (<https://cal.huc.edu>). URL: <https://cal.huc.edu/browseSKEYheaders.php?direction=-1&sortkey=djte%20b2> (accessed: 15.08.2025).

Marushiakova & Popov 2016 — Marushiakova E., Popov V. *Gypsies in Central Asia and the Caucasus*. London, 2016.

Masica 1991 — Masica C. P. *The Indo-Aryan languages*. Cambridge, 1991.

Matras 2006 — Matras Ya. Gypsy Arabic. *Encyclopedia of Arabic Language and Linguistics*. Vol. I: A-Ed. Gen. ed. Kees Versteegh. Leiden; Boston, 2006, 216–222.

Nabha 2011 — Nabha K. S. *Guru-Shabad-Ratnakar-Mahan-Kosh. Encyclopaedia of the Sikh literature*. Vol. 3: jha–pha. Patiala, 2011.

Okely 1983 — Okely J. *The Traveller Gypsies* (Changing Culture Series). Cambridge, 1983.

Oranskaya 1998 — Oranskaya T. Indo-Aryan Words in the Secret Languages of Tajikistan and Uzbekistan. *Annäherung an das Fremde. XXVI. Deutscher Orientalistentag vom 25. bis 29. 9. 1995 in Leipzig. Vorträge*. Stuttgart, 1998, 483–489.

Phillips 2000 — Phillips D. J. The Colorful Kaleidoscope of Peripatetics. *International Journal of Frontier Missions*, 2000, 17(3): 33–36.

Platts 1911 — Platts J. T. *A Dictionary of Urdū, classical Hindi and English*. London [u.a.]; Milford [u.a.], 1911, s.v.

Qureshi 1981 — Qureshi R. B. Music and Culture in Sind: An Ethnomusicological Perspective. Khuhro H. (ed.). *Sind Through the Centuries: Proceedings of an International Seminar Held in Karachi in Spring 1975*. Karachi, 1981, 237–244.

Rao s.a. — Rao A. Peripatetics of Afghanistan, Iran, and Turkey. *Encyclopedia of World Cultures*. *Encyclopedia.com*.²⁴ URL: <https://www.encyclopedia.com> (accessed 13.08.2025).

Schwarzschild 1973 — Schwarzschild L. A. Retroflex Consonants in Middle Indo-Aryan. *Journal of the American Oriental Society*, 1973, 93(4): 482–487.

Siddiqi & Bastian 1981 — Siddiqi A. H., Bastian R. W. Urban Place Names in Pakistan: A Reflection of Cultural Characteristics. *Names: A Journal of Onomastics*, 1981, 29 (1): 65–84. URL: <https://doi.org/10.1179/nam.1981.29.1.65> (accessed: 26.08.2025).

Sykes 1902 — Sykes P. M. *Ten Thousand Miles in Persia or Eight Years in Ira'n*. London, 1902.

Turner 1966 — Turner R. L. *A Comparative Dictionary of Indo-Aryan Languages*. London, 1966.

Windfuhr 2002 — Windfuhr G. L. Gypsy Dialects. *Encyclopaedia Iranica*, 2002, XI (4): 415–421. URL: <https://www.iranicaonline.org/articles/gypsy-ii/?highlight=windfuhr> (accessed: 05.08.2025).

²⁴ Апарна Рао, автор использованной здесь статьи, скончалась в 2005 г.

References

Amanolahi S., Norbeck E. The Luti, an Out-caste Group of Iran. *Rice University Studies*, 1975, 61(2): 1–12. URL: <https://repository.rice.edu/server/api/core/bitstreams/00b58fc0-0d96-4cd8-8f5a-cd16a5644deb/content> (accessed: 12.08.2025).

Barannikov A. P. Tsyganskie elementy v russkom vorovskom argo [Gypsy elements in the Russian thieves' argot]. *Yazyk i literatura*, T. VII. Leningrad, 1931: 139–158. (In Russ.).

Bolozky S. Phonology: Israeli Hebrew. G. Khan (ed.). *Encyclopedia of Hebrew Language and Linguistics Online*. URL: https://doi.org/10.1163/2212-4241_ehll_EHLL_COM_00000132 (accessed: 29.08.2025).

Borjian H. Judeo-Iranian Languages. *Handbook of Jewish Languages* (rev. and updated). Ed. by Kahn L., Rubin A. D. 2015. URL: https://www.academia.edu/12266165/Judeo_Iranian_Languages?email_work_card=view-paper (accessed: 28.08.2025).

Burrow T., Emeneau M. B. *A Dravidian Etymological Dictionary*. Oxford, 1984.

Copeman J. The Mimetic Guru: Tracing the Real in Sikh-Dera Sacha Sauda Relations. *The Guru in South Asia: New Interdisciplinary Perspectives*. Copeman J., Ikegame A. (eds). London, 2012, 156–180.

De Chiara M. Geonymy in the Toponymy of the Swāt Valley. *Journal of Asian Civilizations*, 2020, 43 (2): 121–138.

Dodykhudoeva L. R. Taynye (uslovnye) yazyki v iranoyazychnom mire [Secret (Coded) languages in the Iranian-speaking world]. *Sotsiolingvistika*, 2025, 2 (22): 214–249. (In Russ.).

Heller B., Vajda G. Lű. *Encyclopaedia of Islam New Edition Online* (EI-2 English), 2012. P. Bearman (ed.). URL: https://doi.org/10.1163/1573-3912_islam_SIM_4700 (accessed: 17.08.2025).

Farlex. *The Free Dictionary: Dictionary, Encyclopedia and Thesaurus*. URL: <https://www.thefreedictionary.com/> (accessed: 23.08.2025).

Gensler O. D. *Morphological Typology of Semitic. Semitic Languages: An International Handbook*. Hrsg. von Weninger S. [et al.]. Berlin; Boston, 2012, 279–302.

Gidwani P. J. Place-names of Sindh. Bulletin of the Deccan College Post-Graduate and Research Institute, 1990, 49: 153–156.

Guri I. (red.). Sovremennyy slovar' russko-ivritskiy, ivrit-russkiy [A modern Russian-Hebrew, Hebrew-Russian dictionary. s.a., s.l.]. (In Russ., Hebrew).

Hamann S., Fuchs S. How Do Voiced Retroflex Stops Evolve? Evidence from Typology and an Articulatory Study. ZAS Papers in Linguistics, 2008, 49: 97–130. URL: <https://doi.org/10.21248/zaspil.49.2008.366> (accessed: 30.08.2025).

Kaufman S. A. et al. The Comprehensive Aramaic Lexicon (<https://cal.huc.edu>) URL: <https://cal.huc.edu/browseSKEYheaders.php?direction=-1&sortkey=djte%20b2> (accessed: 15.08.2025).

Marushiakova E., Popov V. Gypsies in Central Asia and the Caucasus. London, 2016.

Masica C. P. The Indo-Aryan languages. Cambridge, 1991.

Matras Ya. Gypsy Arabic. Encyclopedia of Arabic Language and Linguistics. Vol. I: A-Ed. Gen. ed. Kees Versteegh. Leiden; Boston, 2006, 216–222.

Michael' Dan. Yazyk ravvinov i vorov khokhumloyshen [The Language of Rabbis and Thieves Chokmaloshn]. Setevoy portal "Zametki po evreyskoy istorii". 2002, 23. URL: <https://www.berkovich-zametki.com/Nomer23/Michael1.htm> (дата обращения: 03.09.2025) (In Russ.).

Nabha K. S. Guru-Shabad-Ratnakar-Mahan-Kosh. Encyclopaedia of the Sikh literature. Vol. 3: jha–pha. Patiala, 2011.

Okely J. The Traveller Gypsies (Changing Culture Series). Cambridge, 1983.

Oranskaya T. Indo-Aryan Words in the Secret Languages of Tajikistan and Uzbekistan. Annäherung an das Fremde. XXVI. Deutscher Orientalistentag vom 25. bis 29. 9. 1995 in Leipzig. Vorträge. Stuttgart, 1998: 483–489.

Oranskiy I. M. Fol'klor i yazyk Gissarskix par'ya. Vvedenie, teksty, slovar' [Folklore and language of the Hisor Parya. Introduction, texts, glossary]. Moscow, 1977. (In Russ.)

Oranskiy I. M. Tadzhikoyazychnye etnograficheskie gruppy Gissarskoy doliny (Srednyaya Aziya): etnolingvisticheskoe issledovanie [Tajik speaking ethnic groups of the Hisor valley (Middle Asia): ethnolinguistic study]. Moscow, 1983. (In Russ.)

Phillips D. J. The Colorful Kaleidoscope of Peripatetics. *International Journal of Frontier Missions*, 2000, 17(3): 33–36.

Platts J. T. A Dictionary of Urdū, classical Hindī and English. London; Milford, 1911.

Qureshi R. B. Music and Culture in Sind: An Ethnomusico-logical Perspective. Khuhro H. (ed.). *Sind Through the Centuries: Proceedings of an International Seminar Held in Karachi in Spring 1975*. Karachi, 1981, 237–244.

Rao s.a. — Rao A. Peripatetics of Afghanistan, Iran, and Turkey. *Encyclopedia of World Cultures*. Encyclopedia.com.²⁵ URL: <https://www.encyclopedia.com> (accessed 13.08.2025).

Rastorgueva V. S. *Kratkiy ocherk fonetiki tadzhikskogo yazyka: (uchebnoe posobiye dlya filologicheskikh fakul'tetov tadzhikskikh vuzov)* [A sketch of Tajik phonetics: (a manual for students of philological faculties of Tajik colleges and universities)]. Stalinabad, 1955. (In Russ.).

Rastorgueva V. S., Edel'man D. I. *Etimologicheskii slovar' iranskikh yazykov* [Etymological dictionary of the Iranian languages]. T. 2. Moskva, 2003. (In Russ.)

Schwarzschild L. A. Retroflex Consonants in Middle Indo-Aryan. *Journal of the American Oriental Society*, 1973, 93(4): 482–487.

Siddiqi A. H., Bastian R. W. Urban Place Names in Pakistan: A Reflection of Cultural Characteristics. *Names: A Journal of Onomastics*, 1981, 29 (1): 65–84 URL: <https://doi.org/10.1179/nam.1981.29.1.65> (accessed: 26.08.2025).

Sykes P. M. *Ten Thousand Miles in Persia or Eight Years in Ira'n*. London, 1902.

Turner R. L. *A Comparative Dictionary of Indo-Aryan Languages*. London, 1966.

Windfuhr G. L. Gypsy Dialects. *Encyclopaedia Iranica*, 2002, XI (4), 415–421. URL: <https://www.iranicaonline.org/articles/gypsy-ii/?highlight=windfuhr> (accessed: 05.08.2025).

²⁵ Апарна Рао, автор использованной здесь статьи, скончалась в 2005 г.

Middle Persian *tanwār* ‘body’ and its cognates

Nicholas Sims-Williams

SOAS University of London

London, UK

ns5@soas.ac.uk

An analysis of the etymology of Iranian words for ‘body’ (Middle Persian *tanwār*, Parthian *tnb’r*, Sogdian *tnp’r*, Khotanese *ttarandara-*) and ‘animate, living being’ (Khot. *uysnora-*, Tumshuqese *usanāvara-*, Sogd. *w’tδ’r*, Parth. *gy’nbr*, New Persian *jānvār*, *jāndār*) leads to a discussion of some unusual features of compounds in Sogdian and Khotanese. The unexpected phonology of Sogd. *tnp’r*, *tmb’r*, later *tm’r*, is explained as exemplifying a type of compound with a first element in the accusative governed by a second element derived from a transitive verb, as attested in both languages by examples such as Sogd. *šyr’nk’r’k*, Khot. *šāraṅgāra-* ‘beneficent, spiritual friend’ and its antonym Sogd. *δryw’nk’r’k*, Khot. *dīraṁggāra-* ‘evil-doing’ as well as by Khot. *ttarandara-* ‘body’.

Khot. *dīra-* ‘weak, bad’ was originally a *-u*-stem **drigu-*, while the first element of *ttarandara-* was originally a *-ū*-stem **tanū-*. Thus these compounds illustrate a morphological rule whereby the compound vowel *-a-* replaces an earlier *-u-* or *-ū-*, while other Khot. compounds demonstrate that the compound vowel *-a-* can also replace an earlier *-ā-* or *-i-*.

Keywords: Iranian words for ‘body’, Iranian etymology, Middle Iranian compounds

For citation: Sims-Williams N. Middle Persian *tanwār* ‘body’ and its cognates. *Rodnoy yazyk. Linguistic Journal*, 2025, 2: 205–212.

DOI: 10.37892/2313-5816-2025-2-205-212

Среднеперсидское *tanwār* «тело» и его когнаты

Николас Симс-Уильямс

Лондонский университет SOAS

Лондон, Великобритания

ns5@soas.ac.uk

Анализ этимологии иранских слов, означающих «тело» (среднеперсидское *tanwār*, парфянское *tnb'r*, согдийское *tnp'r*, хотаносакское *ttarandara-*) и «одушевленное, живое существо» (хот.-сак. *uysnora-*, тумшукское *usanāvara-*, согдийское *w'tδ'r*, парфянское *gy'nbr*, новоперсидское *ĵānvār*, *ĵāndār*), подводит к обсуждению некоторых необычных особенностей сложных слов в согдийском и хотаносакском языках. Неожданная фонология согдийского языка. *tnp'r*, *tmb'r*, позднее *tm'r*, объясняется как пример типа сложного слова, в котором первый элемент в винительном падеже управляет вторым элементом, полученным от переходного глагола, что подтверждается в обоих языках такими примерами, как согд. *šyr'nk'r'k*, хот.-сак. *šāraṅgāra-* 'благодетельный, духовный друг' и его антоним согд. *δr'w'nk'r'k*, хот.-сак. *dīraṁggāra-* 'злотворящий', а также хот.-сак. *ttarandara-* 'тело'.

Хотаносакское *dīra-* 'слабый, плохой' изначально имело основу *-u* – **drigu-*, в то время как первый элемент *ttarandara-* изначально имел основу *-ū* – **tanū-*. Таким образом, эти сложные слова иллюстрируют морфологическое правило, согласно которому гласный *-a-* заменяет более ранний *-u-* или *-ū-*, в то время как другие сложные слова хотаносакского демонстрируют, что гласный *-a-* может заменять также и более ранний *-ā-* или *-i-*.

Ключевые слова: иранские слова со значением 'тело', иранская этимология, среднеиранские сложные слова-композиции

Для цитирования: Симс-Уильямс Н. Среднеперсидское *tanwār* «тело» и его когнаты. *Родной язык. Лингвистический журнал*, 2025, 2: 205–212.

DOI: 10.37892/2313-5816-2025-2-205-212

The Middle Persian word *tnw'r* [tanwār] 'body' seems to be attested only in Manichaean texts. It is not found in the MP inscriptions or the Pahlavi Psalter, nor in Zoroastrian Pahlavi so

far as I am aware; nor does it survive into New Persian. MP *tnw'r* has an exact cognate in Manichaean Parthian *tnb'r*, with a probable variant spelling *tm(b)[r]* in one glossary fragment.¹ The Parthian spellings may be read either as [tamvār] or as [tambār].

Both MP *tnw'r* and Parth. *tnb'r* are clearly derived from *tn*, which is well-attested in both languages in the sense ‘body, person’ and which also occurs in Middle Persian in many compounds and derivatives such as *tan-bahr* ‘physique’, *tan-drust* ‘healthy, whole’, *tanīg* ‘bodily, corporeal’, *tanīgard*, *tanīgardīg* and *tanōmand*, all meaning ‘corporeal’, *tanīhā* ‘alone’ and *xwēš-tan* ‘self’. Both concrete and abstract meanings, as well as the reflexive usage, are already attested in Vedic *tan-* and Avestan *tanū-* ‘body, person, self’ [Mayrhofer 1992: 621–622]. MP *tnw'r* and Parth. *tnb'r* can be straightforwardly derived from a compound **tanū-bāra-*, lit. ‘that which bears the *tanū*’, a term more specific than *tanū-* or *tan*, referring to the body as the physical object which acts as a ‘bearer’ or ‘container’ for the non-physical ‘person’ or ‘self’. The formation of *tnw'r* and *tnb'r* may be compared with that of Khotanese *uysnora-*, Tumshuqese *usanā-vara-*, Parth. *gy'nbr*, NP *jānvār*, *jāndār*, Sogd. *w'tδr* ‘animate, living being’, lit. ‘having or bearing breath’, in all of which a noun referring to ‘breath’ as the principle of life is compounded with a form derived either from the root BAR ‘to bear’ or from the root DAR ‘to hold’. The prior elements of these compounds are attested by Khot. *uysanā-* ‘breath’ < **uz-anā-*, MP/Parth. *gy'n* ‘soul’, NP *jān* ‘soul, life’ < **wi-āna-*, Av. *viiāna-* ‘*spirit’, both to the root AN ‘to breathe’, and Sogd. *w't* ‘wind, spirit’ < **waHata-*, Av. *vāta-* ‘wind’ [Maggi 2016: 71–72].

The Sogdian word for ‘body’ is generally spelt *tnp'r* in Sogdian script, *tmb'r* in Manichaean script and *tmp'r* or *tmb'r* in the adapted Syriac script used by the Sogdian Christians, all of

¹ [Henning 1940: 47–48], fragment p, R2. Durkin-Meisterernst [2004: 324b] restores the same form in another glossary fragment [Henning 1940: 53, fragment u, R3], but this must be a form of the Sogdian word *tmb'r*, translating some derivative of MP *tnw'r* or Parth. *tnb'r*, since it appears in a section where the MP/Parth. lemmata are words beginning with *tn-*.

which represent [tambār].² Such a form cannot be derived from Old Iranian **tanū-bāra-*, which would have resulted in a form with [v]. Gershevitch [1954: 68, §449] therefore proposed to reconstruct **tanu-pāra-*. Though phonologically satisfactory for Sogdian, this reconstruction is hardly compatible with MP *tnw'r*, and Gershevitch provided no explanation of the meaning or etymology of the second part of the compound. It is therefore necessary to look for an alternative solution.

One possibility worth considering is to interpret Sogd. *tambār* as a loanword from Parthian (or a closely related language). Since its MP and Parth. cognates seem to be restricted to Manichaean texts, one might suspect that this word originally denoted a specifically Manichaean concept.³ In that case a Sogdian borrowing from Parthian would be quite natural, while its use also by Christian Sogdians would be paralleled by their adoption of the term *marδāspand* 'element', which also seems likely to have reached Sogdian via Parthian [Sims-Williams 2025]. However, since *tambār* also occurs in Buddhist texts and seems to belong to the Sogdian basic vocabulary, this solution is not very satisfactory.

The alternative explanation which I would prefer is to derive Sogd. *tambār* from a compound with the prior element in the accusative singular form as in the case of the Khot. word for 'body', *ttarandara-*, which Emmerick derived from **tanūmdara-* or **tanam-dara-* (with dissimilation of *n...n* to *r...n*) [Emmerick *apud* Degener 1987: 39; see also Maggi 2016: 78]. In the same way, one can reconstruct **tanūmbāra-* or **tanambāra-* as the etymon of Sogd. *tambār*, with regular preservation of *b* in direct contact with the preceding nasal.⁴ While archaic compo-

² See [Sims-Williams 2021: 191]. One Christian Sogdian text (E24c3.8) attests a later form *tm'r*, which shows assimilation of [mb] to [mm] or [m].

³ On the significance of the body in the Manichaean world-view see [BeDuhn 2002].

⁴ It is also possible (though not necessary) to derive MP *tnw'r* and Parth. *tnb'r* from a similar form, on the assumption that the final **-m* of the first element was treated as word-final and therefore lost.

unds of this type, with a first element in the accusative governed by a second element derived from a transitive verb, are not common, examples are attested both in Khotanese and in Sogdian. Emmerick has drawn attention to several such forms which survive in both of these languages, namely, Sogd. *šyr'nk'r'k*, Khot. *śāraṅgāra*- ‘beneficent, spiritual friend’ < **śīram-kā-ra(ka)*- and its antonyms Sogd. *δryw'nk'r'k*, Khot. *dīraṃggāra*- ‘evil-doing’ and Sogd. *βjng'ry*, Khot. *baśdaṃggāra*- ‘sinner’, where the prior elements are cognate with Sogd. *δryw-/jyw*- ‘harsh, cruel’, Khot. *dīra*- ‘weak, bad’ < **drigu*-, Sogd. *βj*- ‘evil’, Khot. *baśdaā*- ‘sin’ < **bazdyā(kā)*- [Emmerick & Skjærvø 1982: 55–6, 117–18; Emmerick 1989: 227, §3.2.3.4.6.3].

In Khotanese, the *-u*-stems have in general merged with the *-a*-stems, as exemplified by *dīra*- < **drigu*-. Nevertheless, the treatment of *dīra*- as an *-a*-stem in an archaic and evidently inherited compound such as *dīraṃggāra*- is at first sight surprising, while the similar treatment of the f. *-ū*-stem **tanū*- in *ttarandara*- is even more so. Old stems in *-ā*- and perhaps *-i*- seem to be treated similarly in *baśdaṃggāra*-, cf. the f. noun *baśdaā*-, and in *hāvaṃggāra*- ‘benefactor’, if Gershevitch’s etymology of Khot. *hāva*- ‘benefit’ < **frāwi*-, Av. *frauui*- ‘prosperity’ is correct.⁵ The *-a*- which consistently appears before the final nasal of the prior element in these compounds does not seem to have a phonological basis but rather to be the result of a morphological rule whereby **-am* replaces other acc. forms (**-um*, **-ūm* and perhaps **-ām* and **-im*). A similar rule is attested in other types of Khotanese compounds, where the final *-ā*- or *-i*- of a first element is systematically replaced by the compound vowel *-a*-, e. g. *ṣṭakula-jsera*- ‘worthy of reproach’ < *ṣṭakulā*- ‘reproach’, *cā'ya-nārmāta*- ‘produced by magic’ < *cā'yi*- ‘magic’ [Emmerick 1989: 227, §3.2.3.4.6.8], *salya-bāyaa*- ‘president of the year’ < *sali*- ‘year’ [Sims-Williams 1991: 292]. To judge from *δryw'nk'r'k* and perhaps *βjng'ry*, a parallel replacement may have occurred at

⁵ [Gershevitch 1959: 250]. But a connection with Parth. *frg'w*, Sogd. *prγ'w*, Graeco-Bactrian *φρογαοο* (*frogaoō*), Manichaean Bactr. *frγ'w* ‘profit’ < **fra-gāwa*-, as implied by Skjærvø [2004: 367a], seems at least equally likely.

some point in the history of Sogdian, but the evidence is minimal. The spelling of *δρυw'nk'r'k* might suggest that the **-um* of **drigum* was not replaced by **-am* as in Khotanese but by **-uam*. However, it is quite possible that *δρυw'nk'r'k* is a pseudo-historical spelling for [žuyangārē], with *u*-umlaut of the first syllable, cf. Manichaean Sogd. *jwγ-*, Christian *žwγ-* beside *jγw-*, *žγw-*. In that case one could assume that the replacement of **-um* by **-am* took place after the operation of the *u*-umlaut. Alternatively, a form such as [žəywangārē] could have been adapted to [žəywangārē] or [žuyangārē] under the influence of the related forms.

A well-known parallel to the morphological replacement rules described in the preceding paragraph is found in Avestan, where the *a*-stem nom. sg. m. ending *-ō* < **-ah* has become a standardized compound-vowel for stems belonging to other declensions, e. g. the *ā*-stem *daēnā-* in *daēnō.dis-* ‘teaching the religion’ or the *n*-stem *karapan-* in *karapō.tāt-* ‘priesthood’ [Bartholomae 1901: 150]. Similarly in Sogdian, the plural ending *-t*, in origin the collective suffix **-tā-*, seems to be added to the nom. sg. m. form in **-i* < **-ah* not only in the case of the m. stems in **-aka-* (e. g. *zātēt* ‘sons’ < **zātaki-tā-* < **zātakah + tā-*) but also in the f. stems in **-ākā-* (e. g. *xānēt* ‘houses’ < **xānāki-tā-* replacing expected ***xānākā + tā-*) [Sims-Williams 1989: 183, 190].

In conclusion, I should like to congratulate our dedicatee on her ninety-fifth birthday and to wish her many more years in which to complete her Etymological dictionary of the Iranian languages [Rastorgueva & Èdel'man 2000–2007; Èdel'man 2011–2020].

I hope my short contribution will prove useful when she reaches the words beginning with *t*!

List of abbreviations

- Av. — Avesta
- Khot. — Khotanese
- MP — Middle Persian
- NP — New Persian
- Parth. — Parthian
- Sogd. — Sogdian

References

Bartholomae 1901 — Bartholomae C. Vorgeschichte der iranischen Sprachen. *Grundriss der iranischen Philologie* (ed. W. Geiger and E. Kuhn). Strassburg, 1901, 1–151.

BeDuhn 2002 — BeDuhn J. D. *The Manichaean Body: In Discipline and Ritual*. Baltimore, 2002.

Degener 1987 — Degener A. Khotanische Komposita. *Münchener Studien zur Sprachwissenschaft*, 1987, 48: 27–69.

Durkin-Meisterernst 2004 — Durkin-Meisterernst D. *Dictionary of Manichaean Middle Persian and Parthian* (Dictionary of Manichaean Texts, III/1). Turnhout, 2004.

Èdel'man 2011–2020 — Èdel'man D. I. *Etimologicheskii slovar' iranskikh yazykov* [Etymological dictionary of the Iranian languages], IV–VI. Moscow, 2011–2020. (In Russ.)

Emmerick 1989 — Emmerick R. E. Khotanese and Tumshuqese. *Compendium Linguarum Iranicarum* (ed. R. Schmitt). Wiesbaden, 1989, 204–29.

Emmerick & Skjærvø 1982 — Emmerick R. E., Skjærvø P. O. *Studies in the vocabulary of Khotanese*, I. Vienna, 1982.

Gershevitch 1954 — Gershevitch I. *A grammar of Manichean Sogdian*. Oxford, 1954.

Gershevitch 1959 — Gershevitch I. *The Avestan Hymn to Mithra*. Cambridge, 1959.

Henning 1940 — Henning W. B. *Sogdica*. London, 1940.

Maggi 2016 — Maggi M. Khotanese *aysmua*- and other souls. *Quarterly Journal of Language and Inscription* (Tehran), 2016, 1/1: 64–87.

Mayrhofer 1992 — Mayrhofer M. *Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen*, I. Heidelberg, 1992.

Rastorgueva & Èdel'man 2000–2007 — Rastorgueva V. S., Èdel'man D. I. *Etimologicheskii slovar' iranskikh yazykov* [Etymological dictionary of the Iranian languages], I–III. Moscow, 2000–2007. (In Russ.)

Sims-Williams 1989 — Sims-Williams N. *Sogdian. Compendium Linguarum Iranicarum* (ed. R. Schmitt). Wiesbaden, 1989, 173–92.

Sims-Williams 1990 — Sims-Williams N. Chotano-Sogdica II: Aspects of the development of nominal morphology in Khotanese and Sogdian. *Proceedings of the First European Conference of Iranian Studies held in Turin, September 7th–11th, 1987 by the Societas Iranologica Europaea* (ed. Gh. Gnoli and A. Panaino), I. Rome, 1990 [1991], 275-296.

Sims-Williams 2021 — Sims-Williams N. *A Dictionary: Christian Sogdian, Syriac and English, 2nd edition, revised and completed*. Wiesbaden, 2021.

Sims-Williams 2025 — Sims-Williams N. On the sources of the Manichaean Sogdian religious terminology. *On the Matter: Studies on Manichaeism and Church History presented to Nils Arne Pedersen at sixty-five* (ed. L. L. Toft et al.). Turnhout, 2025.

Skjærvø 2004 — Skjærvø P. O. *This most excellent shine of gold, king of kings of sutras. The Khotanese Suvarṇabhāsottama-sūtra*, II. Cambridge MA, 2004.

О «последействии» труднодоступности в истории миноритарных языков и диалектов

Ирина Игоревна Челышева

Институт языкознания РАН

Москва, Россия

chelirin@gmail.com

Статья посвящена языкам и диалектам, функционировавшим в отдаленных, труднодоступных, изолированных районах. В настоящее время эта труднодоступность в Европе преодолена, однако она оставила свой след в истории языков и наложила отпечаток на языковые ситуации, в которых эти языки функционируют сегодня. Распространенные в основном в высокогорных районах романские идиомы отличаются высоким уровнем варьирования (ладинский язык в северо-восточной Италии, ретороманский в Швейцарии, корсиканский). В горах варианты распределяются обычно по долинам, причем внутри долин могут формироваться отдельные говоры в более высокогорной, верхней части и в более равнинной, нижней части. Наряду с природными условиями изоляции способствовало слабое экономическое развитие, отсутствие городов и сложная социальная обстановка в регионе. Дополнительным моментом могла выступать конфессиональная обособленность носителей языка. Результат оказывается двойственным: с одной стороны, изолированность способствует сохранению в языке архаизмов и препятствует закреплению изменений, источником которых являются центральные ареалы. Но, с другой стороны, в развивавшихся автономно, в условиях ограничения контактов диалектах и говорах формируются собственные, иногда инновативные особенности структуры.

Ключевые слова: миноритарные языки, языковые контакты, изолированные ареалы, лингвистика горных ареалов, языковые архаизмы и инновации

Для цитирования: Челышева И. И. О «последействии» труднодоступности в истории миноритарных языков и диалектов. *Родной язык. Лингвистический журнал*, 2025, 2: 213–233.

DOI: 10.37892/2313-5816-2025-2-213-233

The “after-effects” of inaccessibility in the history of minority languages and dialects

Irina Igorevna Chelysheva

*Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
chelirin@gmail.com*

The present article is devoted to minority languages and dialects that function in remote, inaccessible, isolated areas. Currently, this inaccessibility has been overcome in Europe, but it has left its mark on the history of languages, as well as on the linguistic situations in which these languages function today. Romance languages that are spoken primarily in mountainous areas have a high level of variation (e. g., Ladin in northeastern Italy; Romansh in Switzerland; Corsican). In the mountains, the language varieties are usually distributed across valleys, while within the valleys, separate dialects can form in the higher upper part and in the flatter lower part. Along with the natural conditions of isolation, weak economic development, lack of cities and a difficult social situation in the region have all been contributing factors. An additional point could be the religious isolation of native speakers along confessional lines. There is a twofold result: on the one hand, isolation contributes to the preservation of archaisms in the language and prevents the diffusion of changes originating in central areas; on the other hand, languages and dialects that have developed autonomously under conditions of limited contact form their own, sometimes innovative, structural features.

Keywords: minority languages, language contact, isolated areas, linguistics of mountainous areas, linguistic archaisms and innovations

For citation: Chelysheva I. I. The “after-effects” of inaccessibility in the history of minority languages and dialects. *Rodnoy yazyk. Linguistic Journal*, 2025, 2: 213–233.

DOI: 10.37892/2313-5816-2025-2-213-233

Введение

В исследованиях Джой Иосифовны Эдельман мир иранских языков предстает во всем своем разнообразии, и как часть этого мира вписаны в общую картину и языки малочисленных народов и племен, рассеянных по труднодоступным ареалам, и языки конфессионально обособленных групп. Такие языки и диалекты в любой языковой группе, в любой языковой семье оказываются источником интереснейшего с типологической точки зрения материала, часто сохраняют характеристики, утраченные в родственных им крупных языках, и входят как элемент в состав нестандартных языковых ситуаций.

В современной Европе проблемы изоляции или труднодоступности той или иной территории уже не актуальны, однако в истории европейских языков эти факторы имели немалое значение. Анализируя сегодняшнее состояние таких идиомов, мы можем обнаружить следы развития языкового образования в труднодоступном ареале, своего рода «последствие» когда-то существовавшей изоляции носителей, и выявить некоторые общие закономерности в развитии как языковых ситуаций, так и самих языков в плане структуры. Труднодоступность регионов чаще всего (но не только) связана с горным характером местности или с островами. Но свою роль сыграли и особенности экономического, социального, культурного развития. В современной лингвистике общность в закономерностях развития привела к формированию целого направления «горной лингвистики» (*mountain linguistics*) [Urban 2020] и к появлению исследований социолингвистического плана, объединяющих в коллективной монографии, например, Альпы и Кавказ [Scetti, Djordjevic Léonard, Léonard 2022]. В Италии традиционно объединяется социолингвистическая проблематика ареалов Альп и Апеннин [Marcato 2003].

Естественно, всегда оказывались оторванными от континента острова, что хорошо передается термином англ. *insularity*, франц. *insularité*, итал. *insularità* 'островной характер'. Эта характеристика в гуманитарных исследованиях

разного плана часто соотносится с такими крупными островами и сообществами, как Великобритания или Ирландия. Но есть и примеры малочисленных идиомов, как табаркино в Италии, о котором речь пойдет ниже, или идиомов крайне удаленных, как английский островов, см., например, [Schreier 2003] об английском на острове Тристан да Кунья.

Наша статья основана на материале романских идиомов, однако во многом и в особенностях языковых ситуаций, и в динамике языковых структур в этих ареалах прослеживаются аналогии и типологическое сходство с развитием языков разных регионов и разных семей. Для современного состояния труднодоступных ареалов характерно многоязычие и *asymmetrical vertical bilingualism* [Urban 2020], исторически сложившаяся многовариантность идиомов и неоднозначные структурные трансформации, когда консервативные и инновативные характеристики объединены в структуре одного идиома.

Природные и социальные факторы, определившие труднодоступность ареала

Есть несколько факторов, способствовавших если не полной изоляции территории, то, по крайней мере, ограничивавших доступ к этой территории и, соответственно, приводивших к обособленности распространенных там языковых образований.

Прежде всего речь идет о природных условиях, которые затрудняли перемещение и приводили к ограничению контактов и связей. Проживание на островах поддерживало жизнеспособность местного наречия: так, далматинский язык дольше всего, до конца XIX в., сохранялся в вельботском варианте на островах Адриатики (по итальянскому названию ныне хорватского острова Крк – Veglia). На принадлежащем Великобритании острове Джерси в проливе Ла-Манш до сих пор существует Jèrriais ‘джерсийский’, вариант северо-западного нормандского диалекта французского языка, который в самой Нормандии как полноценная языковая си-

стема не сохранился [Jones 2001]. Особый путь прошли романские наречия островов Сардиния и Корсика. Однако заметим, что, за исключением острова Джерси, все упомянутые острова находятся в освоенном с древнейших времен бассейне Средиземного моря и прибрежные полосы, напротив, оказывались зоной активных контактов, в том числе и контактов языковых.

В большей степени последствия развития в условиях труднодоступности сказываются на идиомах, носители которых проживали в горных и особенно в высокогорных районах; для романских языков это Альпы, Пиренеи, Апеннины. Сложный рельеф приводил не только к изоляции носителей языка внутри горного массива, но и к ослаблению связей между долинами этого массива. С таким разделением по долинам, связана высокая вариативность ладинского в северной Италии и ретороманского в Швейцарии.

Помимо природных факторов играли свою роль и особенности исторического и социального развития. Экономическая отсталость и бедность, отсутствие дорог и городов обуславливали проживание в замкнутых сельских общинах в южноитальянской области Базиликата. Добавим к этому социальное неблагополучие общества: локальные столкновения, бандитизм и произвол делали опасными любые путешествия. Для формирующейся романской языковой общности исключительное значение имели дороги, построенные еще римлянами в античный период; они объединяли и делили территории, обеспечивали контакты или, наоборот, обходя земли, оставляли в стороне целые сообщества. Изоляции (в том числе и сознательной) способствовала конфессиональная инаковость групп населения, которые, сохраняя себя, замыкались в своей среде. Рассмотрим подробнее судьбу некоторых романских идиомов, чье современное состояние несет на себе «последствие» труднодоступности в прошлом.

Современное многоязычие труднодоступных регионов и родной язык как маркер этнолингвистической идентификации

Языковая ситуация в европейских регионах, долгое время остававшихся изолированными, к сегодняшнему дню стала многоязычной. В Европе горные и островные лингвистические ареалы являются частью территории государств, где имеется один или несколько официальных языков (Италия, Франция, Швейцария, Великобритания и др.). Родной язык остается как один из элементов этнической идентичности, сосуществующий с Dach-Sprache ‘языком-крышей’ в терминологии Г. Клосса. Часпер Пульт (Chasper Pult), известный в Швейцарии лингвист, литератор, руководитель ряда общественных объединений в защиту и поддержку ретороманского языка, в беседе с автором этой статьи, определил себя, в первую очередь, как ladino, а затем как alpine. Ladino в данном случае — наименование жителей Энгадина, одной из частей кантона Граубюнден. Из пяти вариантов ретороманского (романшского) языка, функционирующего в Граубюдене, два варианта — нижнеэнгадинский и верхнеэнгадинский — определяются как ladino. Второе определение — alpine ‘житель Альп, альпийский горец’, отсылает к определенным условиям проживания, к традициям ведения хозяйства, организации быта и др. В романском мире оно объединяет и Альпийскую Швейцарию, и Альпийскую Италию. В приведенном определении alpine прочитывается отсылка к общей закономерности, определяемой как asymmetrical vertical bilingualism ‘ассиметричный вертикальный билингвизм’, противопоставляющий горцев жителям равнин [Urban 2020]. Но часто ситуация не ограничивается двуязычием. Носители ретороманского (около 50 тыс.) владеют немецким, а некоторые и немецким, и итальянским. Ретороманский же представлен в одном из пяти местных вариантах и дополнен наддиалектной, искусственно выработанной нормой Rumantsch Grischun ‘Граубюнденский Романшский’. Также и в Италии в долинах с ла-

динским языком (заметим, что в данном случае речь идет о лингвонимах-омонимах в Италии и в Швейцарии) в школе культивируется трехязычие: ладинский, немецкий, итальянский, однако в реальности оно труднодостижимо.

Современное многоязычие во многом результат того, что труднодоступность способствовала сохранению миноритарного языка. К 70-м годам XX в., когда возрос интерес к местным языкам, оказалось, что автохтонное наречие испанской области Арагон сохранилось именно в горных районах Верхнего Арагона. При наложении лингвистической карты и карты физической хорошо видно, что зона устойчивого сохранения арагонского совпадает с той частью территории Пиренеев, где вершины достигают максимальной в Арагоне высоты (хребты Sierras Exteriores и Sierras Interiores). Кроме того, горный рельеф предполагает устойчивость традиционных занятий для местных жителей, прежде всего отгонного скотоводства. А значит, сохранялись круг общения тех, кто этим занимается, пастушеская терминология, наименования бытовых предметов, используемых при таком образе жизни, и т. д. Арагонский в наиболее чистом виде функционировал как наречие пастухов Верхнего Арагона, что позволило на этой основе провести ревитализацию языка, «надстроив» недостающие языковые структуры [Benítez Marco, Latas Alegre 2023]. Такая же закономерность прослеживается и в других ареалах: гасконский на юго-западе Франции имеет наиболее прочные позиции в Пиренейских горах Беарна, а фриульский на северо-востоке Италии — в горной Карнии.

Нельзя сбрасывать со счетов и относительную изолированность островов. В Италии на крохотных островах Сан-Пьетро и Сант-Антиокко у берегов Сардинии выживает *tabarchino* ‘табаркинский’ (10 тыс. говорящих), носители которого в XVI в. выселились из северной Италии, из Лигурии на остров Табарка у берегов Туниса, а к середине XVIII в. переместились к берегам Сардинии, оказавшись «дважды островитянами». Сохраняя лигурскую основу, табаркинский перенес существенные трансформации, связанные как с кон-

тактами с другими языками, так и с оторванностью от исходного лингвистического ареала.

Языковое варьирование в труднодоступных ареалах

Наиболее гористые ареалы вполне предсказуемо оказываются и наиболее дробными с точки зрения разделения языкового континуума. Изолированность отдельных долин, входивших в состав горных массивов способствовала тому, что по долинам складывались свои варианты. Ярким примером является ситуация с ладинским языком в Альпах (около 30 тыс. говорящих, северо-восточная Италия). Для того чтобы понять ладинскую языковую ситуацию, надо разобратся с физической географией. Ядро ладинского ареала находится в горном массиве Селла; отсюда лингвоним для основной зоны распространения ладинского – «селланский ладинский». Таким образом, ареал в целом определяется по принадлежности к горной цепи. Язык распространен в пяти долинах, в каждой из которых есть собственный диалект: долина Гардена (лад. Gardëina, итал. Gardena, нем. Gröden); долина Бадиа (лад. Val Badia, итал. Valle di Badia, нем. Gardertal); долина Марebbe, которая представляет собой ответвление от долины Бадиа (лад. Marèò, итал. Marebbe, нем. Enneberg); долина Фасса (лад. Val de Fasha, итал. Val di Fassa, нем. Fassatal); верхняя часть долины Кордеволе, именуемая долиной Ливиналлонго (лад. Fodóm, итал. Livinallongo, нем. Buchenstein). Долина Ливиналлонго находится в области Венето, остальные четыре — в области Трентино-Альто Адидже, где проживает немецкоязычное население и официальными языками являются итальянский и немецкий.

Рельеф определил и более дробное деление, типичное для таких ландшафтов: говоры верхней и нижней части долины. Диалект долины Бадиа делится на верхнебадиотский и нижнебадиотский. В долине Фасса выделяют верхнефассанский (cazét) и нижнефассанский (brach), а в коммуне Моэна (Moena) этой же долины функционирует говор

moenat [Casalicchio 2020: 145]. На языковые образования повлияла не только изолированность долин, но и противоположное — доступность перемещения внутри ареала. Долина Гардена наиболее гомогенна в лингвистическом плане, поскольку внутри долины нет значительных перепадов высоты и естественных преград. А формирование отдельного говора moenat связывают с тем, что на выходе из долины, где расположена Мозна, не обнаруживалось препятствий для контактов с североитальянскими говорами долины Фьемме, что не могло не повлиять на мознскую разновидность ладинского. Восточнее селланского ладинского расположена так называемая «ладинская амфизона» (горный массив Кадоре, город Кортина д'Ампеццо), где не было столь явной изоляции носителей и произошло формирование переходных ладино-венетских говоров.

Для понимания современного состояния корсиканского также придется уделить внимание физической географии острова. Наречия Корсики разделяются на две основные зоны, и разделение проходит по главному хребту, который тянется с северо-запада на юго-восток острова. Названия диалектных ареалов отражают их расположение по отношению к этому хребту: северо-восточная часть по-корсикански Cismonti, итал. Di quà dai monti 'С этой стороны гор', а юго-западная — Pumonti, итал. Di là dai monti 'За горами, с той стороны гор'. Для вариантов языка используются также наименования corsu supranu 'верхнекорсиканский' для северо-восточных вариантов и corsu suttanu 'нижнекорсиканский' для юго-западных. Если основной хребет разделил язык Корсики на два крупных диалектных ареала, то внутри этих ареалов, особенно в южной и юго-западной части, горные цепи идут поперек острова с востока на запад и между ними расположены долины, напоминающие формой вытянутые треугольники. Их широкая часть обращена к морю на западной стороне острова, а с противоположной стороны узкая часть долин упирается в высокий основной хребет. Таким образом, оказывалось затрудненным и сухопутное сообщение между долинами по линии юг-север, и связь с северным и восточным побережьями Корсики. Един-

ственная значимая римская дорога была проложена по северному и восточному берегу. С конца XIII в., когда Корсика перешла под власть Генуи, стало формироваться разделение на *rievi* 'приходы', отдельные территории, которыми управляли местные своевольные и воинственные синьоры, иногда враждовавшие с соседями, что также не способствовало активному общению между жителями долин.

Открытые для контактов с континентом северное и восточное побережья Корсики, с одной стороны, предсказуемо менее консервативны в лингвистическом плане, а, с другой стороны, подверглись существенному влиянию тосканского диалекта Италии, который стал основой для итальянского литературного языка. На севере к тому же ощущалось влияние Генуи, под власть которой Корсика перешла в конце XIII в. Такое соединение природных условий и исторических обстоятельств привело к многовариантности современного корсиканского.

Экономическое и социальное развитие и функционирование языков в труднодоступных ареалах

Соединение факторов разного порядка, как природных, так и социальных, можно наблюдать в судьбе диалектов так называемой Зоны Лаусберга на юге Италии (по имени диалектолога Генриха Лаусберга, исследовавшего местные наречия в 30-х годах XX в.) [Lausberg: 1939]. Она расположена на границе двух итальянских областей — южной Лукании (официальное название этой области сегодня — Базилика-та, но в исторических и лингвистических работах она чаще именуется Лукания) и северной Калабрии. Очертания Апеннинского полуострова позволяют сделать понятным расположение Зоны Лаусберга для неитальянцев: это широкая полоса от «подъема» итальянского «Сапога», ограниченно-го заливом Поликастро Тирренского моря, до части «подолы» между «носком» и «каблуком», упирающейся в залив Таранто на море Ионическом. С точки зрения особенностей

ландшафта это не самый высокогорный район Италии, однако скалистые обрывы, ущелья и каменистые плоскогорья с античных времен затрудняли продвижение. Неосвоенность этой малоплодородной территории заметна и сейчас: треть площади Базиликаты занимают национальные парки; это больше, чем в любой другой области густонаселенной Италии.

При обсуждении проблемы формирования говоров Зоны Лаусберга много внимания уделяется историческим, экономическим, социальным особенностям развития этих мест. Со времен античного Рима этот район оказался вне римской дорожной сети. Самым удобным способом перемещения был морской, вдоль юго-западного побережья полуострова и далее к Сицилии, а проложенной римской дорогой Via Popilia пользовались мало. В постантический период люди уходили с побережья, чтобы избежать разбойных нападений и грабежа, поскольку в горах было безопаснее и легче создать укрепленное поселение. В течение всего XIX в. в горах хозяйничали *briganti* — разбойники-инсургенты, в деятельности которых протест против властей сочетался с откровенным бандитизмом. Их боялись, от них скрывались, и их же прославляла народная молва.

В 1902 г. Базиликату (Луканию) посетил тогдашний премьер-министр Италии Дж. Дзанарделли, и возглавляемая им комиссия констатировала крайнюю отсталость этого края, почти полное отсутствие дорог, бедность и неграмотность населения. Было отмечено, что этот регион не только плохо связан с остальной Италией, но и внутри области жители ее разных частей почти не знают своих соседей и воспринимают их как чужих [Sagrestani 2004]. Высокий процент неграмотных и малограмотных жителей в Лукании сохранялся до середины XX в., что тормозило распространение итальянского литературного языка, особенно в устной форме, и сохраняло местные наречия как основное средство общения.

Вывод, сделанный о социально-экономической ситуации в Лукании в целом, вполне приложим в отношении си-

туации языковой в Зоне Лаусберга. Внутреннее варьирование диалектного ареала отличается тут сложностью и многообразием. Достаточно сказать, что, следуя за Лаусбергом, на этой небольшой территории диалектологи выделяют *Randgebiet* 'пограничную зону', *Vorposten* 'аванпост', *Mittelzone* 'центральную зону', *Zwischenzone* 'переходную зону' и *Südzone* 'южную зону', которые при изучении конкретных языковых характеристик образуют сложную мозаику по отдельным населенным пунктам.

Конфессиональные отличия и судьба языка

В истории немало примеров, когда группы населения, исповедовавшие религию, отличную от большинства, сохраняли обособленность. Покидая, чаще всего из-за религиозных гонений, родные места, они уносили с собой и свой язык. Самым известным примером в романском мире является сефардский, язык изгнанных из Испании на исходе XV в. евреев.

Менее известна судьба окситанского наречия вальденсов. На севере Италии с XII в. сформировались поселения вальденсов, сторонников религиозного движения, отколовшегося от западноевропейского христианства, которых католическая церковь считала еретиками. До сих пор в североитальянской области Пьемонт выделяют *Valli Valdesi* 'Вальденские долины': (Валь-Мартино, Валь-Андрона и Валь-Лучерна), где немало прихожан этой церкви, для которых родным языком был (а иногда и остался) окситанский.

Конфессиональная обособленность вальденсов сформировала и помогла удержать их язык за пределами Пьемонта. Обратимся к *guardiolo*, языку коммуны Гуардиа Пьемонтезе в провинции Козенца в области Калабрия на юге Италии, где в настоящее время проживает менее двух тысяч человек. Гуардиа Пьемонтезе была заселена в XII–XIII вв. вальденсами, которые переселились из долин Пьемонта и из французского Прованса и принесли на юг Италии родной для них вариант окситанского языка. К эмиграции могли привес-

ти как религиозные притеснения, так и бедность пьемонтских долин. Исходно в Калабрии сформировалось несколько поселений вальденсов, но язык сохранился только в Гуардиа Пьемонтесе, чему могла способствовать относительная изолированность: хотя этот городок и находится у побережья Тирренского моря, расположение на довольно высоком скальном холме (более 500 м над уровнем моря) затрудняло доступ к коммуне и долгое время удобной дороги туда не было. В XVI в. жители Гуардиа Пьемонтесе подверглись жестоким испытаниям. Вальденсы примкнули к Реформации, что в католической стране привело к безжалостным гонениям и породило кровопролитную бойню 1561 г., когда было убито около 2 тысяч человек. В результате вальденсы еще больше замкнулись внутри своего поселения. Язык стал для них важным маркером противопоставления «свой» (говорящий на гуардиоло) / «чужой». В настоящее время эта замкнутость давно преодолена, но еще живет, хотя и под угрозой исчезновения, уникальный вариант окситанского языка на юге Италии.

Архаизмы и инновации в языках труднодоступных регионов

В лингвистическом плане результат долгого проживания языковой общности в относительно труднодоступном месте оказывается неоднозначным. Широко известны аналогии в языках горных районов, порожденные жизнью в схожих условиях. Так, пространственные наречия включают в себя указание на перепады высот; в ретороманском Швейцарии *en* (*aint*) — направление вверх по долине, против течения реки, *our* (*ora*) — направление вниз по долине, по течению реки; в ладинском в Италии *aut-fora* — вверх наружу, *aut-ite* — вверх внутрь [Горенко, Сухачев 2001: 369]. «Горная лингвистика» отмечает такое же сложное построение наречий места и в языках других регионов (сино-тибетские языки в Гималаях, нахско-дагестанские языки на Кавказе) [Urban 2020: 11].

Проблема архаичности изолированных ареалов была одной из любимых тем итальянской неолингвистики. В несколько категоричной форме ее изложил М. Бартоли: «Более изолированный ареал сохраняет нормы более раннего этапа. <...> Острова более консервативны, чем континент, а горы — чем равнины и побережье, некоторые периферийные ареалы консервативнее центральных, а небольшие центры консервативнее крупных» [Bertoni, Bartoli 1925: 68].

Утверждение об архаичности (в менее категоричной форме о консерватизме) изолированных ареалов во многом основано. Заметим, однако, что иногда речь идет не о языковых структурах, а о самом факте сохранения языка. В исследовании, посвященном упомянутому нормандскому наречию острова Джерси, этот идиом уже в названии определяется как *obsolescent dialect* ‘устаревший диалект’ [Jones 2001]. Тем не менее, в отдаленные места действительно не доходят изменения, источником которых является центр ареала. Но, с другой стороны, в ограниченном пространстве, в отсутствии контактов, идиом обретает автономность и получают развитие специфические тенденции, своего рода «мутации», которые закрепляются в языке. Нельзя сказать, что эти изменения абсолютно уникальны; нередко аналогии обнаруживаются в других частях романского мира.

Наиболее часто определение «архаичные говоры» используют, когда речь идет об уже упомянутой Зоне Лаусберга. Природная изолированность всего района и слабая связь между отдельными частями, которые в него входят, способствовали языковому консерватизму носителей говоров. Точечно там действительно обнаруживаются редкие архаизмы. Так, особое внимание лингвистов привлек говор входящей в Зону Лаусберга коммуны Вербикаро в Калабрии (3500 жителей). Этот говор рассматривается как единственный в романском мире идиом, где сохранились во множественном числе латинские флексии среднего рода, в то время как романские языки средний род утратили. В диалекте Вербикаро средний род имен функционирует с теми формами и с той дистрибуцией, какие были в латыни; напри-

мер, *armalia vòstra anə mòrta* 'Ваши животные умерли', где латинским окончанием *-a* ср. рода мн.ч. оформлены существительное, притяжательное и причастие [Idone, Silvestri 2018]. Заметим, что окончание мн. ч. *-a* в именах достаточно распространено в диалектах Италии и имеет различные функции, но только в Вербикаро оно осталось именно там, где было в латыни, и оформляет все элементы именной синтагмы, что можно рассматривать как сохранение латинской системы трех родов.

Сохраняются в Зоне Лаусберга и латинские окончания для глаголов в ед. ч. в презенсе индикатива *-s* 2 лицо и *-t* 3 лицо: луканск. *fasə* 'делаешь', *fatə* 'делает' (обе формы с эпитезой нейтрального гласного), ср. итал. *fai*, *fa* [Lüdtke 1979: 72]. Диалекты Италии утратили конечные согласные в этих формах, однако сам по себе факт удержания конечных в составе глагольных флексий для романских языков не уникален. В диахронии в таком инновативном ареале, как французский, устойчиво сохранялся *-s* в глагольной парадигме (в современном французском остался на письме — *tu chantes* 'ты поешь'), а *-t* постоянно отражался в рукописях XI–XIII в.

Одной из наиболее известных характеристик Зоны Лаусберга является специфика ударного вокализма. Тип вокализма для романских языков определяется исторически, в зависимости от изменений ударных гласных от латыни к романским языкам. Каждый из этих типов основан на частично совпадающих, частично отличающихся закономерностях перехода гласных от латыни к романским языкам (см. обзор в [Banfi 1996]). В этом не очень протяженном ареале фиксируются все романские типы сдвигов в системе ударного вокализма: «западнороманский», «сицилийский», «румынский», «сардинский» и переходные между ними. Как архаизм рассматривается наличие в центре Зоны Лаусберга (Mittelzone) ударного вокализма сардинского типа, в котором латинская оппозиция долгий/краткий гласный была утрачена с сохранением качества гласного, т. е. долгие и краткие просто слились в один звук. Например, лат. *fīlum* 'нить' и *nīvem* 'снег' перешли в этой части Зоны Лаус-

берга в *filə* и *nivə*, а лат. *lūna* ‘луна’ и *crucem* ‘крест’ в *lunə* и *crucə* [Lüdtke 1979: 55] (ср. итальянские формы с изменением качества гласного *filo*, *neve*, *luna*, *croce*). Именно «сардинский» вокализм традиционно рассматривался как наиболее архаичный этап по сравнению с другими типами [Lausberg 1939; Lüdtke 1973; Rohlf 1982]. В настоящее время есть точка зрения, что нет оснований считать этот тип вокализма хронологически предшествующим другим типам и рассматривать его как самый архаичный [Krefeldt 2004: 55]. Вопрос остается дискуссионным, но распределение вокализма сардинского типа по романским языкам, на наш взгляд, показывает, что он действительно сложился в относительно изолированных ареалах: это Сардиния, отчасти Корсика и Зона Лаусберга.

Как пример интересной языковой «мутации» в островном ареале рассмотрим ситуацию с ударным вокализмом в корсиканском. В формировании ударного вокализма романских языков преобладает общая закономерность: с утратой противопоставления по долготе/краткости для звуков [e] и [o] латинские долгие гласные переходили в закрытые, а краткие — в открытые. Эти переходы в дальнейшем осложнялись другими трансформациями. На севере и в центре Корсики есть говоры, где происходит ровно противоположное, т. е. произошла инверсия открытости/закрытости. На юге Корсики существует ударный вокализм сардинского типа, а в долине реки Тараво сложилась уникальная ситуация: лат. *ē/ē* и *ō/ō* слились по сардинскому типу, а остальные гласные — по северокорсиканскому типу, который сам по себе специфичен для романской исторической фонетики [Dalbera-Stefanaggi 2001]. Объяснения такой ситуации основываются на разных критериях: островной характер корсиканского, влияние на севере тосканского и генуэзского, изолированность долины Тараво, сохранение архаических характеристик корсиканско-сардинского языкового единства.

Обратимся к еще одному примеру, когда в изолированном идиоме проявляются специфические черты. В окситанском говоре Гуардиа Пьемонтесе прослеживается тенден-

ция утраты всех конечных гласных, в том числе и там, где этот гласный восходит к латинскому -a [Micalì 2023]. Для романских языков это важная характеристика, поскольку от конечных зависит наличие флексий рода или рода и числа в грамматической структуре. Окситанский, в том числе и окситанский в долинах Пьемонта, принадлежит к числу романских языков, где замолкают все латинские безударные конечные гласные, кроме -a. Этот звук, в зависимости от диалекта, сохраняется или переходит в [e]/[ə]/[œ] [Лободанов, Морозова, Челышева 2001: 286]. В калабрийских диалектах, окружающих гуардиолю, присутствуют два варианта переходов, характерных для южных диалектов Италии: либо конечные сохраняются, либо переходят в нейтральный гласный [ə]. Таким образом, в говоре Гуардиа Пьемонтезе складывается ситуация, отсутствующая как в окситанском, так и в калабрийских диалектах, и напоминающая, скорее, судьбу конечных в современном французском.

Приведенные примеры подтверждают условность разделения языковых характеристик на архаичные и инновативные, но также подтверждают специфичность развития языков в изолированных ареалах.

Заключение

Подводя итог, отметим, что труднодоступность ареала способствовала сохранению языка обитавшего в этом ареале населения. Это стало особенно заметно в XX в., когда интенсификация контактов с внешним миром привела к угрозе исчезновения многие миноритарные языки. На современном этапе в романских странах Европы удаленность и труднодоступность способствовала сохранению витальности языков и диалектов и способствовала формированию ситуации функционально асимметричного двуязычия или трехязычия.

Как наследство многовекового проживания в обособленном мире островных, высокогорных, цивилизационно удаленных районах осталась высокая вариативность вну-

три ареалов. распространенных в этих районах языков. П. Мартино, анализируя говоры Зоны Лаусберга, образно охарактеризовал ситуацию как «*spolverizzazzione degli esiti*» ‘распыление языковых характеристик’ [Martino 1996: 66].

Но, вместе с тем, современные исследователи рассматривают ситуацию не так однозначно, а разделение на консервативные и инновативные языковые характеристики выглядит довольно условным. Аналогии и параллели обнаруживаются и в других, далеких от консерватизма и открытых для контактов ареалах, например во французском языке.

Литература

Горенко, Сухачев 2001 — Горенко Г. М., Сухачев Н. Л. Ретороманский язык. *Языки мира. Романские языки*. Москва, 2001, 335–365.

Лободанов, Морозова, Челышева 2001 — Лободанов А. П., Морозова Е. В., Челышева И. И. Окситанский язык. *Языки мира. Романские языки*. Москва, 2001, 278–304.

Banfi 1996 — Banfi E. *Gemeinromanische Tendenzen I. Phonetik / Tendenze romanze comuni I. Fonetica. Lexikon der Romanistischen Linguistik. Bd. II/1 Latein und Romanisch: Historisch-vergleichende Grammatik der romanischen Sprachen*, ed. by G. Holtus, M. Metzeltin, Ch. Schmitt. Berlin; New York, 1996, 163–199.

Bertoni, Bartoli 1925 — Bertoni G., Bartoli M. *Breviario di neolinguistica*. Modena, 1925.

Benítez Marco, Latas Alegre 2023 — Benítez Marco P., Latas Alegre O. El aragonés: historia de una lengua minoritaria y minorizada. *Lengas*, 94, 2023. URL: <http://journals.openedition.org/lengas/7360>

Casalicchio 2020 — Casalicchio J. Il ladino e i suoi idiomi. *Manuale di linguistica ladina*. A c. di P. Videsott, R. Videsott, J. Casalicchio. Berlin; Boston, 2020, 144–202.

Dalbera-Stefanaggi 2001 — Dalbera-Stefanaggi M.-J. *Essais de linguistique corse*. Ajaccio, 2001.

Idone, Silvestri 2018 — Idone A., Silvestri G. *Verbicarese*, University of Zurich, 2018. URL: <https://www.dai.uzh.ch/new/#/public/overviews>

Jones 2001 — Jones M. C. *Jersey Norman French. A Linguistic Study of an Obsolescent Dialect*. Oxford, 2001.

Krefeldt 2004 — Krefeldt Th. Un mito da smontare: l'arcaicità del vocalismo sardo. *Su sardu — limba de Sardigna e limba de Europa*. Cagliari, 2004, 55–65.

Lausberg 1939 — Lausberg H. *Die Mundarten Südlukaniens*. Halle, 1939.

Lüdtke 1979 — Lüdtke H. *Lucania. Profilo dei dialetti italiani* 17. Pisa, 1979.

Martino 1991 — Martino P. *L'area Lausberg. Isolamento e arcaicità*. Roma, 1991.

Micali 2022 — Micali I. *L'occitano di Guardia Piemontese tra lingua e identità*. Pisa, 2022.

Marcato 2003 — Marcato G. (ed.). *I dialetti e la montagna. Atti del Convegno internazionale di Studio Sappada (Belluno), 02-06 luglio 2003*. Padova, 2003.

Rohlf's 1985 — Rohlf's G. Ein archaischer phonetischer Latinismus im nordlichen («lateinischen») Kalabrien. *Zeitschrift für romanische Philologie*, 1982, 98: 547–549.

Sagrestani 2004 — Sagrestani M. *Viaggio, inchiesta, legge: Zanardelli in Basilicata*. Università di Firenze, 2004. URL: <https://www.georgofili.net/file/get?c=1432c71d-97ad-4d6e-9c2b-bcb9ae4e1623>

Scetti, Djordjevic Léonard, Léonard 2022 — Scetti F., Djordjevic Léonard K., Léonard J. (eds.). *Vitalité sociolinguistique des langues des massifs montagneux: Alpes et Caucase*. Roma, 2022.

Schreier 2003 — Schreier D. Insularity and Linguistic Endemicity. *Journal of English Linguistics*, 2003. URL: https://www.academia.edu/48325101/Insularity_and_Linguistic_Endemicity

Urban 2020 — Urban M. Mountain linguistics. *Language and Linguistics Compass*, 2020, 9. URL: <https://compass.onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/lnc3.12393>

References

Banfi E. *Gemeinromanische Tendenzen I. Phonetik / Tendenze romanze comuni I. Fonetica. Lexikon der Romanistischen Linguistik. Bd. II/1 Latein und Romanisch: Historisch-vergleichende Grammatik der romanischen Sprachen*, ed. by G. Holtus, M. Metzeltin, Ch. Schmitt. Berlin; New York, 1996, 163–199. (In German).

Bertoni G., Bartoli M. *Breviario di neolinguistica*. Modena, 1925. (In Ital.)

Benítez Marco, Latas Alegre 2023 — Benítez Marco P., Latas Alegre O. El aragonés: historia de una lengua minoritaria y minorizada. *Lengas*, 94, 2023. URL: <http://journals.openedition.org/lengas/7360> (In Spanish)

Casalicchio J. Il ladino e i suoi idiomi. *Manuale di linguistica ladina*. A c. di P. Videsott, R. Videsott, J. Casalicchio. Berlin; Boston, 2020, 144–202. (In Ital.)

Dalbera-Stefanaggi M.-J. *Essais de linguistique corse*. Ajaccio, 2001. (In French)

Gorenko G. M., Sukhachev N. L. Retoromanskiy yazyk [Rhaeto-romance language]. *Yazyki mira. Romanskie yazyki*. Moscow, 2001, 335–365. (In Russ.)

Idone A., Silvestri G. *Verbicarese*, University of Zurich, 2018. URL: <http://www.dai.uzh.ch/new/#/public/overviews>

Jones M. C. *Jersey Norman French. A Linguistic Study of an Obsolescent Dialect*. Oxford, 2001

Krefeldt Th. Un mito da smontare: l'arcaicità del vocalismo sardo. *Su sardu — limba de Sardigna e limba de Europa*. Cagliari, 2004, 55–65. (In Ital.)

Lausberg H. *Die Mundarten Südlukaniens*. Halle, 1939. (In German)

Lüdtke H. *Lucania. Profilo dei dialetti italiani 17*. Pisa, 1979. (In Ital.)

Lobodanov A. P., Morozova E. V., Chelysheva I. I. *Oksitanskiy yazyk* [Occitan language]. Moscow, 2001, 278–304. (In Russ.)

Martino P. *L'area Lausberg. Isolamento e arcaicità*. Roma, 1991. (In Ital.)

Micali I. *L'occitano di Guardia Piemontese tra lingua e identità*. Pisa, 2022. (In Ital.)

Marcato G. (ed.). *I dialetti e la montagna. Atti del Convegno internazionale di Studio Sappada (Belluno), 02-06 luglio 2003*. Padova, 2003. (In Ital.)

Rohlf G. Ein archaischer phonetischer Latinismus im nördlichen («lateinischen») Kalabrien. *Zeitschrift für romanische Philologie*, 1982, 98: 547–549. (In Germ.)

Sagrestani M. *Viaggio, inchiesta, legge: Zanardelli in Basilicata*. Università di Firenze, 2004 URL: <https://www.georgofili.net/file/get?c=1432c71d-97ad-4d6e-9c2b-bcb9ae4e1623>

Scetti F., Djordjevic Léonard K., Léonard J. (eds.). *Vitalité sociolinguistique des langues des massifs montagneux: Alpes et Caucase*. Roma, 2022. (In French)

Schreier D. Insularity and Linguistic Endemicity. *Journal of English Linguistics*, 2003. https://www.academia.edu/48325101/Insularity_and_Linguistic_Endemicity

Urban M. Mountain linguistics. *Language and Linguistics Compass*, 2020, 9. URL: <https://compass.onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/lnc3.12393>

РОДНОЙ ЯЗЫК
Лингвистический журнал

RODNOY YAZYK
Linguistic Journal

Институт перевода Библии
101000 Россия, Москва, Главпочтамт, а/я 360
www.ibt.org.ru; ibt_inform@ibt.org.ru

Подписано в печать 12.2025
Формат 84×108 ¹/₃₂. Усл.-печ. л. 12.29
Бумага офсетная. Гарнитура «Noto»
Тираж 70 экз. Заказ №

Отпечатано в ООО «Тверская фабрика печати»
170006 Тверь, Беляковский переулок, 46
т. (8482) 235-32-13